В. Короленко

ЧТО ГЛАЗА МОИ ВИДѢЛИ.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ И РОССІЯ.

1921

ИЗДАНІЕ ОЛЬГИ ДЬЯКОВОЙ и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.

Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРСКІЙ

Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРСКІЙ

ЧТО ГЛАЗА МОИ ВИДѢЛИ.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ И РОССІЯ.

1921

ИЗДАНІЕ ОЛЬГИ ДЬЯКОВОЙ и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.

Этотъ трудъ напечатанъ въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ сто на лучшей бумагѣ.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

На склонѣ дней моихъ глаза мои видѣли «великую» русскую революцію.

Ту великую, которая, въ лихую годину тяжкой войны, обрушилась на обезсиленную Россію, и, тотчасъ-же забывъ о ней (т. е. о Россіи), занялась «самоуглубленіемъ».

Къ чему эту привело, — надо-ли говорить?..

Ея «самоуглубленіе» еще продолжается, крови пролилось много, но ея запасъ еще не изсякъ на святой Руси.

О такой именно русской (если хотите, — «великой», по размѣрамъ бѣдствій) революціи имѣется зловѣщее предсказаніе у знаменитаго Жанъ-Жака Руссо, въ его «Contract Social».

Но тѣ, кто искали спасенія Россіи именно въ революціи, къ сожалѣнію, не только не задумывались надъ пророческой страничкой Руссо, но были вообще далеки отъ всякаго предвидѣнья.

Вотъ, что мы читаемъ у Руссо по поводу теперь сбывающагося съ Россіей:

«Для націи, какъ и для людей, наступаетъ пора молодости съ совершеннолѣтіемъ, котораго нужно дождаться ранѣе, чѣмъ подчинять ихъ законамъ. Совершеннолѣтіе націи не всегда легко распознать, и если его упредить — пропало дѣло. Иной народъ готовъ для усвоенія дисциплины отъ самаго зарожденія своего, иному и въ десятокъ столѣтій это не дается.

Русскіе никогда не будутъ по настоящему шлифованными, потому что надъ ними стали предѣлывать это слишкомъ рано. Геній Петра, былъ геній подражательный; это не былъ подлинный геній, творящій изъ ничего. Кое-что изъ того, что онъ сдѣлалъ было хорошо, но, въ большей своей части, неумѣстно. Онъ видѣлъ, что народъ его еще въ состояніи варварства, но не видѣлъ того, что онъ еще не созрѣлъ для окончательной шлифовки; онъ хотѣлъ цивилизовать его, когда надо было начать съ того, чтобы сдѣлать его твердымъ. Онъ затѣялъ творить изъ своихъ подданныхъ нѣмцевъ, англичанъ, когда надо было начать съ того, чтобы сдѣлать русскихъ; онъ навсегда воспрепятствовалъ своимъ подданнымъ стать тѣмъ,

чѣмъ они могли быть, вбивъ имъ въ голову, что они то, чѣмъ они не были. Такъ иной французскій наставникъ ведетъ своего воспитанника къ тому, чтобы онъ блиставъ въ дѣтствѣ, оставаясь потомъ навсегда ничѣмъ.

Россійская Имперія пожелаетъ подчинить себѣ Европу, но сама будетъ подчинена. Татары, ея собственные подданные или сосѣди станутъ ея господами и подобная революція мнѣ представляется неизбѣжной. Всѣ европейскія правительства дружно работаютъ надъ ускореніемъ этого».

Не считаться съ такими предсказаніями, особенно сейчасъ, когда оно уже въ большей своей части сбылось, значило бы закрывать глаза. Можно только удивляться еще прирожденной силѣ русскаго народа, который выносилъ стойко всѣ правительственные надъ нимъ эксперименты и сдалъ только въ періодъ общеловѣческихъ бѣдствій.

Оговариваюсь заранѣе: я отнюдь не славянофилъ, въ томъ узкомъ смыслѣ и квасномъ вкусѣ, какъ это принято у насъ понимать, но я и не западникъ того типа, которымъ щеголяла наша литературная и всякая иная «интеллигенція», полагавшая все свое призваніе въ пересадкѣ на русскую, неудобренную почву, самыхъ дорогихъ и дѣнныхъ цвѣтковъ европейской культуры, взращенныхъ чужимъ трудомъ и политыхъ потомъ и кровью другихъ народовъ. На даровщину эти цѣнности не пріобрѣтаются; прочно только то, что добыто своими усиліями, что вписано на страницы своей исторіи собственною кровью.

Начать хотя-бы съ декабристовъ, ореолъ славы которыхъ живетъ исключительно ихъ мученическимъ концомъ и чертами рыцарскаго благородства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Внѣ этого, какая ребяческая, туманно-подражательная программа, какой нелѣпый замыселъ объять необъятное, когда въ то время у Россіи была единственно насущная задача: мирное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Веди они только эту пропаганду, словами и примѣромъ, они не были бы декабристами, а практическими гуманистами высокаго закала и ихъ дѣятельность не осталось бы для Россіи безъ культурно-реальныхъ плодовъ.

Не даромъ Левъ Толстой началъ было и бросилъ писать свой романъ, сюжетомъ котораго должны были явиться декабристы. Они достойны простой исторической справки, но это не герои эпопеи.

Нигилизмъ, охватившій Россію въ началѣ царствованія Александра II, не иллюстрируетъ-ли безпочвенность русской интеллигенціи... И въ какую минуту, когда мирной просвѣтительной

работѣ, не будь его эксцесовъ, съ пожарами и террористическими актами, открывался уже значительный просторъ. Его антикультурныя проявленія достаточно охарактеризованы въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, чтобы интеллигенція, жаждавшая во что бы то ни стало «великой» революціи для Россіи, могла считать себя непредупрежденной относительно неизбѣжности тѣхъ отвратительныхъ ея послѣдствій, которыя вылились теперь. Рядъ террористическихъ актовъ, которымъ на протяженіи многихъ лѣтъ сочувствовала, если не поощряла «интеллигентная» Россія, въ концѣ концовъ, не принося никакой практической пользы, только развращала народныя массы, разнуздывала ихъ совѣсть, давала образчикъ самоуправныхъ, кровавыхъ расправъ, якобы неизбѣжныхъ, въ поступательномъ историческомъ движеніи націи.

Оговариваюсь, разъ и навсегда, относительно абсолютизма нашей монархіи, правительства и всего того, что правило народомъ офиціально и, якобы, властно. Все это было въ огромномъ большинствѣ своемъ ниже всякой критики, не только внѣ всякой опредѣленной программы, но и малѣйшей продуманности. Непониманіе собственныхъ интересовъ правящихъ, сталкивающееся съ такимъ же непониманіемъ интеллигенціи и ея неумѣніемъ исповѣдывать не однѣ революціонныя мечты, а мирно-просвѣтительныя задачи, приводило къ тупо-кровавому упрямству съ той и съ другой стороны, оставляя реально-насущные интересы страны внѣ этой вѣчной борьбы правительства съ революціонно-натасканной, разъ навсегда, интеллигенціей.

Когда мы говоримъ теперь, заднимъ числомъ, о нашихъ «тиранахъ монархахъ» становится и стыдно и смѣшно. Они могли бы быть въ свое время тиранами и, пожалуй, хуже, что ими не были, во вкусѣ Іоанна Грознаго. Это, по крайней мѣрѣ, заставило бы нашу «чеховскую» интеллигенцію, хотя-бы ради шкурнаго своего бытія, быть не тѣмъ кисельно-ноющимъ, сѣрымъ стадомъ, ожидающимъ спасенія отъ отдѣльныхъ мучениковъ террористовъ. Кликни въ свое время любой «тиранъ» свой кличъ къ народу, посули ему хоть горсть тѣхъ обѣщаній, которыя пригоршнями разсыпали ему и наши думцы и наши революціонеры относительно раздачи земель, неплатежа налоговъ и прочее, и кромѣ царя и народа ни одной живой души не осталось бы въ Россіи. Всю интеллигенцію смело бы, какъ будто ее никогда не существовало.

Но, увы! — цари наши были и безпутными, и легкомысленными и недоумками, но тиранами, желающими сами со своими потомками, только уцѣлѣть на престолѣ, во что бы то ни стало, никогда не были. Три такихъ колосса мысли и чувства, какъ Пушкинъ,

Гоголь и Достоевскій, кончили тѣмъ, что поняли это, и провидѣли въ царѣ слугу народа, при условіи мирной и длительной ему подмоги, а не вѣчной разбойничьей травли изъ-за угла.

Царствованіе Александра II съ первыхъ же шаговъ было сплошною его травлею изъ-за угла, и не чему дивиться, что подъ конецъ его царствованія это уже былъ травленный заяцъ, а вовсе не самодержавный монархъ, не знавшій гдѣ и какъ искать опоры.

И самое убійство его Перовской и К°. наканунѣ, какой ни на есть, «конституціи», могущей открыть брешь къ правильному политическому развитію Россіи, не было-ли все тѣмъ же характернымъ девизомъ нашей недисциплинированной интеллигенціи: «все или ничего!»

Только цари, приближавшіеся сколько нибудь къ типу «тирановъ», умерли у насъ своею смертью.

Уцѣлѣвали до конца именно тѣ, которые отвѣчали: «ничего»!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ сущности положеніе нашихъ самодержцевъ было всегда, болѣе или менѣе, трагически-жалкимъ.

Офиціально считалось, что русское дворянство — надежнѣйшая опора престола. Но о нашемъ, такъ называемомъ, дворянствѣ говорить нельзя иначе, какъ съ величайшими оговорками и въ этомъ, опять таки, великій грѣхъ Великаго Петра. Какъ ни какъ, но древнее боярство имѣло свои корни, свои заслуги, свою исторію, свой авторитетъ у народа. Оно барахталось и мужественно проявляло себя даже при Іоаннѣ Грозномъ. Правда оно не съумѣло сдѣлать государственнаго дѣла, какъ это сдѣлало англійское дворянство захватившее своевременно всю власть въ свои руки и не во имя своихъ кастовыхъ интересовъ, а во имя блага страны. Но все-же въ боярствѣ были и близость къ народу и кое-какія нравственно-бытовые устои, которые безпощадно смела все та-же европейская метла Петра Великаго.

Созданное имъ и его потомками наше служилое дворянство, за небольшими исключеніями, все пошло отъ прислужниковъ и авантюристовъ, нерѣдко иноземнаго происхожденія, отъ любовниковъ нашихъ царицъ, отъ сводниковъ, наушниковъ и прочей царской челяди, искавшей только подачекъ у подножья трона.

Наслѣдственность довольно сомнительная. Чего же было ждать отъ такого «сословія»?!

При этомъ при завѣреніяхъ въ своемъ «патріотизмѣ» при офиціальныхъ случаяхъ, полное отсутствіе любви и всякой связи съ родиной.

Одаренные выше мѣры за счетъ Россіи, они проживали эти состоянія, большею частью, за границей, забывая о Россіи, картавя, коверкая и портя родную рѣчь.

У трона, оттѣснивъ родовитое дворянство, въ послѣднее время, тѣснилась стая случайныхъ людей, стоявшая плотной стѣной между царемъ и народомъ, и не было лжи и подвоха, къ которымъ эти молодцы не прибѣгали-бы, чтобы ослѣпить царя своими завѣреніями о «благополучіи Россіи».

Въ сущности наши «тираны» почти всѣ были безвольными тряпками, игрушками въ рукахъ тѣхъ, или иныхъ бюрократовъ, правившихъ Россіей. И наше «первое» сословіе вмѣсто мирной, но стойкой оппозиціи, охотно мирилось съ ними, кто бы они ни были, ради подачекъ и своихъ исключительныхъ выгодъ.

Стойкимъ «тираномъ» у насъ считался Александръ III.

На короткохвостомъ, но грузномъ конѣ, не русскаго типа, въ видѣ тяжеловѣснаго монумента, изобразилъ его Трубецкой. А въ сущности онъ все свое царствованіе проѣздилъ на доморощенныхъ безъуздыхъ соврасахъ, жадно отъѣдавшихся на государственныхъ харчахъ.

Двое типичнѣйшихъ заправилъ этого царствованія: Муравьевъ и Витте. Къ концу царствованія Александра III ихъ недаромъ величали узурпаторами царской власти. Они непосредственно подготовили печальное царствованіе несчастнаго Николая, поплатившагося за вся и за всѣхъ.

Какъ же реагировало на ихъ своекорыстную политику наше дворянство, наше «первое сословіе»?

Пріемная того и другого (какъ впослѣдствіи у Распутина) всегда была набита именно просителями этой «красы и гордости» націи, но ничего не просили и не требовали они для страны, для народа, а исключительно клянчили выгодъ и подачекъ для себя.

Характерные примѣры бывали басней города.

Напримѣръ, исторія съ возстановленіемъ имущественнаго благоденствія рода князей Б. Не къ царю пошли они за этимъ, а къ Витте. Я зналъ адвоката, который «провелъ» это дѣло, онъ и повѣдалъ мнѣ какими психологическими путями и этапами интимнаго характера пришлось достигать благопріятнаго результата.

При содѣйствіи министра юстиціи Муравьева была учреждена Высочайшая опека, широко использовавшая казенныя субсидіи для частныхъ интересовъ. «Весь Петербургъ» скоро узналъ, «гдѣ зарыта собака».

Супруга всесильнаго финансиста, непринятая ко двору и бойкотируемая «высшимъ свѣтомъ«, скоро стала показываться въ ложѣ чопорной княгини Б., и стала посѣщать княжескій дворецъ, о чемъ не смѣла мечтать раньше.

Это примѣръ только случайный.

И Витте и Муравьевъ, съ легкой руки Побѣдоносцева, были настоящими узурпаторами и развратителями самодержавной царской власти.

По формулѣ нашихъ «основныхъ законовъ» самодержецъ управляетъ Россіей «на твердомъ основаніи законовъ». Никто менѣе ихъ не стѣснялись ни законами ни традиціями. Одно время они были типичнѣйшими правительственными жонглерами, заботящимися исключительно объ удержаніи лично за собой власти, а съ нею вмѣстѣ и благъ земныхъ.

Если раньше неумно правили Россіей родовитые, но бездарные сановники, честные по своему, но не видѣвшіе дальше своего носа, то зато эти не могли не видѣть въ какую пропасть они ее ведутъ и, достойныхъ предшественниковъ Распутина не даромъ, изъ деликатности по иностранному, окрестили весьма нелестнымъ прозвищемъ къ концу правленія Александра III-го.

Но они, и имъ подобные, оставались еще долго у власти и при Николаѣ II-мъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еврейскій вопросъ въ Россіи всегда былъ больнымъ мѣстомъ, не только нашей государственности, но и общественности.

Черта осѣдлости и всевозможныя правовыя ограниченія, парализуя для еврейской трудоспособной массы возможность ассимиляціи и органическаго пріобщенія къ интересамъ Россіи, создавало внутри самого государства непримиримыхъ и весьма опасныхъ враговъ нашего государственнаго режима. На этой почвѣ процвѣтали и пріемы деморализующаго характера, выработанные администраціей, обязанной проводить въ жизнь дробную регламентацію такого искусственнаго неравноправія.

Еврейская масса, отъ которой брезгливо отворачивалась «опора» трона и правящіе классы, сплошь бѣдствовала и бывала нерѣдко жертвою правительственныхъ экспериментовъ въ видѣ безсовѣстно диктуемыхъ погромовъ (напримѣръ, Кишиневскій погромъ при Плеве) и, въ то же время, еврейскія мошны, пандухныхъ спекулянтовъ, набитыя при помощи казенныхъ воровскихъ поставокъ и столь же воровскихъ биржевыхъ и банковскихъ аферъ, властно позвякивали, пробивали себѣ дорогу рѣшительно всюду, гдѣ нужно было развратить и обезсилить власть, или нарушить законъ.

Интеллигентная еврейская молодежъ, особенно болѣзненно страдавшая отъ подобной постановки въ Россіи «еврейскаго вопроса», естественно, стремилась увеличить собою потокъ кровавотеррористическихъ выступленій.

Въ сферѣ общественности, именно юридическое неравноправіе евреевъ, вело къ выработкѣ лишь двухъ крайнихъ, лишенныхъ вдумчивости и безпристрастія, отношеній къ «еврейскому вопросу». Извѣстные общественные элементы являлись поголовно непримиримыми юдофобами, нетерпящими самого духа еврейской націи, одобрявшими и погромы и самыя нелѣпыя репрессіи; лучшіе сознательно являлись юдофилами, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, брезгливо опасаясь, даже критикой отдѣльныхъ отрицательныхъ чертъ и личностей, унизиться до нанесенія удара лежачему.

Молчаливое соглашеніе по этому предмету, не всегда и не всѣми, истолковывалось и понималось правильно.

Противники евреевъ характеризовали его, какъ страхъ передъ еврейскимъ засильемъ въ сферѣ матеріальныхъ отношеній, иные же еврейскіе круги не прочь-бы усматривать въ этомъ просто слабость и невольное признаніе превосходства еврейской культуры.

Подъ шумокъ такихъ настроеній, напримѣръ, русская прекрасная рѣчь безнаказанно загромождалась въ повседневной печати иностранно-еврейскими вывертами и словечками, а сфера дѣловыхъ и матеріально-экономическихъ комбинацій и отношеній, почти безъ боя и должной конкуренціи, уступалась въ распоряженіе еврейскихъ дѣльцовъ.

Юридическое безправіе еврейства, обязывавшее русскую интеллигенцію, по чисто моральнымъ основаніямъ, къ значительной пассивности въ дѣлѣ оцѣнки даже явно отрицательныхъ явленій, получало сплошь санкцію какой-то торжественной апологіи еврейства.

Благодаря такому положенію вещей, и при расплывчатой мяг-

котѣлости русскаго народа, замкнутая сплоченность еврейства въ Россіи являлась могучею силою.

Сила эта, именно въ виду ея юридическаго безправія, не могла вылиться иначе, какъ въ силу революціонную, разлагающую нашу государственность.

Еврейство вообще наклонно быть ржавчиной всякой государственности. Оно незримо, но неустанно разлагаетъ ее. Не имѣя собственнаго государства (территоріи, въ этомъ смыслѣ «отечества»), каждому еврею естественно болѣе улыбается быть «гражданиномъ міра», нежели смиреннымъ подданнымъ той, или иной державы. А быть подданнымъ государства, гдѣ явно афишировалось (какъ въ Россіи) его безправіе и практиковался унизительный процентный учетъ даже на образованность, явно невыносимо.

Русское еврейство естественно стремилось всѣми средствами и усиліями сбросить съ себя ярмо юридическаго рабства. Теперь сами евреи не скрываютъ свое широкое участіе въ дѣлѣ подготовки нашей «великой» революціи.

Одного, искусственно, щегловитовскимъ правосудіемъ, созданнаго, процесса злополучнаго Бейлиса (не говоря уже о предыдущихъ погромахъ), которымъ близорукая власть имѣла въ виду «доканать» все еврейство, было черезъ мѣру достаточно для революціоннаго возбужденія русскаго еврейства.

Если пророчество Достоевскаго сбылось, и евреи «погубили Россію», то остается самимъ русскимъ учесть этотъ жестокій урокъ исторіи и попробовать воскресить ее.

Одной юридической жестокости и нравственной общественной дряблости для бытія государства, очевидно, недостаточно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разъ зашла рѣчь о русскомъ еврействѣ, невольно воскресаетъ въ моей памяти свѣтлый образъ такого «русскаго еврея», какъ А. Я. Пассоверъ, страстно любившаго Россію, ея бытъ, ея литературу. Съ предусмотрительною терпимостью онъ прощалъ ей ея временные недочеты и твердо вѣрилъ въ мирный разсвѣтъ ея свѣтлаго будущаго. Онъ считалъ большой ошибкой со стороны самодержцевъ не дать всѣмъ своимъ подданнымъ основныхъ устоевъ равенства, широкой образованности и законности, что могло бы сразу измѣнить группировку революціонныхъ настроеній въ

имперіи. Поляки, финны, евреи, благодаря своей большой жизненной закаленности, по его мнѣнію, могли явиться гораздо болѣе надежною стѣною противъ крайнихъ революціонныхъ натисковъ, нежели сами русскіе, вообще органически туго понимающіе и воспринимающіе культурность дисциплины. Онъ восторгался Н. Н. Герардомъ, когда тотъ въ качествѣ Финляндскаго генералъ-губернатора, послѣ революціи 1904—1906 гг. съумѣлъ въ короткій срокъ завоевать себѣ популярность среди финновъ и добиться безъ дикихъ репрессій умиротворенія края.

Кстати о Н. Н. Герардѣ.

Когда онъ подвергся жестокой травлѣ со стороны «Новаго Времени», именно въ качествѣ Финляндскаго генералъ-губернатора, онъ часто бывалъ у меня въ виду процесса «о клеветѣ», который онъ счелъ себя вынужденнымъ повести противъ названной газеты. Раньше нежели начать процессъ, оставаясь еще въ должности генералъ-губернатора, онъ рѣшилъ доложить о своемъ намѣреніи Государю, чтобы получить на это его санкцію. Характерно его объясненіе съ царемъ.

На письменномъ столѣ Государя, какъ разъ лежала цѣлая куча номеровъ «Новаго Времени». Герардъ и началъ съ того, что, указавъ на нихъ, выразилъ увѣренность, что царю извѣстны всѣ выпады этой газеты противъ его политики въ Финляндіи, причемъ характеризовалъ эти выпады, какъ преднамѣренную клевету сторонниковъ иной, чѣмъ онъ, политики обрусѣнія окраинъ. Государь быстро отодвинулъ отъ себя газеты, заявивъ: «я этого не читалъ!» Герардъ не вполнѣ понялъ, что это должно было означать: что онъ вообще не читаетъ «Новаго Времени» или только статей направленныхъ противъ него.

На вопросъ какъ онъ, Государь, отнесся бы къ его намѣренію возбудить публичный судебный процессъ, съ цѣлью установленія въ общественномъ мнѣніи правильнаго государственнаго взгляда на его отношенія въ Финляндіи, царь сказалъ: «да, это было бы хорошо. Вполнѣ одобряю Ваше намѣреніе».

Во время этой аудіенціи и нѣсколькихъ послѣдующихъ Государь былъ, какъ никогда любезенъ и даже ласковъ съ Н. Н. Герардомъ. Онъ интересовался его будущимъ процессомъ, спрашивалъ кто его адвокатъ и каково мнѣніе послѣдняго относительно шансовъ выигрыша процесса.

Н. Н. по его словамъ передалъ Государю въ общихъ чертахъ мой отзывъ о возможной судьбѣ процесса. Дѣла о клеветѣ въ печати судились въ то время коронным судомъ, безъ участія при-

сяжныхъ засѣдателей. Съ присяжными процессъ безусловно былъ бы выгранъ, такъ какъ политика Герарда по отношенію Финляндіи была умна, цѣлесообразна и всецѣло отвѣчала общегосударственнымъ интересамъ. Но я опасался Щегловитовскаго давленія на совѣсть коронныхъ судей, которое въ сенсаціонныхъ процессахъ, благодаря подбору судей, уже систематически сказывалось. Вліяніе «Новаго Времени» на прислужниковъ власти было въ то время также очень сильно. Разумѣется, въ устахъ Герарда мой отзывъ получилъ болѣе парламентскую окраску, онъ упомянулъ лишь о томъ, что въ числѣ коронныхъ судей могутъ оказаться убѣжденные противники его политическихъ взглядовъ на задачи Русскаго Правительства по отношенію къ нашимъ окраинамъ.

Тема эта, очевидно, очень заинтересовала Государя. Онъ комфортабельно усадилъ Герарда въ мягкое кресло и сталъ, не спѣша и обстоятельно, бесѣдовать съ нимъ объ этомъ. Резюмированное мнѣніе Н. Н. Герарда по этому вопросу было таково: Финляндія, Польша и Кавказъ явились бы наилучшимъ оплотомъ внѣшней и внутренней безопасности Россіи при условіи надлежащаго отношенія къ нимъ со стороны высшаго Правительства. Финляндія и Польша заслуживали бы полной автономіи, съ сохраненіемъ всевозможныхъ ихъ національныхъ, бытовыхъ чертъ и традицій. Онъ — Н. Н. Герардъ увѣренъ, что, именно при такихъ условіяхъ, Великій Князь Финляндіи и Царь Польскій были бы даже болѣе обезпечены отъ всякихъ революціонныхъ эксцессовъ, нежели самодержавный Государь Россіи.

Царь очень призадумался, ничего не возражалъ и, наконецъ, сказалъ: «благодарю Васъ за полную откровенность. Надо подумать. То, что Вы мнѣ сказали очень серьезно». Въ послѣдующія свиданія Государь уже не возвращался къ той же темѣ, но продолжалъ быть крайне любезнымъ съ Герардомъ, давая понять, что относится къ нему съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Кончилось это, однако, довольно скоро неожиданной отставкой Н. Н. Герарда и назначеніемъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ вполнѣ ничтожнаго Зейна, поведшаго прежнюю, Бобриковскую политику обрусѣнія.

По поводу увольненія Герарда и оставленія его не у дѣлъ, даже въ качествѣ Члена Государственнаго Совѣта, помнится, Пассоверъ мнѣ сказалъ: «Какое безуміе, лишиться такого государственнаго ума, какъ Н. Н. Герардъ. Я уже послѣ его отставки бесѣдовалъ съ нимъ, его пророчество относительно грядущей судьбы Россіи до жуткости ясно и безнадежно».

На ряду съ этимъ дѣятельность революціонныхъ запѣвалъ въ

нашихъ трехъ государственныхъ думахъ находила себѣ вполнѣ отрицательную оцѣнку у того же Пассовера.

О Винаверѣ онъ иначе не выражался какъ: о «хитроумномъ гомункулусѣ», считая вообще всю партію «кадетовъ» «головастиками», совершенно не знающими и непонимающими Россіи и ея интересовъ. Накрахмаленный англоманъ В. Д. Набоковъ, съ его холостымъ выстрѣломъ: «власть исполнительная, да подчинится власти законодательной», снискавшая ему лавры героическаго либерализма, возбуждалъ въ немъ всегда ироническое замѣчаніе: «попалъ пальцемъ въ небо»!

Самъ «незабвенный предсѣдатель первой Думы», С. А. Муромцевъ съ его требованіемъ, чтобы придворная карета въ Царскомъ Селѣ подавалась ему первому «какъ представителю народа», въ нашей бесѣдѣ съ Александромъ Яковлевичемъ не вызывалъ восторга.

Я замѣтилъ Пассоверу (онъ былъ отличный ходокъ): «Вы, Александръ Яковлевичъ, навѣрно, пошли бы во дворецъ пѣшкомъ», на что онъ отвѣтилъ: «А Вы думаете, что это не было бы куда эффектнѣе, нежели настойчиво и дерзостно выпрашивать милостыню».

Вообще вся дѣятельность первой Думы, съ ея естественнымъ разгономъ, и съ ея противуестественнымъ выборгскимъ воззваніемъ, доказала полное отсутствіе наличности у ея членовъ малѣйшаго политическаго такта и смысла.

Развѣ такъ овладѣваютъ властью и дѣлаются органически необходимыми для страны и народа? Истинно талантливый артистъ и на шаткихъ подмосткахъ съумѣетъ захватить толпу, только тогда онъ вправѣ оттолкнуть жалкіе подмостки и требовать себѣ болѣе подходящей арены. Но безцѣльно кривляться, когда гонятъ съ подмостокъ, безтактно и глупо. Таково было «выборгское воззваніе».

Когда я уже послѣ спросилъ Винавера, какъ онъ «умный Винаверъ», затѣялъ это воззваніе, онъ отвѣтилъ: «часовой обязанъ сдѣлать и послѣдній выстрѣлъ, разъ онъ на посту»! «Какъ — возразилъ я — даже холостымъ зарядомъ?» Когда Муромцева спрашивали зачѣмъ и онъ подписалъ это воззваніе, не всегда глубокомысленный Сергѣй Андреевичъ на сей разъ отвѣтилъ чрезвычайно глубокомысленно: «Еже писахъ, писахъ»!

При налаженномъ уже конституціонномъ режимѣ декоративный С. А. Муромцевъ выглядѣлъ бы отличнымъ предсѣдателемъ-законникомъ, но тутъ онъ былъ лишь жалкимъ статистомъ, захва-

ченнымъ странствующей труппой, желавшей революціонировать страну, исключительно ради его почтенной осанки, внушительнаго вида и голоса, и писалъ, и говорилъ все, что ему суфлировали.

Такъ «подписалъ» онъ и выборгское воззваніе.

До чего натискъ печатный и словесный сбивалъ въ то время съ толку людей, повидимому, даже установившихся въ своихъ политическихъ (если только таковыя у нихъ были) взглядахъ, можно отчасти судить по слѣдующему примѣру.

Ѳ. Н. Плевако, прославленный московскій ораторъ, попалъ во вторую Думу. Любитель русской (даже славянской) старины и церковности, казалось бы, имѣлъ же свои, хотя бы бытовыя, если не устои, то вкусы.

Во время думской сессіи онъ жилъ въ Петербургѣ и бывалъ у меня. Однажды съ очень озабоченнымъ видомъ онъ ходилъ у меня по кабинету и о чемъ то раздумывалъ. Я его спросилъ, что его такъ заботитъ. Онъ признался, что обдумываетъ форму ограниченія царскаго титула. Извѣстная думская партія желаетъ внести предложеніе о видоизмѣненіи царскаго титула, чтобы подчеркнуть, что онъ уже не абсолютный русскій царь Божіей Милостью, а ограниченный монархъ.

Я широко, вопросительно открылъ на него глаза. Онъ показался мнѣ и очень постарѣвшимъ и какъ бы уже утратившимъ всю свѣжесть своего, если не ума, то талантливости и чутья.

«Что Вы на меня такъ смотрите. Вотъ придумайте, какъ это надо урѣзать...»

«Я бы, наоборотъ, прибавилъ-бы что-нибудь къ прежнему титулу въ ознаменованіе дарованной конституціи — отвѣтилъ я. И царю было бы лестно и цѣль была бы достигнута».

Но Ѳ. Н., уже достаточно навинченный, не хотѣлъ понять: «Тогда уцѣлѣетъ самодержецъ». —

«И чудесно, на бумагѣ пусть себѣ уцѣлѣваетъ, архивная справка ничему мѣшать не должна, важно фактическое содержаніе и объемъ власти. Чѣмъ меньше дасте власти, тѣмъ пышнѣе, усерднѣе, возвеличивайте титулъ Монарха, а не поступайте наоборотъ. Титулъ Монарха любой страны долженъ быть квинтъ-эсенціей его послужного списка, не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ... И отставного генерала Вы называете превосходительствомъ, а вѣдь все его генеральство только въ томъ, что онъ въ казначейство за пенсіей для моціона пѣшкомъ ходитъ».

Ѳ. Н. задумался, но вскорѣ оживился: «пожалуй Вы правы... Дѣло не въ титулѣ!»

Какъ вырѣшился вопросъ объ ограниченіи царскаго титула

въ думской партіи не знаю, вѣрнѣе, не помню, но недоставало-бы только чтобы изъ-за этого была разогнана вторая Дума. Если такъ, туда ей и дорога.

Впрочемъ, когда я пишу эти строки, Россія изнываетъ отъ такихъ кровавыхъ ужасовъ, что туда и дорога всему, вообще, что довело ее до этихъ тяжкихъ дней.

Рано или поздно покаяннымъ стономъ разразится она и сгинетъ тогда все случайнымъ вихремъ нанесенное на нее извнѣ. Кровавый революціонный пиръ, заданный ей, въ годину тяжкой войны, на деньги мутнаго посточника, не скоро ею будетъ забытъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Принадлежа къ очень большому по своей численности сословію петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, бывая нерѣдко въ Москвѣ и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи въ качествѣ уголовнаго защитника (недаромъ покойный В. Д. Спасовичъ въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей прозвалъ меня «Летающимъ Голландцемъ») я зналъ довольно близко составъ, настроеніе и наличныя силы россійской адвокатуры и вправѣ отмѣтить изъ ея рядовъ тѣхъ, чьи имена, такъ или иначе, фигурировали въ качествѣ политическихъ дѣятелей.

Свободное, самоуправляющееся сословіе адвокатовъ при самодержавно-бюрократическомъ строѣ, конечно, являлось большою аномаліею и явнымъ показателемъ недодѣланности насущнѣйшихъ мирныхъ реформъ царствованія Александра II.

Когда хочешь управляться деспотически только физической силой, пренебрегая правомъ и моралью, вполнѣ послѣдовательно упразднитъ сословную организацію независимой адвокатуры. Царское Правительство не посмѣло сдѣлать этого, какъ сдѣлало совѣтское правительство, а съ другой стороны не съумѣло идти въ контактѣ съ строгой законностью, только при наличности которой сословіе адвокатовъ могло быть его союзникомъ.

Именно на первыхъ же порахъ, когда притокъ въ адвокатуру талантливѣйшихъ силъ былъ особенно великъ, правительство могло черпать изъ него надежнѣйшихъ своихъ представителей. Но отношенія установились какъ разъ обратныя: въ адвокатуру изъ магистратуры устремлялось, какъ разъ, все живое, честное, независимое. Такія имена какъ Жуковскій, Андреевскій, Александровъ

(защитникъ Вѣры Засуличъ) и другіе, ставшіе украшеніемъ сословія, исчезли изъ списковъ прокуратуры, непомѣрно ослабивъ ее именно благодаря невозможному, съ точки зрѣнія законности, направленію дѣятельности такихъ министровъ юстиціи, какъ Муравьевъ и Щегловитовъ.

Высшее судебное учрежденіе для всей Россіи, Правительствующій Сенатъ, за послѣдніе годы по составу сенаторовъ, былъ не правительствующимъ, а лакействующимъ, вполнѣ послушнымъ директивамъ министровъ юстиціи, хотя бы директивы эти нарушали явно законъ... Особенно вѣрно это относительно Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, въ которомъ вымерли такіе честно-консервативные типы, какъ Рѣпинскій, бар. Тизенгаузенъ, Фененко и другіе, и откуда были удалены въ Общія Собранія такіе талантливые и испытанные юристы либеральнаго оттѣнка, какъ А. О. Кони, В. А. Случевскій, Ф. А. Арнольдъ и др.

Гражданскіе процессы, если они не были выдающимися, ни по суммѣ, ни по положенію участвующихъ, избѣгали министерскаго давленія. Но въ дѣлахъ гдѣ, такъ или иначе, былъ ходъ къ министру юстиціи, адвокату противной стороны надо было смотрѣть въ оба. Я лично, при Муравьевѣ, въ двухъ-трехъ выдающихся гражданскихъ процессахъ испыталъ это, и въ свое время затратилъ всю свою энергію, чтобы парализовать закулисное давленіе едва не погубившее завѣдомо правыя дѣла.

Что касается до угловнаго правосудія то, внѣ суда присяжныхъ, его рѣшенія были сплошь тенденціозны и рабски угодливы политикѣ даннаго министра юстиціи. Достойно замѣчанія, что тяжущіеся изъ аристократической, или изъ близкой правительству среды, пользующіеся услугами адвокатовъ избѣгали имѣть своими повѣренными или юрисконсультами лучшихъ представителей, присяженой адвокатуры. Они довольствовались услугами либо частныхъ повѣренныхъ, либо присяжныхъ повѣренныхъ такихъ судебныхъ округовъ, гдѣ не имѣлось Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и гдѣ непринятые Совѣтами по нравственнымъ основаніемъ лица, находили себѣ пріютъ. Это характерное явленіе объяснялось именно тѣмъ, что такіе повѣренные не брезгали никакими закулисными ходами въ Министерствѣ Юстиціи, а въ послѣднее время и у самого Распутина, во время, якобы, могущественнаго его вліянія.

Безграмотныя записки Распутина, то къ тому то къ другому, министру нерѣдко имѣли иногда рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Нечего и говоритъ, что, достойные и уважающіе себя и свое званіе, присяжные повѣрные, какъ отъ огня бѣжали отъ подобныхъ дѣлъ и комбинацій.

Лично меня, имѣвшаго значительную практику и по преимуществу уголовную, нерѣдко умоляли «написать только два слова» Распутину относительно исходатайствованія помилованія то тому, то другому осужденному, увѣряя что именно моя «авторитетная» просьба, поддержанная имъ, будетъ имѣть вѣрный успѣхъ . Я не согрѣшилъ ни разу. Чувство нравственной брезгливости каждый разъ заставляло меня на отрѣзъ, не входя ни въ какія подробности, отказываться отъ подобныхъ дѣлъ. Такъ же поступали всѣ уважаемые мною товарищи по сословію.

Ни разу въ жизни я не встрѣчался съ Распутинымъ и не зналъ бы вовсе какъ онъ выглядѣлъ, если-бы однажды весною его мнѣ не указали ѣдущаго по «Островамъ», въ придворной каретѣ. Рѣзко малеванный портретъ «чернаго монаха» въ спущенномъ окнѣ кареты, какъ въ рамѣ, былъ мною запечатлѣнъ.

Было-бы, къ сожалѣнію, неправдой утверждать, что все адвокатское сословіе, какъ одинъ человѣкъ, отдавалось чистому служенію правосудія. Въ его средѣ было не мало отрицательныхъ типовъ, посвятившихъ себя исключительно наживѣ и дѣлецкой юркости; но все же была основа въ лицѣ «старшковъ» (anciens) чтимыхъ сословіемъ и державшихъ, твердою рукою, въ качествѣ Членовъ Совѣта, лучшія его традиціи и чаянія. Въ общемъ это было сословіе либеральное, не только въ профессіональномъ значеніи этого слова, но и по своимъ политическимъ тенденціямъ. Иначе, разумѣется, быть и не могло, такъ какъ самоуправляющаяся группа образованныхъ общественныхъ дѣятелей не могла-же слиться съ бездарнымъ правительственнымъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, проявлявшимъ властную тенденцію только пятиться назадъ, а не идти твердыми шагами впередъ къ завѣтной цѣли, постепенно-стойкаго, разумнаго строительства страны.

При наличности, въ дореволюціонной Россіи сановно-чиновнаго (но не царскаго) абсолютизма, существованіе на ряду съ этимъ свободнаго самоуправляющагося сословія адвокатовъ было рѣзкою, почти трагическою аномаліею. Явно противуположныя общественныя задачи не могли не ставить адвокатуру въ противорѣчіе съ видами и чаяніями правительства, и вполнѣ естественно, что вся публичная дѣятельность лучшихъ адвокатскихъ силъ была у насъ всегда дѣятельностью систематически оппозиціонною. Это пытались обуздать и Муравьевъ и Щегловитовъ и такіе ихъ ставленники, какъ старшій Предсѣдатель Петербургской Судебной Палаты Крашенинниковъ или сенаторы: Бахтіаровъ, Гредингеръ и т. п. Но эти попытки только раздражали общественное мнѣніе и увеличивали значеніе и силу публичйаго адвокатскаго слова.

Истинно талантливые и умные адвокаты не злоупотребляя имъ и, лишь въ мѣру дѣйствительной цѣлесообразности, пользовались своимъ даромъ для утвержденія закона, справедливости и здравыхъ общественныхъ понятій, но на ряду съ этимъ въ сословіи нарождалась группа уже явныхъ политическихъ агитаторовъ, пользующихся при, всякомъ удобномъ и неудобномъ, случаѣ адвокатской трибуной исключительно въ видахъ революціонныхъ.

До 1904 года о явныхъ политическихъ выступленіяхъ вообще не могло быть рѣчи и все сводилось къ тому или иному направленію въ дѣятельности судебной и общественной... Къ этой послѣдней примыкали частныя собранія, гдѣ занимались провиденіемъ горизонтовъ будущей политической карьеры того или другого кружка или партіи.

Въ адвокатурѣ я всегда стоялъ особнякомъ, т. е. не примыкалъ ни къ партіи, ни къ кружку, но любилъ сословіе, какъ таковое, съ его задачами, которыя всегда ставилъ высоко. Служеніе закону и морали я считалъ великой услугой для родины, именно у насъ въ Россіи, гдѣ и то и другое покоилось еще на шаткихъ, колеблющихся основаніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Внутри самаго сословія, вначалѣ «политиканы» были на перечетъ, но въ послѣднее время, начиная съ несчастной японской войны, ихъ число все увеличивалось и дѣятельность ихъ пріобрѣтала характеръ настойчивой планомѣрности. Судебные политическіе процессы теперь уже служили трибунами для революціонной пропаганды, нерѣдко выходя за предѣлы объективнаго, хотя бы и въ страстной формѣ, освѣщенія надвигающейся на Россію грозы въ видѣ насильственнаго государственнаго переворота.

Такіе адвокаты, какъ Родичевъ, Керенскій, Соколовъ, не отличаясь ни умомъ, ни талантливостью, ни широтою міровоззрѣнія, были вполнѣ подходящими стѣнобитными орудіями, ударявшими всегда въ одну и ту же точку, по заранѣе выработанному революціонному трафарету. И они добились своего: пріобрѣли въ концѣ концовъ послѣдователей, союзниковъ и подражателей, настолько, что къ періоду 1904—1905 годовъ составляли уже весьма замѣтную и довольно властную въ сословіи группу.

До 1905 года большинство сословія если не враждебно, то

во всякомъ случаѣ безъ всякаго энтузіазма оцѣнивало и ихъ личности и ихъ стѣнобитное усердіе, неизмѣнно напряженное при каждомъ незначительномъ публичномъ ихъ выступленіи. Ихъ ораторскіе таланты, въ средѣ гдѣ блистали Спасовичъ, Герардъ, Потѣхинъ, Александровъ, Пассоверъ, Жуковскій, Андреевскій и многіе другіе первоклассные судебные ораторы, цѣнились не очень высоко. Ни сколько нибудь благопріятныхъ внѣшнихъ данныхъ, ни эрудиціи, ни широкой образованности, ни образности мысли и выраженія въ ихъ распоряженіи не имѣлось. Какъ адвокаты они были и навсегда остались посредственностью въ отличіе отъ московскихъ представителей той же политической группы въ лицѣ Тесленко, Малентовича, Муравьева и нѣкоторыхъ другихъ, гораздо болѣе ихъ талантливыхъ.

Родичевъ въ качествѣ судебнаго оратора былъ ниже всякой критики, онъ не захватывалъ аудиторіи, онъ не убѣждалъ судей, а лишь немилосердно терзалъ уши слушателей своимъ неизмѣнно однотоннымъ «соло на барабанѣ».

Керенскій, какъ судебный ораторъ не выдавался ни на іоту: истерически-плаксивый тонъ, много запальчивости и при всемъ этомъ, крайнее однообразіе и бѣдность эрудиціи. Его адвокатская дѣятельность не позволяла намъ провидѣть въ немъ даже того «словеснаго» калифа на часъ, какимъ онъ явилъ себя Россіи въ революціонные дни.

Что касается до Н. Д. Соколова (какъ утверждали, автора знаменитаго приказа № 1-ый, окончательно развратившаго армію) то его, какъ оратора вообще и судебнаго въ частности, съ трудомъ можно было выносить. Докторально-самоувѣренный, сухо-повелительный тонъ, не скрашенный проблескомъ талантливости, ни образностью рѣчи, въ концѣ концовъ, раздражалъ слушателей до полной нетерпимости.

Когда послѣ революціи фронтъ нашъ уже разваливался и солдаты не хотѣли больше воевать, Керенскій послалъ именно его, какъ оратора убѣждать солдатъ идти въ аттаку. Извѣстно, что это кончилось жестокимъ избіеніемъ самого оратора Н. Д. Соколова. Помимо всего прочаго, я увѣренъ, что его ораторскіе пріемы, тонъ, голосъ все могло быть косвеннымъ поводомъ стремительной съ нимъ расправы. Ему воистину былъ присущъ даръ раньше всего раздражать и вооружать противъ себя заранѣе несогласныхъ съ нимъ слушателей.

Изъ менѣе видныхъ дѣятелей-адвокатовъ той же политической пачки милѣйшій П. Н. Переверзевъ, будущій злополучный министръ юстиціи, былъ куда симпатичнѣе въ качествѣ судебнаго оратора. У

него бывалъ и искренній пафосъ и задушевность рѣчи. Не менѣе злополучный также будущій министръ юстиціи С. Л. Зарудный былъ-бы недурнымъ ораторомъ, если-бы въ головѣ его мысли и аргументы строились правильными рядами, а не въ шахматномъ порядкѣ. То, что онъ высказывалъ являлось всегда прыжками въ перемежку то черныхъ, то бѣлыхъ и требовало усиленной сортировки для подведенія итоговъ его рѣчи.

Но сила всѣхъ этихъ ораторовъ несомнѣнно все же въ чемъ-то таилась, разъ они овладѣвали, при томъ или иномъ случаѣ, вниманіемъ и даже энтузіазмомъ толпы на революціонныхъ митингахъ и собраніяхъ.

Думается мнѣ, однако, что сила эта таилась не столько въ нихъ самыхъ, сколько въ той наэлектризованной атмосферѣ, которая выдвинувъ ихъ самихъ, не задумалась затѣмъ ихъ же повергнуть въ прахъ передъ лицомъ болѣе ихъ энергичныхъ и несомнѣнно болѣе талантливыхъ Ленина и Троцкаго и ихъ лихихъ прислужниковъ, у которыхъ къ тому же оказалась и, пришедшаяся такъ по вкусу русскому «безсмысленному бунту», распоясанная совѣсть.

Бѣдные піонеры русской революціи, начиная съ декабристовъ, кончая бабушкой Брешковской и террористами, двигавшими разрывными бомбами нашъ русскій прогрессъ, васъ перехитрили Стенька Разинъ и Пугачевъ такъ, какъ мы вернулись все къ тому же россійскому бунту, который Пушкинъ давно окрестилъ «жестокимъ и безсмысленнымъ»!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ подготовленіи русской революціи участвовали несомнѣнно не одни революціонные элементы, которымъ она снилась, какъ источникъ свободы, медовыхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ и которые считали періодъ войны единственно подходящимъ для ея успѣха.

Кромѣ нихъ едва-ли не видѣли въ революціи спасенія, съ совершенно иной точки зрѣнія, всѣ реакціонеры, германофилы и изнервничавшееся, интеллигентное еврейство, желавшее, наконецъ, стряхнуть съ себя ярмо неравноправія.

Конечно, ни одна изъ этихъ трехъ группъ не ждала и не хотѣла революціи въ томъ видѣ, какъ она, въ концѣ концовъ, разыгралась. Сторонники самодержавія, т. е. безотвѣтственной власти, вродѣ

Штюрмера, Щегловитова и всѣхъ ихъ присныхъ, ждали революціи, какъ законнаго повода для прекращенія войны, въ надеждѣ на подавленіе ея, одновременно съ побѣдой Германіи, пораженіе которой, въ ихъ глазахъ, было бы пораженіемъ абсолютизма. Въ силу этого германофильство царило во всѣхъ ближайшихъ къ престолу сферахъ (не говорю уже о Распутинѣ), и несчастному Николаю II, безвольному, но честному, приходилось барахтаться въ этой удушливой атмосферѣ ежеминутно, ежесекундно. По свидѣтельству всѣхъ союзныхъ пословъ и военныхъ агентовъ, его одного нельзя было заподозрить въ эти трудные моменты, въ двойной игрѣ; онъ до конца хотѣлъ остаться вѣрнымъ союзникамъ.

За одну эту черту его мученической лояльности, да простится ему многое и да воскреснетъ его образъ чистымъ въ людскихъ сердцахъ.

На протяженіи почти всей войны черезъ Копенгагенъ и Швецію шныряли вражескіе агенты въ Россію и обратно. Они свили гнѣзда шпіонажа и въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ.

Въ Копенгагенѣ эти господа чуть не открыто торговали измѣной Россіи въ пользу враговъ. Посольство наше здѣсь очень отвѣтственное, какъ граничащее непосредственно съ воюющей съ нами Германіей, было до жалости, или мало освѣдомлено, или слѣпо. Мимо его рукъ проскользнуло въ Россію множество революціонныхъ посланцевъ въ интересахъ Германіи. Въ свое время еще въ сентябрѣ 1915 г. объ этомъ доводилось до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, но еще въ 1917 г., когда, я уже послѣ революціи, попалъ въ Копенгагенъ, мнѣ жаловались, что ничего не было въ свое время сдѣлано для обнаруженія и пресѣченія свободнаго доступа множества подозрительныхъ лицъ въ Россію. Въ россійской бюрократіи германофилами и поклонниками Вильгельма II можно было хоть прудъ прудить, и никто не подумалъ прежде всего расчистить это гнилое болото.

Съ удаленіемъ Великаго Князя Николая Николаевича отъ главнокомандованія, все это смѣлѣе подняло голову и готово было лучше сосчитаться съ русской революціей, нежели дождаться пораженія Вильгельма II и абзолютизма.

Время выбранное для революціоннаго выступленія было таково, что всякія подозрѣнія возникаютъ невольно. Въ самомъ началѣ войны еще въ августѣ 1914 г., когда меня съ моей семьей застигла война въ Германіи (въ Гамбургѣ) въ нѣмецкихъ газетахъ уже появлялись извѣстія о революціи въ Россіи.

Рисовали именно эту картину, которая наступила лишь въ февралѣ 1917 г.: Финляндія объявила себя независимой, Кавказъ

передается туркамъ, всюду пожары, волненія и революціонные эксцессы. Это писалось, какъ разъ въ то время, когда я вернувшись послѣ долгихъ мытарствъ въ Россію въ концѣ сентября 1914 г., какъ разъ убѣдился въ противномъ: въ Россіи все обстояло благополучно, мобилизація прошла блистательно, войска дрались съ полной энергіей, царь, какъ никогда былъ популяренъ и могъ показываться свободно на улицахъ Петрограда.

Разъ, затѣмъ, совершилось именно то, чѣмъ съ самаго начала войны галюцинировали противники, совершенно ясно, что они этого старательно желали, что это именно входило въ ихъ расчеты, какъ орудіе пораженія сильнаго врага на востокѣ, чтобы развязать себѣ руки на западѣ.

Но разъ противники считали надежнымъ шансомъ на побѣду именно революцію въ Россіи, ясно, что не только платонически лелѣяли они мысль о ней, но планомѣрно дѣйствовали, дабы ихъ завѣтная мечта осуществилась. По части организаціи всевозможныхъ средствъ ослабленія противника они всегда были великіе мастера, не жалѣя для этого матеріальныхъ средствъ, съ моральными же запретами они не считались.

Для меня несомнѣнно, что «великая русская революція» вытекла не изъ нѣдръ россійскихъ, а совершилась на вражескіе авансы, не въ русскихъ интересахъ.

Безумецъ Протопоповъ воображалъ, что пока онъ «у власти» справится съ революціей будетъ дѣтской игрой и обнадеживалъ вся и всѣхъ.

А Государственная Дума, тѣмъ временемъ, успѣшно революціонировалась Керенскимъ, Чхеидзе и друг. апостолами свѣтлаго будущаго Россіи, а шептунъ Гучковъ шепталъ на всѣхъ перекресткахъ о близкомъ наступленіи «ultimo» для абсолютизма и даже самъ Пуришкевичъ, переставъ кричать въ Думѣ пѣтухомъ, замышлялъ уже нѣчто молніеносно-спасительное, вродѣ убійства Распутина.

Что касается до еврейской интеллигенціи, то національная задача еврейскаго равноправія, влекла ихъ естественно туда, откуда это равноправіе могло прійти немедленно. На это они готовы были широко раскошелиться, разъ сила денегъ нажитыхъ въ Россіи давала имъ эту возможность.

Очень грустно, что это равноправіе не было дано раньше: революція имѣла бы гораздо меньше шансовъ на успѣхъ и не разразилась бы вовсе во время войны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Что касается до русскаго обывателя, то терпимость его къ чужому засилію всегда была поразительна.

И патріотизмъ въ лучшемъ значеніи этого слова, миновалъ насъ; патріотизмъ, воспитывающій людскія души и сердца, какъ воспитываетъ пхъ и любовь къ матери, во имя дальнѣйшей любви къ человѣчеству.

Опъянѣлаго Ноя, въ свое время, только одинъ изъ его трехъ сыновей именно средній, Хамъ выставилъ на позорище и посмѣяніе, мы-же, въ радикальномъ стремительномъ рвеніи, всѣ поголовно превращались въ хамовъ, ежеминутно, ежесекундно выставляя родину-мать на позорище и поруганіе. Это вполнѣ доказала и послѣдняя война.

Чтобы мы не изобрѣтали для дискретированія нашего послѣдняго «тирана», не династически-личные интересы ввергли Россію въ войну, которая, если-бы она окончилась торжествомъ для Россіи, неминуемо повлекла бы за собою пріобщеніе ее къ лику свободныхъ націй вполнѣ мирнымъ путемъ.

Если бы у «тирана» были помыслы только о себѣ и о своемъ тронѣ, онъ сталъ бы естественнымъ союзникомъ Вильгельма. Пусть нѣмецкое засиліе задушило бы Россію, онъ все-же царствовалъ бы и лично пользовался всѣми благами фиктивнаго самодержца. А, что Германія въ союзѣ съ Россіей задушила бы въ первые же мѣсяцы Францію, пока еще ни Англія, ни Италія не могли прійти ей на помощь, это болѣе чѣмъ ясно. И война была бы кончена. Участіе Россіи въ войнѣ не было актомъ династическихъ замысловъ, а была дѣломъ Россіи и во имя блага Россіи же. Казалось бы, что поэтому война эта не могла не быть глубоко популяна именно для интеллигентной Россіи.

Но, только на первыхъ порахъ, эта популярность всколыхнула и не столько нашу интеллигенцію, сколько массу, живущую не разсужденіями, а чутьемъ и инстинктомъ.

Династія бросила въ бой въ первую же голову единственный надежный свой оплотъ — гвардію, которая, своимъ наступленіемъ въ Восточной Пруссіи, спасла Парижъ и съ нимъ и Францію, но навсегда была утрачена, какъ защита трона и самодержавія. Казалось бы при такихъ условіяхъ, при самомалѣйшемъ искренномъ патріотическомъ чутьѣ можно было все претерпѣть до конца войны, тѣмъ болѣе что худо-ли, хорошо, она клонилась къ побѣдѣ, несмотря на всѣ наши недочеты, несмотря на наши отступленія, послѣ блестящихъ наступленій.

Мнѣніе всѣхъ союзныхъ военныхъ авторитетовъ теперь единогласно, что только русская революція затянула войну и что она была бы побѣдоносно кончена уже къ лѣту 1917 г.

Германія это учитывала вполнѣ и ей, а вовсе не Россіи, нужна была именно въ эту минуту «великая русская революція», съ ея приказомъ № 1-ый, съ ея разложеніемъ войска и братаніемъ на фронтѣ.

Призывъ въ войска, за недостаткомъ кадровыхъ офицеровъ, «прапорщиковъ» и, вообще, пополненіе арміи призванными и запасными, къ концу войны, сыграло фатальную роль. Вся эта масса была матеріаломъ, весьма пригоднымъ для всякой пропаганды, клонящей къ скорѣйшей ликвидаціи войны, хотя бы цѣною пораженія. «Пораженцы», съ которыми неумѣло и безсистемно пыталось справиться правительство, были не мифъ, какъ это представлялось либеральной печати, а весьма глубокимъ и острымъ явленіемъ, которое, какъ ползучая саркома, то здѣсь, то тамъ, давала о себѣ знать въ тылу.

Только на первыхъ порахъ интеллигентная молодежь, какъ бы искренно ринулась на фронтъ, щеголяя своей походной формой и выпавшею на ея долю героическою миссіей. Но очень скоро и это увлеченіе остыло, особенно когда побѣды стали рѣдки, а траншейная страда стала жутко-непроглядной.

Все, что имѣло связи, знакомства, протекцію, скоро начало прятаться по штабамъ, въ Красномъ Крестѣ и по различнымъ тыловымъ организаціямъ.

Въ это время, какъ во Франціи, въ Англіи и Италіи сыновья и родственники самыхъ выдающихся, входящихъ въ составъ правительства лицъ, шли въ передовыя линіи и умирали на «почетномъ полѣ брани», какъ съ гордостью возвѣщалось объ этомъ на страницахъ газетъ, наши охотно прятались по канцеляріямъ и наводняли рестораны Петрограда своимъ яко-бы походно-боевымъ обличіемъ.

И въ адвокатской средѣ — увы! — я лично знавалъ такихъ молодцовъ, которые временно валялись «на испытаніи» по больницамъ и въ Николаевскомъ госпиталѣ и получали, въ концѣ концовъ, отсрочки и отпуска.

Гласно-публичный скандальный примѣръ такого уклоненія отъ своего долга повелся у насъ еще съ Японской войны, когда знаменитый сладкопѣвецъ-теноръ Собиновъ, облачившись въ больничный колпакъ и халатъ, прикидывался нѣкоторое время не то сумасшедшимъ, не то нервно разстроеннымъ, чтобы избѣжать отправленія на фронтъ. Въ послѣднюю войну, нося офицерскую

форму, въ которой его рекламно воспроизводили въ иллюстрированныхъ журналахъ, какъ «призваннаго» жертвовать жизнью «за царя и отечество», тотъ-же сладкопѣвецъ преспокойно распѣвалъ въ театрахъ и умиралъ въ роли Ленскаго почти также реально, какъ умирали въ это время на полѣ брани.

Но наши артисты вообще внѣ конкурса, Богъ съ ними! Имъ не въ примѣръ французы и итальянцы, среди которыхъ артисты и писатели самаго перваго сорта (Д. Анунцію) не брезгали любовью къ родинѣ и не унижались до надѣванія сумасшедшихъ колпаковъ, чтобы уклониться отъ призыва.

Кстати объ нашихъ артистахъ и даже «солистахъ Его Величества».

Безъ омерзѣнія и чувства гадливости трудно говорить объ этомъ. Но отмѣтить необходимо, чтобы заклеймить незагладимымъ позоромъ амморальное разложеніе первобытной русской, хотя бы и талантливой, души, предоставленной самой себѣ и своимъ эгоистическимъ интересамъ. Примѣръ: Шаляпинъ, высота талантливости котораго до поразительности пропорціональна низменности его нравственнаго чувства.

Давно-ли онъ на открытой сценѣ кинулся передъ царемъ на колѣни, когда хоръ пѣлъ «Боже Царя Храни». Онъ же первый «сочинилъ» жалкій революціонный гимнъ. Онъ-же, какъ никто, прислужился большевикамъ и сталъ со сцены прославлять ихъ кровавое владычество. И публика валомъ валила въ театръ и тогда и теперь и не забросала его гнилыми яблоками, чтобы заклеймить эту нравственно-гнилую душу, въ образѣ хотя-бы и очень талантливаго артиста.

Въ любой гражданско-культурной и морально дисциплинированной странѣ подобныя общественныя явленія не могли-бы пройти незамѣченными.

О прочихъ «солистахъ» и у царя «заслуженныхъ» не стоитъ и говорить. Чего можно требовать отъ «артистическихъ» перекидныхъ душъ, когда и среди военныхъ, возвеличенныхъ придворными званіями, и чинами и окладами, не нашлось у него ни заступниковъ, ни вѣрныхъ долгу и присягѣ.

Великій Князь Николай Николаевичъ, очевидно вражескими же интригами, былъ уже «убранъ». Оставайся онъ Главнокомандующимъ не такъ-то легко было-бы развратить фронтъ. Его душѣ несомнѣнно присущи черты рыцарства. Въ злополучномъ своемъ дневникѣ Николай II, послѣ вынужденнаго у него отреченія, обмолвился великой истиной, которую не прозрѣвалъ ранѣе въ своей душевной слѣпотѣ: «кругомъ обманъ, ложь и измѣна»!

Пусть Гучковъ, Шульгинъ и прочіе мелочно-бливорукіе политиканы смаковали свое торжество въ эту минуту, но я бы желалъ знать, какъ себя чувствовали вояки-генералы: Рузскій, Алексѣевъ и tutti quanti, которые, прямо или косвенно, приложили къ этому свои руки?

Вдова казненнаго Великаго Князя Іоанна Константиновича, Елена Петровна, будучи, въ февралѣ 1919 г., проѣздомъ въ Копенгагенѣ, передавала мнѣ, что когда она содержалась въ тюрьмѣ въ г. Екатеринбургѣ, ее навѣщалъ докторъ Деревенькинъ, лѣчившій наслѣдника и потому имѣвшій доступъ къ Николаю II-му, который, съ семьею, былъ также въ Екатеринбургѣ, во власти большевиковъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ ей отзывъ послѣдняго относительно генерала Рузскаго, сыгравшаго рѣшительную ролъ при его отреченіи. Плѣнный царь, томившійся въ тяжкой неволѣ, сказалъ Деревенькину: «Богъ не оставляетъ меня, Онъ даетъ мнѣ силы простить всѣхъ моихъ враговъ и мучителей, но я не могу побѣдить себя еще въ одномъ: генералъ-адъютанта Рузскаго я простить не могу»!

Одно революціонное дуновеніе, а даже не сама революція, заставила уже всѣхъ гнуться въ желаемомъ направленіи. Какой-то заколдованный кругъ насыщенной одними рабьими душами!

О, какъ правъ былъ, безсмертный Чеховъ, неподдавшійся близорукой шаблонно-радикальной литературной толчеѣ своего времени, аттестуя русскую интелигенцію, какъ безсильно-жалкую обывательщину съ тряпичной душой.

Большевизмъ полезенъ развѣ тѣмъ, что тряхнулъ во всю эту залежалую тряпицу, ущемивъ ее своими цѣпкими клещами. Быть можетъ теперешняя страда послужитъ урокомъ и для нашей интелигенціи и выкуститъ ей на смѣну не жалкихъ фразеровъ, а людей стойкой морали и твердой воли, достойныхъ Россіи.

Въ трагическія минуты жизни родины много-ли оказалось такихъ, которыхъ не засталъ-бы врасплохъ и не смутилъ-бы, обращенный къ нимъ прямо вопросъ: «скажи, наконецъ, во что ты вѣровалъ и вѣруешь»?

Только нѣсколько закаленныхъ ссылкой и каторгой осталось кое-чему вѣрны и до конца преданы, главнымъ образомъ, собственному своему безумію.

Напряженная страстность этого безумія оказалась заразительной и повальность заразы получилась именно благодаря низкой степени моральнаго и умственнаго уровня націи и, впереди всѣхъ, ея интелегенціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Почти за годъ до февральской революціи уже явно и настойчиво стало проявляться агитаціонно-революціонное настроеніе.

По примѣру 1905—1906 гг., подготовлялись шаблоны «революцій», «запросовъ» и «требованій», обращенныхъ къ правительству.

Въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ это сказывалось пока только въ подборѣ состава Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, котораго въ то время я состоялъ уже предсѣдателемъ. Въ немъ по прежнему были еще надежные «столпы» корпораціи, въ лицѣ М. В. Каплана, В. В. Благовѣщенскаго, Н. Н. Раевскаго и еще немногихъ, преданныхъ традиціямъ и интересамъ сословія, но были и Переверзевъ, и Демьяновъ и безтолково-радикальствующій Плансонъ; въ послѣдній годъ попали въ Совѣтъ М. В. Винаверъ и пресловутый Н. Д. Соколовъ. Кандидатура Керенскаго какъ-то не выдвигалась. Считалось, что онъ всецѣло поглощенъ Думскою дѣятельностью и выступленіями въ политическихъ процессахъ.

На общихъ собраніяхъ петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ группа «коллегъ», пытавшихся, при всякомъ удобномъ, а чаще неудобномъ случаѣ, революціонировать сословіе, была уже ясно обозначена. Составъ ея, сложившійся еще въ 1905—1906 гг., послѣ тогдашнихъ неудачныхъ забастовокъ и «сниманія судей», не былъ еще очень великъ, но отличался дисциплинированною компактностью. Пришлось убѣдиться напримѣръ, что кружокъ этотъ сталъ сторониться отъ своего прежняго чуть-ли не кумира, умнаго и дѣятельнаго М. В. Беренштама, много лѣтъ избиравшагося товарищемъ Предсѣдателя Совѣта, и вынесшаго на своихъ плечахъ всю совѣтскую работу за время номинальнаго предсѣдательствованія въ Совѣтѣ престарѣлаго Д. В. Стасова, только потому, что его, какъ «умнаго оппортуниста» цѣнилъ и, какъ говорили, даже «полюбилъ» Прокуроръ Судебной Палаты Крашенинниковъ, котораго называли «садистомъ адвокатскихъ вольностей». Въ послѣдній годъ эти господа порѣшили даже «забаллотировать» М. В. Беренштама. Послѣдній, однако, не доставилъ имъ этого торжества: какъ «призванный прапорщикъ», онъ самъ уклонился отъ кандидатуры не только въ Товарищи Предсѣдателя, но и въ члены Совѣта.

Какимъ чудомъ я самъ, всегда уклонявшійся отъ политическихъ выступленій, попалъ въ Предсѣдатели Совѣта и до конца удѣлалъ въ качествѣ такового при новыхъ выборахъ, для меня остается, отчасти, загадкой.

Могу лишь прослѣдить, съ этой точки зрѣнія, перипетіи моей адвокатской карьеры, чтобы дать самому себѣ отчетъ насколько

правильно было пониманіе мною общественнаго значенія роли адвоката, призваніе котораго, быть можетъ преувеличенно, я всегда ставилъ очень высоко, выше политики.

Сперва инстинктивно, а потомъ уже вполнѣ сознательно, я считалъ непріемлемымъ для адвоката замкнутость партійности и принесенія въ жертву какой-либо политической программѣ интересовъ общечеловѣческой морали и справедливости. Поэтому, я туго, или вѣрнѣе, совсѣмъ не подавался въ какой либо политическій кружокъ, или партію, ставившіе себѣ цѣлью лишь достиженіе партійнаго заданія.

Будучи еще совсѣмъ молодымъ, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго я подвергся въ этомъ отношеніи большому искушенію, но отдѣлался отъ него благополучно, не столько въ силу «уморазсужденій» сколько инстинктивно, по одному нравственному чутью.

Въ концѣ 1879 г. въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената слушался первый большой политическій процессъ о 193-хъ привлеченныхъ. Со всѣхъ концовъ Россіи были собраны «революціонеры-пропагандисты», по мнѣнію обвинителей, весьма опасные государственные преступники. Созданіе этого процесса-монстра было фатальнымъ для самодержавія и чреватымъ многими гибельными для Россіи послѣдствіями.

Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу вовлекло въ свои сѣти добрую половину тогдашней русской интелигентной молодежи, обнаружившей стремленіе сблизиться съ народомъ и подойти къ нему вплотную. Тысячи лицъ были заподозрѣны, арестованы и протомились годы и годы въ тюрьмахъ и острогахъ. Въ концѣ концовъ, предать суду представилась возможность лишь незначительный процентъ арестованныхъ сравнительно съ числомъ задержанныхъ жандармскимъ дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ. Въ числѣ преданныхъ суду развѣ десятокъ, другой были во истину повинны въ покушеніи на Государственную неприкосновенность, всѣ остальные вращались лишь въ сферѣ довольно туманныхъ идей «служенія народу».

Достаточнымъ показателемъ искусственности созданія этого процесса-монстра, вызвавшаго впослѣдствіи яркую и напряженную дѣятельность нашихъ террористовъ, можетъ служить хотя-бы такой примѣръ.

Меня выбрали своимъ защитникомъ три лица женскаго пола, протомившіяся многіе годы въ предварительномъ заключеніи: Екатерина Брешковская (впослѣдствіи «бабушка русской революціи»),

Вѣра Рогачева (сестра драматурга Евтихія Карпова) и нѣкая дѣвица Андреева.

Первая, переодѣвшись крестьянкою, бродила по селамъ Кіевской губерніи и «просвѣщала народъ», пропагандируя, пока впрочемъ, довольно осторожно и туманно, нѣчто революціонное. Было ей тогда лѣтъ подъ тридцать. Женщина она была «идейная», но съ темпераментомъ, пока еще, влекшимъ ее «на авось». Только тюрьма закалила ее.

Зато двѣ другія, ни съ какой стороны, въ революціонерки не годились, и только долгая тюрьма пріобщила ихъ якобы къ революціонному толку.

Рогачева, урожденная Карпова, была арестована и привлечена исключительно въ качествѣ жены бывшаго артиллерійскаго офицера Рогачева, пожелавшаго сознательно «идти въ народъ».

Дѣвица-же Андреева была уличена въ томъ, что въ Харьковѣ организовала какой-то кружокъ гимназистовъ среднихъ классовъ, которымъ читала и толковала по своему сказки «Кота Мурлыки». Андреева была крайне ограничена и ея товарки по заключенію стыдились ея роли въ процессѣ въ качествѣ «участницы сообщества».

Помню, Брешковская передъ моею рѣчью въ ея защиту все твердила мнѣ: «Вы должны глухою стѣною отдѣлить меня отъ этихъ младенцевъ».

Рогачева, Андреева и еще очень многіе, изъ числа привлеченныхъ къ суду, были оправданы; въ томъ числѣ Перовская, будущая убійца Александра II-го.

И всѣ эти, въ то время дѣйствительно ни въ чемъ неповинные, только въ самомъ процессѣ получили свое революціонное крещеніе и, благодаря завязавшимся по тюрьмамъ и этапамъ связямъ и вліяніямъ и послѣдующимъ административнымъ мытарствамъ, въ качествѣ «подозрительныхъ», уже сознательно примкнули къ революціонной активной работѣ, подъ руководствомъ болѣе авторитетныхъ товарищей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ числѣ подсудимыхъ процесса 193-хъ было лишь нѣсколько выдающихся личностей.

Во главѣ ихъ наиболѣе энергичный и талантливый — Мышкинъ. Своими рѣчами на судѣ онъ «зажигалъ сердца» молодежи, выступая убѣжденнымъ, до фанатизма, революціонеромъ-пропагандистомъ. Я

самъ ночи не спалъ послѣ его страстныхъ выступленій. Порою слова его казались мнѣ непреложнымъ откровеніемъ. Ярко помню кульминаціонный моментъ процесса, когда Мышкинъ исчерпывающе высказалъ свое знаменитое революціонное «credo».

Оно потрясло и захватило всю аудиторію.

Когда, подъ конецъ, судей своихъ онъ обозвалъ «опричниками царя», жандармскій офицеръ, стоявшій подлѣ него, бросился зажимать ему ротъ, причемъ произошла борьба и лицо Мышкина было оцарапано. Всѣ подсудимые протестующе завопили, какъ одинъ человѣкъ, а я, потерявъ голову, угрожающе бросился на жандармскаго офицера съ графиномъ въ рукахъ. Произошло общее смятеніе. Еще минута и чего добраго началась-бы общая свалка. Первоприсутствующій Сенаторъ Петерсъ быстро прервалъ засѣданіе и Мышкина увели нахлынувшіе въ судебную залу жандармы. Сенаторы быстро скрылись въ совѣщательную комнату. Проповѣдь Мышкина, при подобной обстановкѣ, я убѣжденъ, запала глубоко не въ одну молодую душу.

Защитники, въ числѣ которыхъ были всѣ лучшія силы тогдашней адвокатуры (Спасовичъ, Герардъ, Языковъ, Турчаниновъ, Потѣхинъ, Утинъ, Бардовскій, Дорнъ, Александровъ (впослѣдствіи знаменитый защитникъ Вѣры Засуличъ), профессоръ уголовнаго права Таганцевъ и друг., кинулись въ судейскую комнату, протестуя противъ самовольнаго физическаго насилія, допущеннаго жандармскимъ офицеромъ. Послѣдствіемъ инцидента былъ перерывъ засѣданія на нѣсколько дней. Первоприсутствующій Сенаторъ Петерсъ «заболѣлъ» и его мѣсто занялъ одинъ изъ присутствующихъ Сенаторовъ — Рененкампфъ.

Процессъ закончился большимъ процентомъ оправданій, но Мышкинъ, Рогачевъ и еще нѣсколько такихъ-же, какъ они «сознательныхъ», получили долгосрочную каторгу. Брешковская была приговорена къ шести годамъ каторжныхъ работъ.

Процессъ 193-хъ характеренъ въ двухъ отношеніяхъ. Повышенымъ сыскнымъ рвеніемъ къ нему пріобщили много учащейся, совершенно зеленой молодежи, которая безъ этого мирно-бы вошла въ житейскую колею, забывъ о своихъ былыхъ молодыхъ увлеченіяхъ. Это во первыхъ, а во вторыхъ, даже къ «сознательнымъ» въ то время было предъявлено обвиненіе лишь въ томъ, что они «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ» имѣютъ въ виду измѣненіе государственнаго строя. Въ нѣдрахъ-же самаго процесса, въ средѣ его участниковъ зародилось нѣчто иное, болѣе интенсивное, когда осужденные и ихъ товарищи убѣдились, что и простая пропаганда карается уже, какъ совершившееся тяжкое преступленіе.

Въ это же время разразилась въ домѣ Предварительнаго Заключенія Треповская расправа съ Боголюбовымъ. Боголюбовъ, ранѣе уже осужденный въ качествѣ политическаго къ каторгѣ, находился еще въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Когда генералъ Треповъ, тогдашній градоначальникъ Петербурга, посѣтилъ Домъ Предварительнаго Заключенія ему попался на глаза гдѣ-то въ корридорѣ Боголюбовъ, который не снялъ передъ нимъ своей арестантской безкозырки. Этого было достаточно, чтобы со стороны «бѣшеннаго» градоправителя послѣдовало тутъ-же распоряженіе о тѣлесной экзекуціи надъ каторжаниномъ, хотя-бы изъ пителигентовъ. Это взволновало всю тюрьму. Заключенные стали бить стекла въ окнахъ своихъ камеръ, кричать, вопить. Жестокая экзекуція, тѣмъ не менѣе, свершилась и вѣсть о ней быстро разнеслась по всему городу. Безъ возмущенія никто объ этомъ не говорилъ.

Когда приговоръ о 193-хъ уже состоялся, но оставался еще кассаціонный срокъ, я продолжалъ посѣщать заключенную Брешковскую. Тогда она открылась мнѣ, что Вѣра Засуличъ стрѣляла въ Трепова не по собственной иниціативѣ, какъ всѣ ошибочно думали тогда, но что это былъ первый террористическій актъ «боевой дружины», рѣшившей теперь-же, пугемъ террористическихъ актовъ, бороться съ произволомъ и насиліемъ власти.

Какъ извѣстно, Вѣра Засуличъ была предана суду за простое покушеніе на убійство и была судима съ присяжными засѣдателями. Тщетно пытался А. Ф. Кони, предсѣдательствовавшій въ этомъ процессѣ, своими вкрадчивыми пріемами вырвать у присяжныхъ хотя-бы слабый обвинительный приговоръ. Послѣ, потрясающей по силѣ и выразительности, рѣчи защитника Засуличъ, П. Я. Александрова, она была торжественно оправдана, при бѣшеныхъ рукоплесканіяхъ переполненной залы. Многіе плакали отъ радости, дамы цѣловали руки Александрову, котораго я провожалъ среди судейской сутолоки и на улицѣ, гдѣ овацiи по его адресу возобновились съ новой силой.

Брешковская очень издалека и въ нѣсколько пріемовъ, заводила со мной рѣчь о томъ какъ было-бы хорошо, еслибы я, оставаясь адвокатомъ, примкнулъ къ ихъ «конспиративной» работѣ. Она готова была дать мнѣ всѣ адреса и рекомендаціи къ организаторамъ «боевой дружины». Въ ея расчеты не входило мое непосредственное участіе въ террористическихъ актахъ: — она сулила мнѣ болѣе почетную миссію — вдохновлять жеребьевыхъ исполнителей такихъ актовъ.

Нужно-ли объяснять, какъ я шарахнулся отъ подобнаго предложенія. Я высказалъ ей съ полной откровенностью свои сокровен-

ныя сужденія по этому предмету: «Не кровью и насиліемъ возродится міръ. Низменное средство пятнаетъ самую высокую цѣль. Для меня «террористъ» и «палачъ» одинаково отвратительны»!

Брешковская глубоко задумалась. Нѣсколько минутъ мы оба взволнованно молчали. Наконецъ она протянула мнѣ свою холодную руку и крѣпко сжала мою.

— Богъ съ вами, оставайтесь праведникомъ... предоставьте грѣшникамъ спасать міръ. Я иду въ каторгу, а вы на волю къ радостямъ жизни... Спасибо вамъ за все. За этотъ мѣсяцъ, что мы видѣлись, я много думала о васъ... и вотъ заговорила. Забудьте все, что я вамъ сказала, навсегда... Возьмите вотъ это отъ меня на память. Сама здѣсь вышила...

Она достала изъ подъ подушки своей тюремной койки вышитое по обоимъ концамъ мелкою малороссійскою вышивкою полотенце, по краямъ котораго, едва замѣтно, были вышиты слова: «memento mori».

Мы потрясли другу руки и разстались.

Когда я въ послѣдній разъ захлопнулъ за собою тюремную дверь, мнѣ почудилось, что я оставилъ живую въ могилѣ, быть можетъ, про меня она наоборотъ подумала: «ушелъ живой мертвецъ».

Какая пропасть между двумя, рядомъ стоящими, людьми: то что для нея единственно казалось жизнью, мнѣ представлялось подлинною смертью.

Рядъ террористическихъ актовъ вскорѣ послѣдовалъ.

Несчастный «Освободитель» подъ конецъ не выѣзжалъ иначе изъ Зимняго Дворца, какъ съ сильнымъ охраннымъ эскортомъ. Его сторожилъ Кобызевскій (Богдановичъ) подкопъ на Екатерининской улицѣ, но доканали, раньше чѣмъ они былъ готовъ, бомбы Желябова, Рысакова, Перовской и Ко. на Мойкѣ.

«Весна» гр. Лорисъ-Меликова заволоклась непроглядными тучами и мелькнувшій призракъ спасительной «конституціи» укрылся за мрачными стѣнами Гатчинскаго Дворца.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Тотчасъ послѣ убійства Царя-Освободителя, нѣкоторое время длилось напряженное состояніе общества въ ожиданіи широкихъ свободъ и, какъ панацеи отъ всѣхъ золъ, — конституціи. Сентиментальные интелигенты, съ мистикомъ-философомъ Владиміромъ

Соловьевымъ во главѣ (онъ былъ подлиннымъ христіаниномъ и, говорятъ, реально вѣрилъ въ наличность дьявола) пропагандировала идею всепрощенія и находила, что убійцы Царя не должны быть казнены. Это было-бы наглядным жестомъ выявленія величія именно великой русской народной души.

Я лично былъ всегда горячимъ противникомъ смертной казни, находя, что государство, власть, какъ нѣчто сильное и мощное, не вправѣ отвѣчать на безуміе отдѣльныхъ лицъ, такимъ-же безуміемъ. Государство вправѣ лишь изолировать преступника, чтобы обезвредить его, и наглядно доказать силу безпримѣрнаго своего великодушія.

Правительственный курсъ скоро обозначился: «сынъ не вправѣ миловать убійцъ своего отца»! Вліяніе Побѣдоносцева и соотвѣтствующихъ мужей Царскаго Совѣта рѣшило это безъапелляціонно.

Обвинителемъ цареубійцъ выступилъ тогдашній прокуроръ Петербургской Судебной Палаты Н. В. Муравьевъ. Онъ стяжалъ себѣ этимъ «благодарность» Царя, за что и былъ вскорѣ назначенъ Министромъ Юстиціи.

Всѣхъ пятерыхъ убійцъ Александра II казнили. Казнили еще публично на Семеновскомъ плацу, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ съ пятью висѣлицами.

Знаменитая артистка М. Г. Савина, жившая въ то время въ концѣ Николаевской улицы, видѣла со своего балкона весь печальный кортежъ. Она утверждала, что кромѣ одного изъ приговоренныхъ Рысакова, лица остальныхъ, влекомыхъ на казнь, были свѣтлѣе и радостнѣе лицъ ихъ окружавшихъ. Софья Перовская своимъ кругловатымъ, дѣтскимъ въ веснушкахъ лицомъ зардѣлась и просто сіяла на темномъ фонѣ мрачной процессіи.

Покатилось грузно-однотонное царствованіе Александра III-го Миротворца, укрывшагося въ своемъ Гатчинскомъ Дворцѣ, какъ въ неприступной крѣпости.

Союзъ съ республиканской Франціей, какъ-то дико уживался съ россійскимъ абсолютизмомъ, остановившимся на мертвой точкѣ.

Въ подходящихъ случаяхъ звуки Марсельезы стали раздаваться публично и, невольно, комментировались текстомъ революціоннаго гимна. Говорятъ, на это обращали вниманіе Александра III-го, на что онъ будто-бы философски отвѣчалъ: «Не могу же я имъ сочинить новый національный гимнъ»! Про себя онъ вѣроятно думалъ: хоть съ чертомъ въ союзѣ, а долженъ-же я обороняться отъ Германіи!

А «чертъ» былъ, къ тому же, галантенъ и льстивъ, и хоть кому могъ вскружить голову. Парижъ такой пріемъ устроилъ «русско-

му Царю», что хоть-бы самому Вильсону въ свое время въ пору. Однимъ великолѣпіемъ названнаго его именемъ моста, построеннаго по случаю блестящей всемірной выставки въ Парижѣ, Франція считала, что на вѣки вѣчные обезсмертила Александра III.

«А тамъ, во глубинѣ Россіи» — колесо исторіи катилось своимъ грузнымъ чередомъ.

Послѣ ухода, провожаемаго нелестнымъ эпитетомъ, Вышнеградскаго, Министромъ Финансовъ сдѣланъ былъ Витте «мужъ государственный» (особенно по Дилону); онъ и золотую валюту урегулировалъ (золотые круглячки дѣйствительно зазвенѣли въ кошелькахъ) и, что еще важнѣе, порѣшилъ возстановить «царевъ кабакъ», т. е. спаивать народъ во славу государственной казны. Говорятъ, что онъ самодовольно потиралъ себѣ руки, даже въ моментъ выборгскаго возванія, которымъ разогнанные перводумцы призывали народъ не платить казнѣ податей и, посмѣиваясь, говорилъ: «Ладно, ладно, а пить народъ всетаки не перестанетъ и пуще прежняго понесетъ деньги въ кабакъ, разъ и податей платить не надо»!

Черту государственной мудрости новаго министра иные усматривали и въ его тяготѣніи къ Германіи, несмотря на русско-французскій официальный союзъ. Ему Россія обязана разорительнымъ для нея торговымъ договоромъ съ Германіей 1904 года.

Никогда еще германскіе капиталы не находили себѣ въ Россіи такого уютнаго и прибыльнаго помѣщенія, какъ во времена Витте. Съ финансовымъ Гогой и Магогой Берлина, Мендельсономъ, онъ былъ въ интимно-дружескихъ отношеніяхъ. Самъ Вильгельмъ, говорятъ, высоко цѣнилъ Витте, осыпалъ его знаками вниманія, и принималъ у себя не въ примѣръ прочихъ русскихъ сановниковъ.

По своему Витте былъ, пожалуй, правъ, подозрительно косясь на противоестественный франко-русскій союзъ. При тупомъ упорствованіи въ сохраненіи россійскаго государственнаго строя, союзъ этотъ, какъ доказали послѣдствія, былъ фатальнымъ для царскаго режима, а для Россіи чреватъ попутно бѣдствіями.

Франція извлекла изъ него все, въ томъ числѣ и «блестящую побѣду», которую шумно, можетъ быть даже слишкомъ шумно, на первыхъ порахъ отпраздновала. Россія же лежитъ распластанная, окровяненная, исхлестанная вдоль и поперекъ войной, революціей и ударами безудержнаго садизма.

Господа союзники наши рѣшили, что они уже свое дѣло сдѣлали: побѣдили Германію. Въ дѣйствительности же они едва только свели свои давніе счеты съ Вильгельмомъ, и не рано-ли имъ упиваться побѣднымъ кликами, мечтая о союзѣ народовъ. Пока тлетворный ядъ, привитый Россіи тѣмъ же Вильгельмомъ, какъ

гнусное боевое средство для достиженія своихъ видовъ, не парализованъ, а лишь изолированъ, казалось-бы имъ рано ликовать. Пусть пропадетъ Россія — имъ нѣтъ больше дѣла до нея! Но въ награду ликующему эгоизму побѣдителей какъ-бы не случилось того же, что было при изгнаніи мавровъ изъ Испаніи.

Побѣжденные съумѣли оставить своимъ побѣдителямъ въ наслѣдіе чуму и проказу.

Историческая логика едва поддается предвидѣнію, но она непреложна.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Муравьевъ въ качествѣ Министра Юстиціи и Ванновскій въ качествѣ Военнаго Министра въ царствованіе Александра III были помельче Витте и совсѣмъ слѣпо и шаблонно поддерживали самодержавіе.

Первый развращая судъ и судей, дѣлая послѣднихъ слѣпымъ орудіемъ своихъ велѣній, второй насыщая войсковыя части шпіонами, провокаторами и доносчиками, дабы уловить самомалѣйшій признакъ неблагонадежности въ офицерской средѣ.

Это министерское рвеніе въ обоихъ случаяхъ приводило к одному и тому-же:

Изъ судейской коллегіи бѣжало въ адвокатуру и въ частную службу все, сколько нибудь энергичное, талантливое и честное, на первыя же мѣста выдвигались бездарные карьеристы, заранѣе на все готовые. Изъ арміи же и гвардіи уходили въ оставку лучшіе элементы, не желая быть въ подчиненіи у бурбоновъ-сыщиковъ новѣйшаго типа. «Les prochvostis» рѣшительно на всѣхъ государственныхъ ступеняхъ брали верхъ, и Гатчинскій отшельникъ (отличный семьянинъ, но скверный музыкантъ даже на корнетъ-а-пистонѣ, на которомъ любилъ упражняться) считалъ свой тронъ на плечахъ вполнѣ надежныхъ каріатидъ.

Жаль, что онъ умеръ слишкомъ рано, не прозрѣвъ какое жестокое наслѣдіе онъ оставляетъ своему, осѣненному теперь ореоломъ мученичества, несчастному сыну Николаю, воспитанному имъ въ рабскомъ преклоненіи предъ его «мудрыми» царственными завѣтами.

Если-бы Брешковская въ свое время не посвятила меня въ тайну организаціи террористическихъ актовъ, революціонныя мои,

если не тенденціи, то симпатіи, по всей вѣроятности, были-бы гораздо сильнѣе. Но когда я мысленно сопоставлялъ Гатчинскую процедуру репрессій съ одной стороны и работу тайнаго революціоннаго трибунала съ другой, толкавшаго зеленую юность на кровавыя дѣла, я не могъ стать ни на одну сторону, — и то и другое мнѣ одинаково претило. Въ этомъ заключался трагизмъ моего самочувствія.

Мои личные успѣхи въ жизни и въ адвокатурѣ, какъ гашишъ подчасъ туманили мнѣ голову и я старался не думать, т. е. не задумываться слишкомъ надъ тѣмъ, чему не могъ помочь.

Весь въ работѣ и въ увлеченіяхъ, я не былъ чуждъ однако часовъ глубоко-пессимистическаго раздумья, идея о самоубійствѣ не была мнѣ чужда, объ этомъ можно отчасти судить по моему роману «Господинъ Арековъ», который какъ-то вырался душевнымъ воплемъ въ кульминаціонный періодъ личнаго жизненнаго благополучія.

Одно себѣ поставилъ я задачей и никогда этому не измѣнилъ: разъ судьба сдѣлала изъ меня юриста и адвоката и притомъ по преимуществу уголовнаго защитника, — никогда не отступать предъ трудностью выпадающей задачи и помнить только одно, что у меня за спиной живой человѣкъ. Я забывалъ о себѣ и о своихъ личныхъ интересахъ и перевоплощался въ союзника кліента, чаще всего обвиняемаго. Я переживалъ съ нимъ его муки и думы и сомнѣнія и, отъ того быть можетъ, моя рѣчь доходила до человѣческой души. Иногда, будь то душа самаго закоренѣлаго судьи-фанатика.

Не мнѣ характеризовать мои адвокатскіе успѣхи, мнѣ важно лишь отмѣтить, что благодаря имъ на мою долю выпадали обыкновенно самые трудные, острые, волновавшіе и общество и власти процессы. Меня ненавидѣлъ Муравьевъ, а за нимъ и вся прокуратура. и еслибы я допустилъ малѣйшій адвокатскій промахъ со мною рады были-бы сосчитаться безпощадно.

Тогдашній директоръ Департамента Полиціи, впослѣдствіи всесильный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. Н. Плеве, знавшій меня еще будучи прокуроромъ Петербургской Судебной Палаты, караулилъ меня въ оба, что при случаѣ и доказалъ впослѣдствіи, когда собрался было меня «далеко» выслать изъ Петербурга, послѣ участія моего въ Кишиневскомъ процессѣ о еврейскомъ погромѣ, въ качествѣ повѣреннаго потерпѣвшихъ евреевъ.

Это было уже въ царствованіе Николая II-го, когда Плеве былъ премьеромъ, а директоромъ Департамента Полиціи былъ назначенъ, быстро сдѣлавшій карьеру, Лопухинъ, въ которомъ провидѣли будущаго преемника самого Плеве.

Когда послѣ мотивированнаго оставленія адвокатами гражданскихъ истцовъ процесса въ Кишиневѣ, въ виду отказа Судебной Палаты направить дѣло къ дослѣдованію, я возвратился въ Петербургъ, меня посѣтили многіе представители еврейскаго общества, въ томъ числѣ Винаверъ, Сліозбергъ и друг. Они торжественно выразили мнѣ благодарность за рѣчь, произнесенную мною въ засѣданіи Судебной Палаты въ Кишиневѣ, рѣчь, въ которой я откровенно мотивировалъ нашъ уходъ.

Еврейскій Кишиневскій погромъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, созданъ мѣстными темными провокаціонными силами, съ вѣдома и благословенія самого Плеве. Это входило въ его политическую программу. Все поведеніе полиціи и мѣстныхъ властей ярко объ этомъ свидѣтельствовало.

Посѣтилъ меня также отъ имени редакціи журнала «Русское Богатство» и В. Г. Короленко съ которымъ съ процесса Мультинскихъ вотяковъ, мы были большими пріятелями. Онъ былъ высокаго мнѣнія о моихъ заслугахъ въ этомъ процессѣ, который онъ принялъ близко къ сердцу и въ которомъ, рядомъ со мною, былъ въ числѣ защитниковъ. Короленко предложилъ мнѣ прочесть докладъ о Кишиневскомъ процессѣ въ обширной залѣ, любезно предложенной барономъ Гораціемъ Гинзбургомъ въ своемъ роскошномъ особнякѣ. Входъ на этотъ предполагаемый вечеръ долженъ былъ быть не публичнымъ, а исключительно по рекомендаціи.

Я далъ свое согласіе.

Вечеръ для доклада былъ назначенъ въ концѣ недѣли, но уже во вторникъ изъ градоначальства мнѣ позвонили по телефону съ предложеніемъ явиться къ градоначальнику для объясненій по поводу предстоящаго собранія у барона Гинзбурга. Я отвѣтилъ, что не вижу надобности явиться къ градоначальнику, такъ какъ организація собранія мнѣ не поручена, докладъ же я сдѣлаю, если собраніе состоится. Отвѣтъ мой, очевидно, не удовлетворилъ градоначальника, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ, ко мнѣ явился отъ него чиновникъ и предложилъ дать подписку о томъ, что докладъ мой не состоится... Меня возмутило такое предложеніе. Я отвѣтилъ, что никакой подписки никому давать не буду и прошу оставить меня въ покоѣ, такъ какъ занятъ текущими отвѣтственными дѣлами и не имѣю времени для переговоровъ явно безпредметныхъ.

Вскорѣ послѣ этого визита изъ Градоначальства, заговорилъ со мной по телефону уже Департаментъ Полиціи. Отъ имени директора Департамента Лопухина я приглашался, «побывать» у него «завтра въ среду». Я отвѣтилъ, что завтра, въ среду, занятъ защи-

той въ Сенатѣ, но что въ четвергъ около 3-хъ часовъ свободенъ и могу «побывать».

Лопухину я незадолго передъ тѣмъ, былъ представленъ въ Москвѣ, гдѣ онъ въ то время былъ прокуроромъ Судебной Палаты, и долженъ былъ быть моимъ противникомъ, въ качествѣ обвинителя въ одномъ уголовномъ процессѣ. Но онъ былъ назначенъ директоромъ Департамента Полиціи и мнѣ не пришлось «встрѣтиться» съ нимъ на судебномъ полѣ брани.

Въ качествѣ будущаго судебнаго противника онъ былъ тогда чрезвычайно предупредителенъ, любезенъ, и осыпалъ меня слащавыми комплиментами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ четвергъ ровно въ 5 минутъ четвертаго я былъ въ Департаментѣ Полиціи на Фонтанкѣ. Былъ принятъ тотчасъ-же, несмотря на значительное число посѣтителей, ожидавшихъ очереди въ пріемной.

Когда я вошелъ въ обширный кабинетъ директора Департамента Полиціи, гдѣ, кромѣ самого Лопухина, никого не было, онъ быстро отодвинулся отъ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ въ то время и легкою поступью пошелъ ко мнѣ на встрѣчу, привѣтливо протягивая руку.

Онъ показался мнѣ нѣсколько взволнованнымъ, лицо его было красно и что-то стыдливо-записывающее, бѣгало въ его глазахъ. Я сообразилъ, что бывшій судебный дѣятель и юристъ чувствуетъ себя, вѣроятно, не совсѣмъ удобно передъ такимъ-же, какъ онъ, юристомъ въ роли исполнителя щекотливыхъ административныхъ мѣропріятій.

Я былъ любезно усаженъ въ кресло у письменнаго стола, а самъ онъ сѣлъ на прежнее мѣсто за тотъ-же столъ.

Colloqium нашъ начался.

— Мнѣ поручено, — началъ онъ, — просить Васъ отказаться отъ предположеннаго доклада о Кишиневскомъ процессѣ.

— Я обѣщалъ, и не вижу основанія брать назадъ своего обѣщанія.

— Основаніе имѣется... Публичный докладъ о процессѣ, проходившемъ при закрытыхъ дверяхъ, не совпадаетъ съ видами правительства.

— Но о публичности нѣтъ рѣчи! Предполагаемое собраніе въ частномъ домѣ, гдѣ докладъ будетъ услышанъ только поименно приглашенными хозяиномъ. Это не отвѣчаетъ понятію о публичности.

— А Вы не знаете, что приглашенія будутъ платныя и по исключительно высокой цѣнѣ?

— Нѣтъ, этого я не знаю, но это меня не касается...

— Можетъ быть Вы не знаете и того, что сборъ этотъ пойдетъ на «нихъ Красный Крестъ», для раздачи пособій административно высланнымъ, т. е. революціонерамъ?..

Я широко открылъ глаза.

— Этого я не зналъ. Но теперь, когда узналъ, что это вечеръ благотворительный, тѣмъ болѣе не могу измѣнить своему обѣщанію. Отбывающій кару уже не преступникъ. Вы, какъ юристъ, конечно, согласитесь со мною, что помогать сосланному, оторванному отъ своихъ занятій и дома, человѣку, доброе дѣло, а не преступленіе. Къ тому же революціонеровъ у насъ судятъ по «Уложенію о Наказаніяхъ», судятъ судомъ, кого-же высылаютъ административно я не знаю...

Лопухинъ совсѣмъ побагровѣлъ и весь послѣдующій его тонъ былъ уже, раздраженно и властно, повышенный.

— А такъ!.. Вотъ, что поручилъ мнѣ передать Вамъ Вячеславъ Николаевичъ.

— Кто это Вячеславъ Николаевичъ?..

Лопухинъ откинулъ голову назадъ и уставился на меня круглыми глазами.

— Вы не знаете?!.. Это Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Плеве, его зовутъ Вячеславъ Николаевичъ...

Я качнулъ головой въ знакъ того, что любопытство мое удовлетворено.

По мѣрѣ того, какъ явно озлоблялся и раздражался Лопухинъ, во мнѣ начинало расти непреклонное упорство, обычно мнѣ несвойственное.

Послѣ секунды молчанія, Лопухинъ всталъ со своего мѣста и, уже стоя, продолжалъ говорить со мною, нервно постукивая, отъ времени до времени, по столу карандашемъ, бывшимъ у него въ рукѣ.

— Статсъ-Секретарь Вяч. Ник. Плеве приказалъ мнѣ объявить Вамъ что, если Вашъ докладъ состоится, Вы будете высланы...

Я всталъ и сдѣлалъ шагъ чтобы идти.

Лопухинъ жестомъ своей сухощавой руки, далъ мнѣ понять, что объясненіе наше не кончено.

— Да, Вы будете высланы изъ Петербурга.

— Благодарю Васъ за предупрежденіе, оно дастъ мнѣ возможность собраться и оповѣстить своихъ кліентовъ.

— Вы можете быть высланы далеко, очень далеко и на долго ...

— Это отвѣчаетъ моей душевной потребности. Я усталъ отъ Петербурга... (Я говорилъ правду, незадолго передъ тѣмъ умерла моя первая жена, съ которой я прожилъ 20 лѣтъ и мое душевное состояніе было очень подавлено) и радъ его покинуть. Меня не пугаетъ очутиться въ новыхъ, хотя-бы и очень отдаленныхъ мѣстахъ...

Лицо Лопухина нервно задергалось. Передо мною былъ не тотъ человѣкъ, который меня встрѣтилъ. Тупой, жесткой маской выглядѣло его лицо.

Я сухимъ поклономъ отвѣтилъ на его пристально устремленный на меня выжидательный взглядъ и пошелъ къ двери. Онъ остался на мѣстѣ и не промолвилъ больше ни слова.

На другой день устроители собранія стали вызывать меня по телефону со всѣхъ концовъ и изъ квартиры Гинзбурга и изъ редакціи «Русскаго Богатства». Меня спѣшно оповѣщали, что собраніе для моего доклада не можетъ состояться. Оказалось, что всѣхъ, поочередно, въ томъ числѣ и Гинзбурга, вызывалъ Лопухинъ и добился наконецъ того, что Гинзбургъ отказался предоставить свое помѣщеніе устроителямъ вечера.

Дальнѣйшихъ мѣропріятій не послѣдовало.

Ни близко, ни далеко я не очутился, а остался въ Петербургѣ, и Департаментъ Полиціи, и самъ Лопухинъ, безслѣдно, какъ мирахъ, исчезли изъ моего поля зрѣнія.

Думалъ-ли усердный директоръ Департамента Полиціи Лопухинъ, когда сулилъ мнѣ свое «прекрасное далеко», что не мнѣ, а ему суждено испытать его позднѣе, при гораздо болѣе тяжкихъ условіяхъ?

Въ политическую программу Плеве входила по преимуществу расправа не судебная, а административная: высылка изъ столицы лицъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи практиковалась широко. Принадлежность къ адвокатскому сословію никого не спасала отъ расправы подобнаго сорта и Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ безпрестанно приходилось протестовать и ходатайствовать объ отмѣнѣ высылокъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Изъ политическихъ процессовъ въ началѣ царствованія Александра III-го, я принималъ участіе въ, такъ называемомъ, «Кобызевскомъ процессѣ».

Извѣстный революціонеръ Богдановичъ подъ именемъ маслянаго торговца Кобызева, снялъ лавку съ подвальнымъ помѣщеніемъ, на Екатерининской улицѣ, по которой въ опредѣленные дни и часы, проѣзжалъ въ Михайловскій манежъ Александръ II-ой. Отсюда подкопъ подъ улицу былъ проведенъ кротовой, упорной и длительной работой. Богдановичу помогали его соумышленники, являвшіеся періодически смѣнною очередью и двѣ проживавшія съ нимъ дѣвушки, одна Ивановская (фамиліи другой не помню), проживавшая съ нимъ подъ видомъ одна — жены, другая — прислуги.

Подкопъ былъ уже почти готовъ, когда бомбы Желябова, Перовской и К⁰ на Мойкѣ покончили съ царемъ. Кобызевъ и его домашніе внезапно скрылись, не задѣлавъ, впопыхахъ, подкопа. Это повело къ розыскамъ и всѣ участники преступленія были обнаружены. Дѣвушку прислугу защищалъ я.

Двойственныя чувства волновали меня въ теченіе всего процесса. Судилъ Военный Судъ и обвиняемымъ грозила смертная казнь. Это ледянило душу.

Но съ другой стороны, капканъ, систематически приготовлявшійся для несчастнаго «Освободителя», съ разсчетомъ взрыва, который могъ грозить многимъ, было такимъ систематическимъ, такимъ безпощаднымъ звѣрствомъ.

Но люди, творившіе это чудовищное звѣрство, совсѣмъ не выглядѣли ни чудовищами, ни звѣрьми.

Просто плакать хотѣлось надъ ними, когда проходили подробности ихъ тяжкой, неустанной, подпольной работы, съ ежеминутнымъ рискомъ быть захваченными и поплатиться жизнью. Сколько энергіи, находчивости, терпѣнія, сколько силъ и спортивной смѣлости во имя безумной идеи спасти міръ обагренными кровью руками. Сколько жизненно-плодотворныхъ силъ высшаго напряженія, загубленныхъ безплодно, въ видѣ революціоннаго фейерверка, эффектно взлетавшаго вверхъ и пропадавшаго на черномъ фонѣ россійской дѣйствительности.

Интелигенція благоразумно-выжидательно «тайно аплодировала», а обыватели и народъ только ротозѣйно недоумѣвали пока.

Поединокъ Правительства съ революціей былъ во истину поединкомъ, въ которомъ широкіе общественные круги были безучаст-

ными свидѣтелями, желавшими счастливаго исхода, то той, то другой сторонѣ.

Народъ-же, по завѣту Пушкина, еще «безмолствовалъ».

Поздно ночью судьи удалились на совѣщаніе.

Подсудимыхъ препроводили въ Домъ Предварительнаго Заключенія съ тѣмъ, чтобы вновь привести ихъ къ моменту объявленія приговора.

Мутный петербургскій разсвѣтъ медленно ползъ уже по противоположной стѣнѣ Дома Предварительнаго Заключенія, когда судейскій звонокъ возвѣстилъ, наконецъ, о томъ, что приговоръ готовъ.

Побрякивая шпорами полусонные жандармы, оправляясь, ринулись «поднимать» по каменной узкой лѣстницѣ, ведущей прямо изъ тюрьмы въ зало засѣданія, подсудимыхъ, одного за другимъ.

Первымъ взошелъ на скамью посудимыхъ Богдановичъ.

Это былъ мужчина не самой первой молодости, съ внѣшностью мѣщански-заурядняго типа. Его обрамленное всклокоченною бородой, вздутое нездоровою, «тюремною» опухлостью, изжелта-зеленоватое лицо, благодаря двойному освѣщенію, отъ оконъ и отъ электрической люстры, казалось исполосованнымъ не то зеленоватыми тѣнями, не то глубокими морщинами. Онъ слушалъ приговоръ стоя, держась цѣпко руками за балюстраду. Когда раздались слова предсѣдателя «черезъ повѣшеніе», онъ точно только-что очнувшись, качнулся впередъ, потомъ назадъ и лѣвый глазъ его, который одинъ былъ мнѣ виденъ, какъ-то совсѣмъ забѣжалъ за вѣко, такъ, что мнѣ блеснулъ только бѣлокъ.

Вѣроятно, это было обморочное мгновеніе, которое тотчасъ-же миновало.

Изъ женщинъ никто не былъ приговоренъ къ смертной казни и онѣ кинулись обнимать Богдановича и другихъ, тяжко осужденныхъ. Особеннымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ выдѣлялась стройная, красивая Ивановская, приговоренная къ долгосрочной каторгѣ. Ея защитникъ, присяжный повѣренный Холева, въ своей высокой шляпѣ, принесъ ей на другой день нѣсколько алыхъ розъ, когда явился къ ней «на свиданіе». Она обрадовалась имъ ребячески, какъ «вѣстнику съ воли».

Политическіе процессы не стали моею спеціальностью; они давались мнѣ слишкомъ тяжело, къ тому же моя адвокатская практика съ каждымъ днемъ росла. Я часто выѣзжалъ на защиту въ провинцію и исколѣсилъ Россію вдоль и поперекъ. Политическія дѣла въ судебномъ порядкѣ стали рѣдко возникать, такъ какъ Плеве предпочиталъ ликвидировать ихъ особымъ административнымъ по-

рядкомъ. Только когда грозила смертная казнь приходилось судить военнымъ судомъ; но случаи эти были сравнительно не часты.

Уже позднѣе, несмотря на то, что въ сословіи къ тому времени сложилась группа особыхъ спеціалистовъ, защитниковъ въ политическихъ процессахъ, политическія убѣжденія которыхъ въ значительной мѣрѣ совпадали съ убѣжденіями самихъ подсудимыхъ, я же не числился въ этой группѣ, мнѣ, всетаки, пришлось выступить въ позднѣйшихъ политическихъ процессахъ.

Балмашевъ, убійца министра Сипягина, просилъ меня защищать его но письмо его не застало меня, я былъ на защитѣ въ Одессѣ. Его защищалъ, по назначенію отъ Суда, высокочтимый всѣмъ сословіемъ нашимъ, много лѣтъ состоявшій Предсѣдателемъ Совѣта В. Ѳ. Люстихъ.

Я былъ счастливъ, что чаша на этотъ разъ миновала меня, такъ какъ Балмашевъ былъ повѣшенъ.

Два другіе наиболѣе сенсаціонные политическіе процессы позднѣйшаго времени, не миновали меня.

Я защищалъ Гершуни, организатора многихъ террористическихъ актовъ, и Сазонова — убійцу статсъ-секретаря, министра Плеве.

Гершуни, приговоренный военнымъ судомъ къ смертной казни, не былъ казненъ.

Ввиду категорическаго отказа отъ подписанія просьбы о помилованіи, я подалъ такую просьбу на Высочайшее Имя отъ своего имени, что до тѣхъ поръ не практиковалось. Помилованъ онъ былъ, очевидно, по желанію Плеве, который лично таинственно посѣтилъ его въ Петропавловской крѣпости. Впослѣдствіи это помилованіе ставили въ связь съ вліяніемъ Азефа на Департаментъ Полиціи, имѣвшаго на то свои, конспиративно-провокаторскіе виды.

Изъ всѣхъ политическихъ преступниковъ, съ которыми мнѣ пришлось на своемъ вѣку столкнуться, Сазоновъ, убійца Плеве, былъ исключительно симпатичнымъ.

Втеченіе продолжительныхъ одиночныхъ свиданій, я полюбилъ его искренно; да его и нельзя было не полюбить. Онъ былъ безотвѣтною жеребьевою жертвою, свершившей свое, какъ онъ думалъ, «святое дѣло», съ покорностью заранѣе обреченнаго.

Рѣчь моя въ защиту Сазонова, помѣщенная въ послѣднемъ изданіи моихъ «Рѣчей», была напечатана и отдѣльной брошюрой. Мнѣ случилось прочесть ее и во французскомъ судебномъ журналѣ, въ прекрасномъ переводѣ.

Изъ всѣхъ «убійцъ», которыхъ мнѣ приходилось защищать, я Сазонова исключительно выдѣляю. Сопоставляя личности жертвы

и убійцы я отказываюсь даже формулировать его дѣяніе убійствомъ.

Онъ былъ приговоренъ къ долгосрочной каторгѣ и умеръ не отбывъ ее.

Отецъ его бывалъ у меня позднѣе и очень хлопоталъ о перевезеніи тѣла любимаго сына на родину, въ Уфу. Ему чинили въ этомъ всяческія препятствія.

Участіе мое въ послѣднихъ двухъ процессахъ, въ связи съ болѣе ранними выступленіями въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ въ Кишиневѣ и въ родномъ городѣ Николаевѣ въ процессахъ о еврейскихъ погромахъ, а позднѣе и защита Бейлиса, доставили мнѣ значительную популярность въ еврейской адвокатской средѣ.

Замкнутая группа «политическихъ защитниковъ», стала, въ свою очередь, дарить меня, не скажу довѣріемъ, но все-же значительнымъ вниманіемъ.

Особенно пришелся по вкусу либеральной адвокатской средѣ эпизодъ неудачной попытки Плеве выслать меня административно изъ Петербурга, послѣ Кишиневскаго процесса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

13-го декабря 1904 г., когда я уже былъ женатъ на теперешней моей второй женѣ, Ольгѣ Константиновнѣ, урожденной Вергуниной и жилъ я въ ея роскошномъ особнякѣ на Знаменской улицѣ, исполнилось 25 лѣтіе моего пребыванія въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Я состоялъ уже въ то время нѣсколько лѣтъ сряду членомъ Совѣта Присяжнымъ Повѣренныхъ и былъ въ зенитѣ своей адвокатской популярности.

Кое-кто изъ товарищей, и въ особенности милѣйшій дѣлопроизводитель нашего Совѣта, горячо преданный интересамъ сословія Сергѣй Тимофеевичъ Ивановъ, даривший меня всегда своимъ исключительнымъ расположеніемъ, шепнули мнѣ заранѣе, что «сословіе» готовитъ мнѣ чествованіе и что именно «лѣвые» товарищи хотѣли-бы раздуть его до степени общественной оппозиціонной демонстраціи, что могло-бы, благодаря недавнимъ моимъ защитамъ Гершуни и Сазонова, имѣть, по ихъ мнѣнію, колоссальный успѣхъ.

Имъ улыбалось использовать мою тогдашнюю популяность исключительно въ своихъ партійныхъ цѣляхъ. Они мечтали устро-

нть публично чествованіе съ безконечнымъ адресами, рѣчами, съ привлеченіемъ къ нему не только представителей всероссійской адвокатуры, но и всевозможныхъ общественныхъ организацій, союзовъ и группъ. Послѣ убійства Плеве давленіе по адресу неблагонадежныхъ было значительно ослаблено и являлась возможность, въ цѣляхъ революціонныхъ, использовать моментъ моего адвокатскаго юбилея.

Въ средствахъ пропаганды господа «лѣвые» никогда не стѣснялись и готовы были шагать по чужимъ головамъ съ развязностью.

Моя жена, очень стойкая въ вопросахъ морали и обладавшая, во истину, исключительнымъ чутьемъ при оцѣнкѣ знаменій тѣхъ или иныхъ общественныхъ явленій, весьма рѣшительно совѣтовала мнѣ не становиться ни орудіемъ партіи, ни вывѣскою какого-либо политическаго направленія, принимающаго притомъ явно революціонный оттѣнокъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, дѣятельность и личность адвоката общественно-цѣнны исключительно съ точки зрѣнія служенія праву и морали, а не задамъ партійности. Я не могъ не согласиться съ нею и далъ понять заговаривавшимъ со мною о моемъ предстоящемъ юбилеѣ товарищамъ, что радъ буду въ этотъ день всѣхъ принять у себя, но внѣ, этого, рѣшительно уклоняюсь отъ всякаго публичнаго чествованія.

Ссылался я при этомъ и на прецедентъ: А. Я. Пассоверъ также не далъ искусственно раздуть своего юбилея и ограничилъ его сословной дружеской бесѣдой.

Наконецъ 13-е декабря наступило.

Къ 11 часамъ я съ женою были готовы для пріема. Къ этому времени въ нижнемъ этажѣ, въ помѣщеніи моей канцеляріи, уже собралось много народа, и извозчики и собственные экипажи все еще подъѣзжали.

Наконецъ, компактною процессіей всѣ двинулись по широкой мраморной лѣстницѣ, устланной ковромъ, въ обширное золоченое двухсвѣтное зало, гдѣ у дверей гостиной поставили меня, рядомъ съ моей женой, распорядители торжества.

Первымъ привѣтствовалъ меня Совѣтъ.

Тогдашній предсѣдатель Совѣта А. Н. Турчаниновъ, держа въ рукахъ массивный бюваръ, украшенный барельефомъ изъ темной бронзы, прочелъ мнѣ адресъ отъ товарищей по сословію.

Его искренній и задушевный тонъ глубоко проникъ мнѣ въ сердце. Еще, казалось, такъ недавно Совѣтъ мнѣ представлялся чѣмъ то высшимъ, отчасти пугаломъ на моемъ, отъ юныхъ лѣтъ, адвокатскомъ пути, а «старики» (le ancien) такими недосягаемыми «столпами» сословныхъ завѣтовъ, и вотъ я уже пріобщенъ къ

лику его и «старики» говорятъ со мною какъ съ равнымъ. Неужели «старикъ» уже и я, несмотря на то, что рядомъ со мною стоитъ такая молодая и цвѣтущая «новая» моя жена.

Послѣ прочтенія адреса А. Н. Турчаниновъ вручилъ мнѣ «на память» отъ товарищей по Совѣту, золотой эмалированный изящный жетонъ, сработанный у Фаберже, по разъ выработанному образцу.

В .О. Люстихъ, прежній многолѣтній предсѣдатель, отказавшись отъ новаго выбора на эту должность, былъ въ это время лишь членомъ Совѣта. Онъ подалъ моей женѣ «отъ сословія» роскошный букетъ цвѣтовъ.

Такой обычай повелся у насъ въ сословіи съ моей легкой руки. Когда праздновался юбилей самого В. О. Люстиха, по моей иниціативѣ, былъ заказанъ букетъ, и я, съ привѣтствіемъ отъ сословія, поднесъ его уважаемой супругѣ юбиляра.

Отъ группы бывшихъ и настоящихъ моихъ помощниковъ, кромѣ привѣтственнаго адреса, я получилъ художественно исполненный темной бронзы гигантскій медальонъ, на которомъ былъ изображенъ, якобы я, молодымъ, въ римской тогѣ, со свѣточемъ въ рукахъ, освобождающимъ заключенныхъ, томившихся въ цѣпяхъ.

Подношенія изъ темной бронзы подчеркивали для меня заботливое вниманіе товарищей и ихъ желаніе угодить моему вкусу. Они знали, что художественныя произведенія, именно изъ темной бронзы пользуются особенною моею любовью.

Комиссія Помощниковъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, въ адресѣ, поднесенномъ мнѣ въ изящномъ бюварѣ, особенно подчеркивала значеніе моихъ защитъ въ политическихъ процессахъ и дѣлахъ о еврейскихъ погромахъ. Почти вся провинціальная адвокатура, такъ или иначе, подарила меня своимъ вниманіемъ. Я получилъ груды телеграммъ и адресовъ со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая Сибири и Кавказа. А. Ѳ. Кони и еще многіе представители судебной магистратуры, такъ или иначе, привѣтствовали меня. В. Д. Спасовичъ, бывшій въ то время уже «на покоѣ» въ Варшавѣ, слалъ мнѣ привѣтъ, какъ «двойному» товарищу — адвокату и литератору.

В. Г. Короленко изъ Полтавы и В. М. Дорошевичъ изъ Москвы слали мнѣ свои дружескія привѣтствія, особенно подчеркивая мои заслуги: первый въ процессѣ Мултанскихъ Вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы, второй — въ дѣлѣ братьевъ Скитскихъ, обвинявшихся въ убійствѣ секретаря Полтавской Духовной Консисторіи Комарова.

Дорошевичъ же въ самый день моего юбилея доставилъ мнѣ и художественный номеръ «Русскаго Слова», гдѣ кромѣ очень лестной характеристики моей адвокатской карьеры, я нашелъ не только

свои изображенія, начиная отъ юныхъ лѣтъ, но и портреты моихъ покойныхъ отца и матери.

Тепломъ и свѣтомъ пахнуло мнѣ въ душу въ это ясное морозное утро и, какъ-то по дѣтски счастливымъ почувствовалъ я себя въ эти минуты.

Взволнованно и радостно благодарилъ я дорогихъ товарищей, и думаю, что въ моихъ словахъ звучала та искренняя нота горячей любви къ сословію, которая всегда побуждала меня ставить его задачи очень высоко и всѣмъ существомъ своимъ беззавѣтно отдавать себя служенію имъ и на адвокатской трибунѣ и, въ качествѣ сословнаго судьи, въ Совѣтѣ Присяжныхъ Повѣренныхъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Когда, такъ сказать, офиціальная сторона привѣтствій и рѣчей была исчерпана, всѣ присутствующіе были приглашены моей женой въ обширную столовую къ завтраку.

Здѣсь по одному краю, во всю ширь комнаты, былъ накрытъ длинный столъ, а затѣмъ круглые, небольшіе столы, каждый на десять кувертовъ, заполняли остальную часть столовой.

Всѣхъ насъ собралось около двухсотъ человѣкъ.

За длиннымъ столомъ, лицомъ къ другимъ столамъ сѣла моя жена, а по бокамъ ея и противъ нея размѣстились «старѣйшины» нашей и провинціальной адвокатуры. Направо отъ жены сидѣлъ текущій Предсѣдатель Совѣта А. Н. Турчаниновъ, налѣво непреклонный стражъ сословнаго порядка и традицій В. О. Люстихъ. Интимно-оживленно текла мирно бесѣда за этимъ головнымъ столомъ.

Я не имѣлъ опредѣленнаго мѣста и подсаживался, то здѣсь, то тамъ, чтобы чокнуться, или перекусить на ходу съ товарищами.

За круглыми столами размѣстились кто какъ хотѣлъ; помощники перемѣшались съ присяжными повѣренными. Но два стола въ углу залы, были заняты опредѣленно сомкнувшимися товарищами. Большинство ихъ было изъ кружка «политическихъ защитниковъ» и вообще изъ ярко «лѣвыхъ». Тутъ былъ на первомъ мѣстѣ Н. Д. Соколовъ, А. А. Демьяновъ, П. Н. Переверзевъ, Гинсбургъ, мои бывшіе помощники Волькенштейнъ, Бартъ и другіе.

А. Ф. Керенскій отсутствовалъ.

Мой отказъ отъ партійнаго характера чествованія, очевидно, побудилъ его подчеркнуть свой абсентеизмъ.

Я зналъ вообще, что не пользуюсь его симпатіями и что въ этомъ настроеніи не малую роль играло жало неудовлетвореннаго честолюбія, такъ какъ на поприщѣ чисто адвокатскомъ онъ былъ только едва замѣтенъ.

Все шло до поры до времени вполнѣ благополучно. Было непринужденно оживленно. Говорили застольныя рѣчи каждый кто хотѣлъ, а хотѣли всѣ.

Одною изъ первыхъ раздалось звонко-кованное чисто русское слово П. А. Потѣхина. Ни изгибовъ мысли, ни пестроты орнаментовъ, но красота въ самомъ сочетаніи простыхъ и ясныхъ русскихъ словъ.

Посредственный адвокатъ, но прекрасный застольный ораторъ, В. Ѳ. Леонтьевъ, въ противуположность первому, весь въ недомолвкахъ, сопоставленіяхъ и намекахъ, очень понравился всѣмъ.

Ник. Ник. Раевскій и чудный товарищъ и прекрасной души человѣкъ, пародировалъ въ своей рѣчи собирательнаго прокурора, очнувшагося въ день моего юбилея и мечтающаго о томъ, какъ-бы хорошо было ему прокурору жить на свѣтѣ, если-бы адвокатъ Карабчевскій вовсе не родился, и сколько было-бы у него тогда обвинительныхъ приговоровъ, и сколько отличій и повышеній по службѣ выпало-бы на его долю.

Говорилъ долго, совершенно къ тому времени оглохшій, радикалъ Ник. Мих. Соколовскій. Проникновенно и упорно желалъ онъ скорѣйшей конституціи и предрекалъ ее. Въ томъ-же духѣ намекали другіе и образами говорилось еще многое.

Нашелся одинъ острякъ, который осетрину подъ хрѣномъ возвеличивалъ надъ конституціями всего міра и пришелъ къ заключенію, что кулинарное искусство и политика требуютъ тѣхъ же пріемовъ, дабы зря не портить на большомъ огнѣ провизіи.

Пока все было вполнѣ терпимо.

Но, вотъ, начали срываться съ мѣста ультра-лѣвые товарищи. Пошла безудержная элоквенція митинговаго характера. Меня чуть не превозгласили анархистомъ и будущимъ главою революціи. Жена моя, терпѣливо до тѣхъ поръ слушавшая, вдругъ поднялась во весь ростъ и, чеканя каждое слово, остановила расходившагося оратора. Она сказала, что не можетъ допустить, чтобы въ ея присутствіи, и въ ея домѣ, позволяли себѣ вести революціонную пропаганду и что она рѣшительно протестуетъ противъ продолженія подобныхъ рѣчей.

На секунду наступило гробовое молчаніе.

Рѣчи умолкли, но уравновѣшенные товарищи, бывшіе за столомъ гдѣ сидѣла моя жена, стали продолжать съ нею оживленнѣе прежнюю бесѣду, какъ-бы желая подчеркнуть, что вполнѣ понимаютъ и одобряютъ ея вынужденное выступленіе.

Большинство и за малыми столами также остались на мѣстѣ, но бывшіе за двумя столами «лѣвые» демонстративно-шумно вскочили со своихъ мѣстъ, постояли безмолвно нѣсколько секундъ, какъ-бы приглашая остальныхъ послѣдовать ихъ примѣру, и направились къ выходу. Впереди всѣхъ былъ Н. Д. Соколовъ. Въ дверяхъ они еще оглянулись. Потомъ всей гурьбой вышли въ прихожую, постояли тамъ и, одѣвшись, постояли еще и у подъѣзда на улицѣ.

Мое положеніе было не изъ веселыхъ. Провожая ихъ у дверей я просилъ ихъ остаться, но не находилъ возможнымъ ни оправдывать ихъ митинговыхъ выступленій, ни извиняться за вполнѣ естественный, при ея стойкихъ убѣжденіяхъ, протестъ жены.

Никто кромѣ нихъ не покинулъ столовой и послѣ ихъ ухода, стало только оживленнѣе и уютнѣе.

А. Я. Пассоверъ и В. О. Люстихъ особенно заботливо оказывали вниманіе моей женѣ, какъ-бы желая подчеркнуть, что понимаютъ и вполнѣ одобряютъ ея поведеніе.

Этотъ «эпизодъ» попалъ въ печать; въ берлинскихъ газетахъ и въ одной англійской онъ появился въ качествѣ «знаменія времени», характеризующаго повышенность общественнаго настроенія столицы.

Въ товарищеской средѣ, вѣроятно, о немъ много было толковъ самыхъ разнорѣчивыхъ, но лично я не только не подвергся сколько-нибудь ощутимому сословному бойкоту (внѣ небольшой горсти участниковъ инцидента, осуждавшихъ мое пассивное къ нему отношеніе), но при новыхъ выборахъ въ Совѣтъ, вновь былъ избранъ членомъ его, обычнымъ большинствомъ голосовъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ связи съ японской войной время наступило въ общемъ крайне тревожное.

Злосчастная война, затѣянная нелѣпо и поведенная не удачно, открыла новые пути для интенсивной критики «существующаго строя» и для сочувственнаго отношенія къ стремленіямъ интеллигенціи добиться во что-бы то ни стало спасительной «конституціи».

Земскія, городскія и профессіональныя организаціи, какъ изъ рога изобилія, стали сыпать своими «резолюціями», явно выработанными по одному и тому-же шаблону.

Либеральная интеллигенція смаковала предстоящія затрудненія государственнаго порядка, такъ какъ непопулярность правительства достигла своего апогея. Стали почти открыто образовываться политическія партіи, будущія парламентскія.

Революціонеры съ своей стороны тоже не дремали и умудрялись искусно проникать въ рабочую среду и дѣлать ее своимъ послушнымъ орудіемъ.

Пошли забастовки: посидѣлъ Петербургъ и безъ воды и безъ электричества.

Тогдашній правительственный премьеръ Витте вздумалъ было перекликаться съ премьеромъ рабочихъ организацій, Носаремъ. Онъ къ нимъ съ лаской, назвалъ «братцами», а они отвѣчали ему нелюбезно, отрекаясь отъ всякаго съ нимъ родства и собратства.

Дѣло временами, принимало весьма угрожающій оборотъ. Гадали: на чью сторону станетъ войско, гвардія въ особенности? Но въ Петербургѣ войско еще было надежное, хотя были попытки революціонировать даже Преображенскій полкъ.

Въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ открылось широкое поле дѣятельности для «лѣвыхъ» съ Н. Д. Соколовымъ и А. Ф. Керенскимъ и Исаевымъ во главѣ. Они легко стали овладѣвать адвокатскою молодежью и всѣми «безличными», высокопарно-демонстративно, словно по заказу, поголовно примкнувшими къ «освободительному движенію».

Сословныя общія собранія моментально превратились въ бурные политическіе митинги. «Старики» еще держались, но ихъ пророческимъ предостереженіямъ уже туго внимали.

Въ засѣданія Совѣта нерѣдко безъ доклада врывалась, та или другая группа, требуя зажигательныхъ резолюцій и постановленій. На тогдашняго предсѣдателя, мягкаго и деликатнаго, А. Н. Турчанинова, насѣдали со всѣхъ сторонъ и нерѣдко вырывали у него распоряженія, отъ которыхъ онъ, вслѣдъ затѣмъ, передъ Совѣтомъ болѣзненно каялся. На него было жалко смотрѣть, такимъ грубымъ натискомъ шли со всѣхъ сторонъ на него развязныя требованія, чуть-ли не властные окрики.

Сидя въ Совѣтѣ, въ качествѣ его члена я, также какъ и В. А. Люстихъ, В. И. Леонтьевъ и еще нѣкоторые, глубоко этимъ возмущался и настаивалъ на сохраненіи полной сословной дисциплины.

Но моментъ былъ упущенъ, всѣ даже внѣшне распустились, до неузнаваемости. Въ общемъ собраніи стали безцеремонно зажи-

мать ротъ каждому, кто не являлся подголоскомъ общему взбаламученному настроенію.

Въ другихъ сословныхъ и профессіональныхъ организаціяхъ и учрежденіяхъ это настроеніе проявлялось еще въ болѣе грубой формѣ.

«Вывозить на тачкахъ» считалось заурядною мѣрою воздѣйствія на «начальствующихъ» лицъ, не только на заводахъ и фабрикахъ, но и въ такихъ учрежденіяхъ, какъ больницы. Знаменательный случай такой расправы съ главнымъ докторомъ больницы для душевно-больныхъ Св. Николая Чудотворца, Реформатскимъ былъ особенно характеренъ, такъ какъ иниціаторомъ его былъ «интелигентъ», молодой врачъ, временно командированный въ больницу.

Боевой лозунгъ «всеобщей, тайной, равной» (подачи голосовъ) висѣлъ въ воздухѣ, и объединялъ, пока что, всѣ затаенныя вождѣленія, помыслы и чаянія отдѣльныхъ партій, союзовъ и фракцій.

Особенно сильнымъ орудіемъ воздѣйствія на «безразличныхъ» и «безпартійныхъ» являлись стачки и забастовки, нарушавшія теченія разъ налаженной обывательской жизни. Обыватель оставался, какъ всегда, обывателемъ, инертнымъ, трусливымъ, безпомощнымъ, ожидавшимъ, какъ и кто, какой палкой, погонитъ его въ ту или другую сторону. Ему почти безразлично идти ли вправо, или влѣво, лишь бы его не заставляли геройствовать и, чего Боже сохрани, не лишали маленькихъ жизненныхъ удобствъ.

Еврейскій «интелигентъ» проявлялъ особенно-активную энергію, съ развязностью дотолѣ не обнаруживаемою. На какомъ-то собраніи Оскаръ Грузенбергъ держалъ себя уже величественно-побѣдоносно. У него нашелся даже «жестъ» по адресу полиціи. Когда приставъ приказалъ околодочному записать присутствующихъ, Оскаръ тутъ-же отдалъ немедленно распоряженіе своему подручному записать фамилію пристава и околодочнаго.

Революція на сей разъ, пока только политическая, а не соціалная, шла всѣмъ своимъ боевымъ аллюромъ.

Буржуя «штыка въ животъ» пока еще откровенно не сулили и буржуй упивался сознаніемъ своей высокой миссіи, идя молніеноснымъ походомъ, пока что на «бюрократію». Прозорливостью онъ не отличался, хотя нѣкоторые признаки, послѣдующей жалкой его роли, для внимательнаго взора, уже обозначались.

Въ день стрѣльбы на Невскомъ, по случаю Гапоновскаго шествія къ Зимнему Дворцу, отдѣльные группы рабочихъ весьма злобно косились на «собственные» экипажи и пускали по адресу ихъ владѣльцевъ недвухсмысленные грубые намеки изъ области провидѣнія «свѣтлаго» будущаго.

Но «всеобщая», «тайная», «равная», все это должна была, разумѣется, поглотить, наладить и поставить на мѣсто. Главное было теперь добиться «этого», остальное приложится. Добивались всѣми средствами, не снисходя до моральной оцѣнки пріемовъ и средствъ.

Въ одинъ изъ очень тревожныхъ дней, въ связи съ Гапоновщиной, одинъ знакомый мнѣ саперный офицеръ прибѣжалъ ко мнѣ прямо отъ «Доминика» и, еще запыхавшись, сказалъ: «знаете-ли у «Доминика» было собраніе, рѣшили выставить вашу кандидатуру въ президенты россійской республики, Витте провалился!».. Я посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго и сказалъ: «будь я на мѣстѣ царя, я бы и Витте, и себя, да и Васъ, кстати,приказалъ немедленно повѣсить. Это-бы Вамъ наглядно доказало, какъ вы рано возмечтали о республикѣ. Не стыдно-ли такъ терять голову!...»

Онъ сконфуженно умолкъ.

Съ большою откровенностью пришлось мнѣ высказаться и по спеціальному вопросу объ «адвокатскихъ забастовкахъ» и «сниманіи судей», что не только стояло на очереди, но, частично, уже и практиковалось.

Дѣло обстояло такъ. Всеобщая адвокатская забастовка усиленно пропагандировалась на случайныхъ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ. Делегаты этихъ «частныхъ» собраній врывались въ комнату Совѣта, во время его засѣданій и требовали, чтобы общая забастовка была организована и санкціонирована авторитетнымъ и обязательнымъ для всѣхъ членовъ сословія, постановленіемъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ.

Растерявшійся Предсѣдатель Совѣта А. Н. Турчаниновъ обѣщалъ срочно внести этотъ запросъ на обсужденіе Совѣта. Тѣмъ временемъ отдѣльныя группы молодыхъ адвокатовъ рыскали уже по судейскимъ корридорамъ, врывались въ залы засѣданій и совѣщательные судейскіе комнаты и требовали отъ судей прекращенія судейской работы, приглашая ихъ примкнуть къ всероссійской забастовкѣ.

Эффекты получались разные: гдѣ были предсѣдатели потрусливѣе, тамъ засѣданія моментально срывались; въ другихъ мѣстахъ, послѣ молніеноснаго «скандала», онѣ кое-какъ опять налаживались. Особенно стойко и энергично проявилъ себя Первоприсутствующій Сенаторъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Г. К. Рѣпинскій: онъ просто ругательски гаркнулъ во всю мочь на свору проникшихъ въ Сенатъ «снимальщиковъ» и съ позоромъ выгналъ ихъ вонъ.

Поставленный передъ Совѣтомъ Присяжныхъ Повѣренныхъ вопросъ объ «общесословной забастовкѣ» требовалъ докладчика и А. Н. Турчаниновъ предложилъ не найдется-ли среди членовъ Совѣта «желающаго». Я тотчасъ-же откликнулся.

Меня глубоко возмущала самая идея о возможности «правосудію бастовать» какъ разъ въ тѣ моменты, когда оно больше, чѣмъ когда-либо, обязано дѣйствовать. Никакой параллели съ другими профессіональными и рабочими забастовками «забастовка правосудія» въ моихъ глазахъ не имѣла. Я взялся къ слѣдующему же засѣданію написать мотивированный докладъ, энергично подчеркнувъ въ немъ абсолютную непріемлемость для присяжной адвокатуры иной точки зрѣнія.

Большинство Совѣта облегченно вздохнуло и радостно приняло мое предложеніе. Мой мотивированный докладъ былъ принятъ и, безъ возраженій, вошелъ цѣликомъ въ постановленіе Совѣта, рѣшительно осуждавшее, какъ «сниманіе судей», такъ и сословную забастовку. Постановленіе это вызвало цѣлую бурю въ средѣ сословія и въ той части повседневной печати, которая послѣ убійства Плеве и послѣдующихъ событій, стала неудержимо радикальной.

Ближайшіе же весенніе выборы въ Совѣтъ ознаменовались усиленной агитаціей съ цѣлью моего забаллотированія. Милѣйшій дѣлопроизводитель нашъ С. Т. Ивановъ, таившій въ сердцѣ своемъ большую ко мнѣ нѣжность, шепнулъ мнѣ объ этомъ, давая понять не лучше ли будетъ мнѣ самому снять свою кандидатуру, чтобы не подвергаться позору забаллотировки.

Я его успокоилъ и сказалъ, что хочу быть забаллотированнымъ, чтобы подчеркнуть, что я непреклонно остаюсь при своемъ мнѣніи, считая его единственно соотвѣтствующимъ интересамъ и достоинству сословія.

Забаллотированіе мое дѣйствительно имѣло мѣсто, но далеко не тѣмъ внушительнымъ большинствомъ шаровъ, на которое агитація мѣтила.

Въ ближайшемъ затѣмъ общемъ собраніи нашлись «товарищи», даже изъ бывшихъ моихъ помощниковъ, которые порѣшили «допечь» меня во то-бы то ни стало: именовали и Николаемъ III-мъ и послѣдователемъ политики самого Плеве...

Философское равнодушіе, не покидавшее меня, раздражало ихъ больше всего. Они расчитывали, что я «сдамъ», стану оправдываться, можетъ быть, даже раскаиваться, по примѣру двухъ-трехъ членовъ Совѣта, которые подписанное ими-же постановленіе теперь соглашались признать поспѣшнымъ и неудачнымъ. Расчеты эти не оправдались, я ограничился заявленіемъ, что свобода мнѣній есть

лучшее достояніе нашего Сословія и что я радъ, что въ такой боевой и острый для сословія моментъ имъ пользуются сполна. Годъ спустя, несмотря на соблазнительное число записокъ, выставлявшихъ вновь мою кандидатуру въ члены Совѣта, я отказался баллотироваться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

То, что общензвѣстно, не стану воспроизводить здѣсь.

Отмѣчу только этапы.

Испугомъ царя съумѣлъ воспользоваться Витте ровно настолько, чтобы самому удержаться у власти.

Октябрскій манифестъ требовалъ энергичнаго и широкаго осуществленія реформъ, которыхъ не послѣдовало.

Муравьевъ, преимущественно дискредитированный въ качествѣ Министра Юстиціи, сбѣжалъ посломъ подъ благодатное небо Италіи. Никакого «новаго» режима въ сущности не наступало, все держалось въ правительственныхъ сферахъ на смутной надеждѣ: «авось уладится».

Въ концѣ концовъ, въ виду аграрныхъ бунтовъ съ иллюминаціями московской революціи и организовавшимися то тамъ, то здѣсь, «республиками», всплыли Дурново и Дубасовъ и, «авось» осуществилось, благодаря энергичной репрессіи съ разстрѣлами и жестокими карательными экспедиціями. Забастовки, особенно желѣзнодорожныя, періодически все еще повторялись, въ странѣ было вообще неспокойно, когда выдвинулся и сталъ у власти Столыпинъ.

Мало-по-малу, ему удалось довольно умно, на первыхъ порахъ осторожно, возстановить внѣшній порядокъ въ странѣ.

Столыпинъ изъ всей плеяды послѣднихъ нашихъ бюрократовъ былъ несомнѣнно выдающимся, можетъ быть даже, за многіе годы, единственнымъ государственнымъ человѣкомъ, по уму и талантливости. Во всякомъ случаѣ онъ понималъ, что «великая Россія» и «великія потрясенія» стоятъ уже лицомъ къ лицу и расчитывалъ еще отстоять ее.

Какъ думскій ораторъ онъ былъ несомнѣнно выше своихъ думскихъ оппонентовъ и, если-бы онъ не былъ связанъ по рукамъ Царскосельской распутиновщиной и ставленниками оттуда, онъ несомнѣнно наладилъ-бы правильно конституціонный режимъ. Но его строжили съ двухъ концовъ.

Багровъ, не то соціалъ-революціонеръ, не то ставленникъ «тем-

ныхъ силъ», а можетъ быть одновременно и то и другое, ухлопалъ его въ Кіевѣ въ театрѣ на парадномъ спектаклѣ на глазахъ Царя, при наличіи усиленной охраны. Смерть эта вызвала ликованіе среди революціонеровъ, избавила лѣвыхъ думцевъ отъ спльнаго противника, но не слишкомъ огорчила, какъ говорили, и Царя...

Съ текущими «потрясеніями» Столыпинъ къ этому моменту почти уже справился, но съ Распутинымъ и его ставленниками никакъ, несмотря на всю свою энергію, справиться не могъ. Послѣ него, по мѣткому словечку забавника Пуришкевича «пошла та игра въ чехарду», съ безпрестанною смѣною правящихъ, на политическомъ ристалищѣ, государственной колесницей. «Игра», которая отъ Горемыкина и Щегловитова привела къ Штюрмеру и Протопопову, пока, наконецъ, и сама колесница не низринулась въ пропасть.

Для меня, какъ и для всѣхъ во время послѣдней войны было ясно насколько неблагополучно положеніе Россіи, не столько вслѣдствіе неустойчивости нашихъ военныхъ успѣховъ на фронтѣ, сколько вслѣдствіе внутреннихъ треній и подпольной работы въ тылу. Отчасти усталость отъ войны, отчасти иноземныя вліянія, отчасти упрямая партійность интелигентныхъ круговъ — все способствовало развалу патріотическаго настроенія, необходимаго для сколько-нибудь успѣшной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. О Царскомъ Селѣ основательно, или безосновательно, иначе не говорили, какъ о гнѣздѣ чуть-ли не явныхъ измѣнъ и интригъ, настойчиво ведущихъ къ сепаратному миру. Политическіе шептуны, вродѣ Гучкова, въ данную минуту не у дѣлъ, туманно пророчествовали и обсуждали грядущее. То тамъ то здѣсь, по примѣру 1904—1905 годовъ, пошла серія «резолюцій» и попытокъ отдѣльныхъ союзъ и организацій сказать свое «властное слово».

Государственная Дума, пока что, не поддавалась еще явно революціонному настроенію, но стѣнобитно, по разъ налаженному методу, била все въ одну и ту же точку — дискредитированія власти.

«Приличные» министры (вродѣ Трепова, Игнатьева) не выдерживали пробы ни въ Царскомъ ни въ Думѣ. Не успѣвши прикоснуться къ власти они уже ее утрачивали. Въ сущности царила уже глухая анархія. Каждый случайный у власти тянулъ въ свою сторону и тутъ-же шлепался при малѣйшей натугѣ.

Революціонные элементы всюду закопошились. «Тыловые воины» въ разныхъ организаціяхъ «усталые отъ монотонной войны», почуяли приближеніе момента когда они понадобятся для болѣе активныхъ выступленій.

Еврейскій вопросъ, особенно въ виду начавшихся нерѣдко своекорыстныхъ облавъ на «пораженцевъ» и «хищниковъ тыла»,

принялъ характеръ весьма острый, отчасти властный, благодаря денежному могуществу затронутыхъ лицъ.

Физіономія Государственной Думы съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ мѣняла свое выраженіе. Родичевъ, Маклаковъ и самъ Милюковъ не оставались болѣе единственными «властителями» ея завѣтныхъ думъ. Пуришкевичъ пересталъ балагурить, а тамъ и вовсе скрылся на фронтъ, въ качествѣ завѣдующаго санитарнымъ отрядомъ, проявивъ на этомъ поприщѣ массу доброй воли и энергіи.

На «боевыхъ засѣданіяхъ» Думы, а онѣ теперь почти сплошь стали «боевыми», первыми запѣвалами уже являлись такіе лѣвые, какъ Чхеидзе, Церетели и, конечно, Керенскій, который ранѣе, и въ качествѣ думскаго оратора, имѣлъ лишь посредственный успѣхъ.

Но фронтъ, тѣмъ временемъ, еще стойко держ лся, тамъ кровь еще лилась «за Царя и Отечество» и негодующіе голоса по поводу «ненадежнаго тыла» еще не раздавались во всеуслышаніе.

На Кавказѣ фронтовые успѣхи были значительны. Но что значили они по сравненію съ неблагополучіемъ Петрограда, гдѣ престижъ Великаго Князя Николая Николаевича, какъ воина и патріота всячески умалялся и дискредитировался.

Мнѣ случилось быть въ Тифлисѣ, когда туда пришла вѣсть о взятіи Саракомыша. Надо было видѣть, какое искреннее ликованіе, какой энтузіазмъ овладѣлъ разношерстной и разноплеменной толпой при появленіи на улицахъ Тифлиса, пришедшагося по вкусу разношерстному населенію Кавказа, виднаго, геройски внушительнаго Царскаго Намѣстника.

Это былъ единственный Великій Князь, который въ теченіе войны имѣлъ престижъ и власть, но и его, какъ губкой, стерло изъ народнаго сознанія, какъ только Царскосельскія вліянія разжаловали его какъ Верховнаго Главнокомандующаго.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Съ остальными Великими Князьями, а ихъ у насъ всегда было множество, никто не считался.

Въ либеральныхъ кругахъ, правда, выдѣляли Николая Михайловича, какъ автора историческихъ монографій и молодого красавца Дмитрія Павловича, какъ «не глупаго».

Остальные Великіе Князья далѣе будуаровъ и уборныхъ балеринъ и танцовщицъ никуда не заглядывали и проводили время среди собутыльниковъ, разнослойныхъ прихлебателей и поклонниковъ отечественной хореографіи.

Андрей Владиміровичъ, пока онъ проходилъ свой курсъ въ Военно-Юридической Академіи, интересовался уголовными процессами. Онъ присутствовалъ и на процессѣ Гершуни и на процессѣ Сазонова.

По поводу этихъ процессовъ мнѣ, при случайной съ нимъ встрѣчѣ, пришлось перекинуться нѣсколькими словами, такъ какъ онъ интересовался знать — имѣются-ли въ печати эти мои рѣчи, которыя онъ прослушалъ.

Помню его характерную и чуть-ли не единственную фразу, которою онъ обмолвился по поводу подсудимыхъ.

— Знаете-ли когда читаешь о процессѣ и слушаешь его получается совсѣмъ другое... Вотъ эти Ваши два революціонера, ихъ начинаешь понимать... Когда Вы говорили въ ихъ защиту, я понималъ, что это не злодѣи, а подневольные служители охватившей ихъ идеи...

Тирада, несмотря на ея отрывочную туманность, свидѣтельствовала, во всякомъ случаѣ, о проблескахъ вдумчивости.

Знавшіе его ближе утверждали, что онъ подаетъ надежды не быть похожимъ на остальныхъ Великихъ Князей. Но, по примѣру всѣхъ царственныхъ Романовыхъ, женское вліяніе всецѣло овладѣло и этимъ, подававшимъ нѣкоторыя надежды, молодымъ человѣкомъ и онъ ничѣмъ не проявилъ себя.

Съ другимъ Великимъ Княземъ, именно Николаемъ Михайловичемъ, мнѣ случайно выпала болѣе продолжительная бесѣда.

Однажды, живя лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ съ поѣздомъ, гдѣ ѣхало не много народа. Въ отдѣленіи перваго класса я былъ одинъ. Вошелъ какой-то свитскій генералъ, я принялъ его за генерала Безобразова, съ которымъ лично знакомъ не былъ. Генералъ, соціабельно сѣвъ прямо противъ меня, спросилъ можно-ли открыть окно, я разумѣется согласился. Съ этого началась наша бесѣда, непрекращавшаяся затѣмъ вплоть до Петрограда.

Изъ словъ генерала я понялъ, что онъ знаетъ съ кѣмъ, въ моемъ лицѣ, имѣетъ дѣло.

Между прочимъ онъ спросилъ меня: почему я не въ Государственной думѣ, причемъ весьма лестно оттѣнилъ насколько онъ считалъ бы полезнымъ мое участіе въ политической жизни.

Я возразилъ, что въ такую переходную минуту государствен-

наго режима я былъ-бы тамъ лишнимъ. Моимъ моральнымъ принципамъ претитъ безцѣльно мутить и безъ того взбаламученную, общественную совѣсть. Для правильной же парламентской плодотворной работы, или хотя-бы совѣщательной съ Монархомъ, время, повидимому, не настало и не скоро еще настанетъ. Притомъ же я не партійный человѣкъ, ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій я-бы, по совѣсти, не могъ пристать; въ качествѣ же «дикаго» былъ-бы слишкомъ безплодно одинокъ, въ той партійной сумятицѣ и въ томъ вихрѣ завѣдомо несбыточныхъ обѣщаній, которыми щеголяютъ каждая партія, мутя народное сознаніе. Въ идеѣ я даже скорѣе поклонникъ самодержавія. Царь самъ долженъ идти впереди всѣхъ дѣйствительно назрѣвшихъ нуждъ народныхъ. На мѣстѣ Царя я бы немедленно далъ аграрную широкую реформу, автономію окраинъ; урегулированіе рабочаго и еврейскаго вопросовъ, я бы выхватилъ изъ рукъ не только нашихъ политикановъ, но и самихъ революціонеровъ и народъ боготворилъ бы Царя.

На это генералъ живо мнѣ возразилъ: «Да, но для такого смѣлаго шага нуженъ былъ-бы Петръ Великій, только при его энергіи нѣчто подобное могло-бы осуществиться. Ну, а у насъ же, вѣдь, не Петръ Великій!..»

Послѣднія, какъ мнѣ показалось, иронически недоговоренные слова меня покоробили своею откровенностью въ устахъ свитскаго генерала. Я пристально посмотрѣлъ на него. Онъ продолжалъ: «Цари низведены теперь на положеніе статистовъ, они призваны царствовать, но не управлять...»

Я согласился съ нимъ, что современное положеніе царей незавидно.

Нѣсколько минутъ спустя, когда мы заговорили о минувшей японской войнѣ, я спросилъ его:

— Вы генералъ участвовали въ этой войнѣ?

Онъ быстро пожалъ плечами и усмѣхнувшись живо отвѣтилъ: — Да нѣтъ-же! Насъ Куропаткинъ къ себѣ рѣшилъ не допускать. Великіе Князья ему мѣшали...

Тутъ только я сообразилъ, что я далъ маху, принявъ Великаго Князя Николая Михайловича за генерала Безобразова, съ которымъ онъ имѣлъ лишь отдаленное сходство.

Я извинился, сталъ называть моего собесѣдника Высочествомъ, а онъ весело разсмѣялся и сказалъ: «Хорошо, что мы договорились, а то бы Вы считали генерала Безобразова чуть-ли не революціонеромъ, а онъ отличный служака и бравый генералъ!..»

Выйдя изъ вагона, онъ, по пріятельски, пожалъ мнѣ руку и почти бѣгомъ пустился къ выходу, чтобы захватить извозчика.

Историческіе литературные опыты Великаго Князя мнѣ были извѣстны; въ самое послѣднее время, незадолго до «великой революціи» онъ выпустилъ свой трудъ о Павлѣ I-мъ и въ разсказѣ объ его убійствѣ весьма недвухсмысленно давалъ понять прикосновенность къ нему своего «Благословеннаго» предка.

Внѣшній радикализмъ Николая Михайловича выражался въ его общеніи съ первымъ встрѣчнымъ изъ либерально окрашенныхъ и еще въ томъ, что онъ былъ небреженъ въ туалетѣ и ѣздилъ исключительно на извозчикахъ.

Вѣра въ царственную особенность своей крови имъ, очевидно, была уже потеряна.

При томъ количествѣ Великихъ Князей, которое имѣлось на лицо, они могли-бы быть въ трудныя минуты вѣрнымъ оплотомъ Государя, но имъ было не до помысловъ о своей государственной миссіи.

Даже въ средѣ своихъ, близкихъ, несчастнѣйшій изъ смертныхъ Царь Николай II-й былъ безпомощно одинокъ, весь во власти гнѣздившагося вокругъ него своекорыстія, обмана и измѣны.

«Бывшій наслѣдникъ» Михаилъ Александровичъ, женатый на простой смертной, былъ иного склада, но онъ чуждался политики и былъ всецѣло преданъ семейной добродѣтели.

Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, я уже знаю какою мученическою смертью погибъ не только Царь, но на глазахъ его и вся его семья. Черезъ какія униженія, ужасы и муки прошелъ «самодержавный» монархъ.

На вѣки несмываемый для Россіи позоръ... Нервная дрожь колотитъ меня въ эту минуту, когда я вспоминаю, что я тоже «русскій»...

Когда Николай II-й, послѣ отреченія, былъ тотчасъ-же грубо арестованъ, я думалъ, что состоится по крайней мѣрѣ судъ надъ нимъ. Керенскому, который, на первыхъ порахъ намекалъ на это я тогда-же сказалъ: «я буду его защитникомъ!» И изъ всѣхъ моихъ защитъ не было бы болѣе сильной, искренней и убѣжденной...

Казнь Людовика XVI-го ничто по сравненію съ тѣмъ звѣрствомъ, которымъ доканали несчастнаго.

Виновны-ли одни тѣ звѣри, которымъ подъ конецъ досталась эта царственная добыча? Нѣтъ! — Родзянко, Гучкова, кн. Львова и въ первую голову конечно Керенскаго я считаю его истинными мучителями и палачами. Раньше всего и прежде всего, разъ онъ уступилъ имъ свою власть, они, рискуя не только своею, «революціонною популярностью», но самою жизнью своею, обязаны были

спасти его съ семьею, остававшейся для него единственнымъ сокровищемъ отъ всего царства Россійскаго.

Они позорно умыли руки въ его судьбѣ изъ страха за свою личную участь.

Люди, которые берутся за героическія дѣла, обязаны быть героями. Ихъ же «геройство» все ушло въ чувство животнаго самосохраненія, которое помогло имъ лично благополучно улизнуть въ нужную минуту.

Гадайте послѣ этого почему провалилась «великая» русская революція и была ли въ ней хоть черточка истиннаго величія, способнаго захватить народную душу.

Народная, искусственно революціонно взбаламученная, совѣсть безсильно отплевывается до сихъ поръ свою пѣну — большевизмъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Увы, года за полтора до февральской революціи мнѣ пришлось почти тѣ-же соображенія высказывать самому Керенскому, предрекая ему и его партіи ближайшій эффектъ ихъ революціоннаго рвенія.

Въ то время я былъ уже вновь перезбраннымъ предсѣдателемъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, такъ какъ съ 1907 года (послѣ временнаго остракизма изъ-за постановленія о забастовкѣ) я сталъ вновь пользоваться полнымъ довѣріемъ и вниманіемъ сословія.

Сами лѣвые клали мнѣ бѣлые шары на выборахъ, такъ какъ во всѣхъ личныхъ своихъ неблагополучіяхъ прибѣгали ко мнѣ, какъ къ предсѣдателю Совѣта, за совѣтомъ и защитой.

Но по части политическихъ «убѣжденій» это не мѣшало намъ расходиться явно и при случаѣ, когда затрагивались сословные интересы, я не упускалъ случая вступать съ ними въ открытую борьбу.

Въ составѣ Совѣта въ послѣдніе два года ярко окрашенный лѣвый элементъ былъ уже представленъ довольно опредѣленно.

Прошли прежнія времена, когда Совѣтъ по своему составу былъ спаяннымъ цѣлымъ, благодаря долговременному пребыванію въ немъ все тѣхъ-же членовъ. Общія собранія тогда бывали рѣдко, созывались только очередныя и посѣщались туго. Теперь, въ виду часто возникавшихъ разномыслій между отдѣльными Совѣтскими группами, многіе вопросы приходилось вносить на обсужденіе об-

щаго собранія, созываемаго ad hoc, по иниціативѣ Совѣта, или по заявленію отдѣльныхъ адвокатскихъ группъ.

Этимъ, обыкновенно, пользовались «лѣвые», чтобы, внѣ сословныхъ вопросовъ, вести политическую пропаганду въ духѣ тогдашнихъ настроеній и партійныхъ чаяній.

Съ самаго начала войны, что-то въ родѣ патріотическаго энтузіазма овладѣло сословіемъ. Оно само себя обложило весьма значительными сборами и организовало прекрасный лазаретъ больше чѣмъ для сотни раненыхъ и больныхъ солдатъ. Лазаретомъ завѣдывала особая выборная комиссія и сословныя дамы вносили своимъ трудомъ и заботами много гармоніи и порядка въ это доброе, прекрасно поставленное дѣло.

Раненыхъ отлично лѣчили, кормили и вообще баловали всѣмъ чѣмъ могли, устраивая на Рождество елку, а въ праздники летучіе концерты и чтенія.

Кромѣ этой повинности былъ еще особый сословный сборъ для поддержки семей тѣхъ призванныхъ на военную службу адвокатовъ, которые въ томъ нуждались.

Наконецъ, стараніями покойнаго В. О. Люстиха было налажено и нѣчто болѣе сложное и отвѣтственное. При нѣкоторой субсидіи отъ Союза Городовъ, на сословныя средства былъ организованъ летучій санитарный отрядъ «имени Петроградской адвокатуры», отправленный на фронтъ. Провожая его, послѣ торжественнаго молебствія, съ Варшавскаго вокзала, я, въ качествѣ предсѣдателя Совѣта, напутствуя его, обратился къ П. Н. Переверзеву, который былъ поставленъ во главѣ его, въ качествѣ завѣдующаго, съ рѣчью, въ которой подчеркнулъ, что онъ призванъ функціонировать въ качествѣ «сердца сословія», которое должно биться въ унисонъ съ сердцами тѣхъ братьевъ нашихъ, которые, не щадя жизни, бьются въ тѣсныхъ окопахъ во имя спасенья родины и всего цивилизованнаго міра отъ грубаго натиска желѣзнаго безправія, желающаго стереть съ лица земли силой, то, что намъ должно быть всего дороже — право.

Выборъ Переверзева оказался весьма подходящимъ. Онъ очень удачно съ большой иниціативой справился со своей задачей и отрядъ нашъ пользовался популярностью на фронтѣ, въ чемъ я лично убѣдился, когда въ декабрѣ 1916 г. пробылъ въ немъ рождественскіе каникулы.

Вопросы, возникавшіе по организаціи и содержанію, какъ лазарета, такъ и отряда, часто бывали предметомъ общихъ собраній, въ которыхъ могли принимать участіе и помощники присяжныхъ повѣренныхъ, какъ участники сбора на ихъ содержаніе.

Керенскій, поглощенный революціонированіемъ Государственной Думы и партійными дѣлами вообще появлялся рѣдко на сословныхъ общихъ собраніяхъ. Тѣмъ болѣе таинственно-эффектнымъ было его появленіе на томъ чрезвычайномъ общемъ собраніи, на которомъ состоялось наше съ нимъ единоборство.

Объ атмосферѣ революціонно-накаленной въ то время еще не было рѣчи, она, пока что, еще только, съ разныхъ концовъ, старательно накаливалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Текущія занятія общаго собранія были въ полномъ разгарѣ, когда я, возсѣдая за возвышеннымъ столомъ нашего президіума, рядомъ съ всегдашнимъ почетнымъ предсѣдателемъ нашихъ собраній, престарѣлымъ Д. В. Стасовымъ, который мирно задремывалъ отъ времени до времени, но аккуратно высиживалъ до конца, замѣтилъ появленіе въ собраніи, то въ одиночку, то небольшими пачками въ два, три человѣка «яро-лѣвыхъ», обычно мало интересовавшихся чисто сословными дѣлами. Набралось ихъ человѣкъ 20—30, и всѣ они устремились въ лѣвый уголъ судебнаго зала, въ которомъ происходило наше собраніе, размѣщаясь на, пустовавшихъ до тѣхъ поръ, скамьяхъ подсудимыхъ и защитниковъ.

Наконецъ, появился въ дверяхъ и самъ Керенскій.

Въ то время появленіе его еще не ознаменовалось ни рукоплесканіями, ни оваціями. Не нарушая порядка, онъ незамѣченный, пробрался къ группѣ своихъ единомышленниковъ.

Я замѣтилъ его и сообразилъ, что приходъ его — предвѣстникъ момента, когда мирное общее собраніе превратится въ бурный политическій митингъ.

Признаки этого тотчасъ же и обнаружились.

Въ числѣ участниковъ общаго собранія былъ на лицо и «знаменитый», по своему, Анатолій Кремлевъ. До сихъ поръ онъ смирно сидѣлъ между «безпартійными». Съ приходомъ Керенскаго онъ заволновался, извлекъ изъ кармана какую-то бумаженку, сталъ показывать ее сперва сосѣдямъ, а затѣмъ, держа ее въ рукахъ, вскочилъ и сталъ просить «слова къ порядку дня».

Анатолій Кремлевъ былъ въ сословіи на положеніи бѣлаго волка, котораго всегда и всюду «замѣчаютъ». Этимъ и ограничивалась его популярность.

Быть «замѣченнымъ» было его исчерпывающимъ призваніемъ, а по какому поводу замѣченнымъ, для него, а тѣмъ болѣе для другихъ, было безразлично.

Онъ состоялъ членомъ всевозможныхъ союзовъ, обществъ и кружковъ, начиная съ дамскихъ благотворительныхъ, потребительскихъ, театральныхъ, художественныхъ и кончая учеными и профессіональными, всевозможныхъ спеціальностей.

Онъ не уставалъ посѣщать ихъ засѣданія и въ утреннихъ газетахъ всегда былъ отмѣченъ: «былъ и Кремлевъ». Далѣе ничего не слѣдовало, но фактъ присутствія былъ неизбѣжно констатированъ.

Въ бурный періодъ 1905—1906 годовъ, какъ и сейчасъ, онъ бывалъ особенно настойчиво вездѣсущъ.

Союзы, союзы союзовъ, организаціи, всевозможные адресы и резолюціи, подчасъ даже противуположныхъ направленій, не могли его миновать. Будучи «адвокатомъ безъ дѣлъ», времени у него хватало рѣшительно на все.

Въ адвокатурѣ съ нимъ менѣе всего считались, но, такъ какъ безъ Анатолія Кремлева не обходилось ни одно общее собраніе, то и здѣсь его присутствіе получило санкцію общественнаго служенія.

Теперь когда онъ поднялся съ мѣста и попросилъ слова, которое ему и было предоставлено, вся группа «лѣвыхъ», съ Керенскимъ во главѣ, внимательно насторожилась.

Такъ какъ онъ подобной чести не часто удостаивался, то не трудно было сообразить, что за этотъ разъ Анатолій Кремлевъ призванъ сослужить именно этой группѣ важную службу и для сего облеченъ ея довѣріемъ. Ради «партійнаго удобства» его, въ качествѣ «безпартійнаго», выпустили впередъ, чтобы отгѣнить, что вопросъ, которой сейчасъ будетъ поднятъ, назрѣлъ и неотложенъ.

Почти не мотивируя своего предложенія, съ видомъ школьника затвердившаго свой урокъ, онъ провозгласилъ проэктъ, заранѣе заготовленной резолюціи, категорически обязывающей адвокатское сословіе примкнуть къ протестамъ, требованіямъ и воззваніямъ, направленнымъ противъ «гнилой власти». Протесты и воззванія подобнаго содержанія уже готовятся поголовно всѣми общественными организаціями и стыдно было-бы «нашему передовому сословію» замедлить и опоздать въ такомъ патріотическомъ дѣлѣ, ибо «врагъ уже у воротъ».

Выстрѣлъ Кремлева пропалъ даромъ.

Всѣ отлично понимали, что говоритъ онъ не свое, а начиненъ

«лѣвыми». Его выступленія вообще встрѣчались въ адвокатской средѣ равнодушно, большею частью съ ироническою терпимостью.

Раздались голоса, требовавшіе «оставить это» и вернуться къ текущимъ занятіямъ. Кто-то крикнулъ: «долой Кремлева!»... Тогда, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста Керенскій и стремительно продвинулся къ столу президіума.

Онъ былъ блѣденъ и настоятельно требовалъ слова также «къ порядку дня».

Слово ему было предоставлено.

Едва успѣлъ онъ начать съ обращенія «товарищи»!.., какъ кучка его единомышленниковъ неистово зааплодировала. Аплодировалъ и Анатолій Кремлевъ. Всѣ прислушались.

«Врагъ у воротъ!» — началъ Керенскій свою рѣчь и сталъ нервно-истерично повторять то, что онъ уже много разъ пытался говорить въ Думѣ, что открыто проповѣдывалъ на всевозможныхъ частныхъ собраніяхъ, желая доказать, что насѣдающаго сильнаго внѣшняго врага мы можемъ побѣдить, только расправившись съ нашимъ внутреннимъ врагомъ, собственнымъ правительствомъ, помышляющемъ лишь о предательствѣ и униженіи Россіи.

Самая постановка вопроса могла захватить хоть-кого и немудрено, что первая рѣчь Керенскаго была покрыта громоноснымъ рукоплесканіемъ всего собранія.

Я рѣшилъ, считая это своимъ долгомъ, возразить ему, чтобы не допустить сословіе до необдуманнаго шага, въ которомъ оно могло-бы впослѣдствіи разсканваться. Положеніе мое среди заволновавшагося многолюднаго собранія, было не изъ легкихъ.

Я началъ съ комплимента по адресу «т р у д о в и к а» Керенскаго, который, внѣ судебъ рабочаго класса, наконецъ обезпокоенъ судьбою всей Россіи и согрѣтъ самыми горячими патріотическими чувствами. Чувства эти и заставляютъ его видѣть неминуемую опасность тамъ, гдѣ пока еще ее, — слава Богу! — нѣтъ, и не позволяетъ провидѣть бо́льшую опасность, можетъ быть, гибель Россіи отъ той революціи, къ которой онъ такъ властно призываетъ насъ во время войны.

Такого удара съ тыла не выдержитъ никакой фронтъ; при первой вѣсти о немъ онъ разсыплется въ прахъ, какъ разъ, открывая прямую и гладкую дорогу врагу въ тѣ ворота, у которыхъ, по мнѣнію уважаемаго Александра Феодоровича, онъ пока еще только стоитъ. Изъ моего опыта, почерпнутаго во время моего плѣненія, въ началѣ войны, въ Германіи, я удостовѣрился, что именно врагъ, какъ никто, ждетъ не дождется, россійской революціи. Поэтому я призываю сословіе, какъ наиболѣе интеллигентное (что

обязываетъ) къ нѣкоторой дальновидности и ни словомъ, ни дѣломъ, не ослаблять героическое напряженіе фронта до окончанія войны и твердо вѣрить въ то, что только побѣда надъ германскимъ абсолютизмомъ откроетъ намъ самимъ прямую, и можетъ быть легче чѣмъ мы думаемъ, дорогу къ свѣтлому будущему.

Рѣчь моя была встрѣченъ такими-же бурными оваціями, какъ и рѣчь Керенскаго.

Тогда онъ снова вскочилъ съ мѣста и, говоря на ту-же тему, сталъ повторяться. Я возражалъ. Мы обмѣнялись тремя рѣчами.

Повторенія его становились все блѣднѣе и блѣднѣе, именно потому, что, и по формѣ и по содержанію, это были только повторенія.

Подъ конецъ, вѣроятно, даже внѣ его разсчета, всплылъ новый аргументъ, который ясно обнаружилъ партійную директиву. У него вырвалась такая фраза: — «поймите, наконецъ, что революція можетъ удасться только сейчасъ, во время войны, когда народъ вооруженъ и моментъ можетъ быть упущенъ навсегда!»

Эта тирада развязала мнѣ руки.

Сакраментальный девизъ соціалъ-революціонеровъ, одержимыхъ зудомъ революціи, во что-бы то ни стало, представъ передо мной во всей своей безумной наготѣ и у меня нашлось достаточно аргументовъ, чтобы осудить его.

«Пусть никогда, но не теперь!» — вырвалось у меня, и мысль моя заработала въ этомъ направленіи страстно и энергично: «Партійно-классовый патріотизмъ въ минуту, требующую напряженія всѣхъ силъ страны, не патріотизмъ, а преступленіе. Маска патріотизма остается только маской, когда ее надѣваютъ для достиженія партійныхъ вожделѣній и цѣлей. Побѣда нужна всей Россіи, какъ воздухъ и было бы преступно отравить его удушливыми газами классовой вражды и ненависти. Сейчасъ революція — гибель Россіи!»

Въ одной изъ своихъ репликъ Керенскому я нарисовалъ попутно и картину близкаго будущаго, если революція всетаки разразится.

Мнѣ горько сознавать теперь, что все сбылось по злому пророчеству моему, которое вырвалось у меня въ аффектированную минуту безудержной работы мысли и воображенія.

Я сказалъ:

— Неужели вы думаете, что, даже захвативъ въ такую минуту власть, вы останетесь господами положенія и съумѣете удержать въ разумныхъ предѣлахъ разбушевавшуюся стихію. Никогда этого не бывало, при насильственныхъ переворотахъ, и вамъ не удастся.

Васъ душитъ теперь «гнетъ» царской власти, но въ сравненіи съ тѣмъ, что неизбѣжно прійдетъ ей на смѣну, «гнетъ» этотъ окажется только пушинкой. По вашимъ пятамъ кинутся всѣ «голодные властью», жаждующіе не свободы, а только власти. Ихъ сила будетъ куда интенсивнѣе вашей. Нѣтъ тѣхъ жестокостей, передъ которыми они бы остановились, чтобы удержать ее. Французская революція, великая тѣмъ, что впервые проростившіе идеи свободы, равенства и братства взрывали почву, чтобы вырваться на свѣтъ Божій, но и тамъ сколько варварскихъ жестокостей и ненужныхъ жертвъ. Теперь-же не объ этомъ рѣчь. Великія идеи давнымъ давно проросли и общепризнаны. Рѣчь, стало быть, пойдетъ о реальномъ дѣлѣ добычи. Сообразите-же кто и какъ ринется на первыя мѣста въ такой борьбѣ. Вы пеняете Николаю II-му и за коронаціонную «Ходынку», сообразите-же какую всероссійскую ходынку вы сами готовите родинѣ».

Дрожа отъ внутренняго волненія и утомленія, опустился я въ кресло, когда пошла баллотировка закрытыми записками (на чемъ я настоялъ) предложенной резолюціи.

Огромнымъ большинствомъ она была отвергнута. Едва пятая часть собранія голосовала за нее.

Рѣшеніе это было встрѣчено громомъ рукоплесканій, но и шиканьемъ изъ группы, баллотировавшей за нее.

Керенскій, со своей свитой, тотчасъ-же покинулъ демонстративно собраніе. Точно группа гастролеровъ, отбывшихъ свой номеръ. Они отправились гастролировать дальше.

Анатолій Кремлевъ остался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Нѣсколько позднѣе, при празднованьи, въ томъ-же 1916-мъ году, пятидесятилѣтняго юбилея петроградской присяжной адвокатуры, я воспользовался вновь случаемъ, чтобы удержать сословіе отъ, несоотвѣствующихъ его задачамъ, политическихъ выступленій.

Въ тотъ-же самый день было молебствіе и торжественное засѣданіе въ зданіи судебныхъ установленій, такъ какъ этотъ день былъ юбилейнымъ днемъ и для Петроградскаго Окружнаго Суда и Судебной Палаты. Въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, я получилъ приглашеніе на это офиціальное

торжество, такъ-же какъ и старѣйшій присяжный повѣренный Д. В. Стасовъ, который въ тотъ-же день былъ самъ юбиляромъ.

Утромъ, еще до молебствія въ зданіи суда, я, во главѣ нашей адвокатской корпораціи, тепло и сердечно привѣтствовалъ нашего старѣйшаго, втеченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ, до глубокой старости чистаго и преданнаго сословнымъ интересамъ «старика» нашей, по выраженію покойнаго В. Д. Спасовича, «вольной громады».

Отъ товарищей по Совѣту я вручилъ ему «почетный» золотой значекъ присяжнаго повѣреннаго, который прикрѣпилъ къ петлицѣ его фрака, когда мы вмѣстѣ отправились въ Судъ на молебствіе.

На торжественномъ соединенномъ засѣданіи Судебной Палаты и Окружнаго Суда присутствовали многіе члены Государственнаго Совѣта, сенаторы и недавно назначенный, новый Министръ Юстиціи, Хвостовъ.

Ораторами выступали сенаторы Н. Н. Шрейберъ, А. Ф. Кони, вновь назначенный прокуроръ Судебной Палаты В. Р. Завадскій и предсѣдатель Окружнаго Суда Рейнботъ.

Послѣдній, съ льстиво-кокетливыми ужимками по адресу министра, былъ вѣрноподданно-либерально слащавъ и производилъ впечатлѣніе русофильствующаго и даже славянофильствующаго, иноземца. Остальные были каждый на своемъ мѣстѣ. Н. Н. Шрейберъ — документально холоденъ и точенъ, А. Ф. Кони, какъ всегда, краснорѣчивъ до болтливости, В. Р. Завадскій, сохраняя достоинство въ простотѣ изложенія.

Въ общемъ все было гладко, но лишено интереса. Подъему не чувствовалось. Походило не на праздникъ «Судебныхъ Уставовъ» и, когда-то, «новаго суда», а, скорѣе на похороны живого мертвеца.

Не мудрено. Столько вивисекцій надъ ними за это время (пятьдесятъ лѣтъ) Муравьевы и Щегловитовы продѣлали, что радоваться рѣшительно было нечему.

Вечеромъ должно было состояться также торжественное соединенное собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

Я переговорилъ заранѣе съ прокуроромъ Судебной Палаты, который завѣдывалъ судебнымъ зданіемъ, и съ Предсѣдателемъ Окружнаго Суда и заручился подходящимъ для многолюднаго собранія помѣщеніемъ. Мнѣ было обѣщано самое обширное зало угловыхъ засѣданій, въ которомъ за текущіе пятьдесятъ лѣтъ прошли всѣ выдающіеся, сенсаціонные процессы.

Въ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ: приглашать-ли на это торжество представителей судебной магистратуры и прокуратуры?

Почти единодушно онъ былъ рѣшенъ отрицательно. Порѣшили никого не приглашать, но принять каждаго, кто пожелалъ-бы принести свое поздравленіе сословію и выразилъ-бы желаніе придти на собраніе.

По поводу обѣщаннаго мнѣ помѣщенія наканунѣ произошло нѣкоторое замѣшательство. Отъ имени прокурора Судебной Палаты мнѣ нѣсколько разъ звонилъ Рейнботъ и озабоченно спрашивалъ меня по телефону: могу-ли я поручиться, что наше собраніе не перейдетъ въ политическій митингъ, съ соотвѣтствующей тревожному моменту, «нежелательной» резолюціей?

Я отвѣчалъ, что исключаю возможность такого неумѣстнаго, для даннаго случая, инцидента.

Собраніе оказалось настолько люднымъ, что и на хорахъ и въ самомъ залѣ негдѣ было упасть яблоку.

Наиболѣе яркіе «лѣвые» отсутствовали. Керенскаго не было. Если не ошибаюсь, какъ разъ въ это время онъ былъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ ему оперировали больную почку и куда Совѣтъ препроводилъ ему денежное пособіе.

При появленіи бѣлаго какъ лунь Д. В. Стасова, съ новымъ золотымъ значкомъ въ петлицѣ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сдѣлался предметомъ дружныхъ, сердечныхъ овацій. Живой прообразъ всей полувѣковой жизни сословія, разросшагося въ такую компактную громаду, былъ дорогъ всѣмъ.

Провинціальные Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, не исключая наиболѣе отдаленныхъ: Иркутскаго, Томскаго и Тифлисскаго, прислали своихъ представителей, въ лицѣ своихъ предсѣдателей. Они выступили съ привѣственными рѣчами по адресу Петроградской присяжной адвокатуры, положившей начало этически-сословному укладу, послужившему образцомъ для всей русской адвокатуры.

Отъ магистратуры и прокуратуры привѣтствій не было. Антогонизмъ между правительственными органами и присяжной адвокатурой лишній разъ былъ демонстративно подчеркнутъ.

По окончаніи привѣтствій я произнесъ большую программную рѣчь, въ которой, перечисливъ всѣ трудные моменты въ жизни русской адвокатуры, оттѣнилъ ея общественныя заслуги и выставилъ девизомъ «мораль и право», которому она, при всѣхъ условіяхъ жизни, должна неизмѣнно служить. Призваніе адвоката я ставилъ выше политики, выше преходящихъ общественныхъ настроеній и теченій, выше политическихъ формъ общежитія. Адвокатура можетъ покончить свое бытіе, (существованіе) лишь оказавшись

лишнею среди блаженно-мирнаго альтруизма всѣхъ человѣческихъ душъ.

Послѣдовало еще множество рѣчей.

Въ такомъ же духѣ говорили всѣ представители провинціальныхъ Совѣтовъ, что подчеркивало отсутствіе сепаратизма по округамъ, общность идеаловъ и солидарность интересовъ «всероссійской» адвокатуры.

Отовсюду звучала чистая русская рѣчь и мнѣ, невольно, приходили на память слова Тургенева о томъ, что русскій языкъ, великій по своему богатству и силѣ, самъ по себѣ уже показатель духовной мощи и свѣтлаго будущаго Россіи.

Несмотря на значительное возбужденіе и страстность нѣкоторыхъ рѣчей, собраніе не вышло изъ сферы задушевной, праздничной торжественности и не превратилось въ политическій митингъ. Доминирующей идеей всѣхъ говорившихъ было признаніе за русской адвокатурой элемента, объединяющаго культурныя силы Россіи.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, при шумныхъ оваціяхъ по адресу президіума Собранія и его почетнаго предсѣдателя Д. В. Стасова, далеко за полночь, я закрылъ засѣданіе.

Когда, расходясь группами по домамъ мы очутились на свѣжемъ воздухѣ, дышалось легко, всею грудью.

Созвѣздія на чистомъ небѣ не казались далекими, непонятными іероглифами недоступной намъ вѣчности, а, наоборотъ, яркими знаменіями той высшей гармоніи, которая должна-же когда-нибудь добраться и до нашихъ мятущихся грѣшныхъ душъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Посѣщая, отъ времени до времени, нашъ «адвокатскій» лазаретъ, помѣщавшійся въ концертномъ залѣ Дервиза, на Васильевскомъ островѣ, я не только убѣждался въ прекрасномъ уходѣ за больными и ранеными солдатами, но также и въ томъ, что, благодаря прекрасной организаціи и заведеннымъ тамъ порядкамъ, въ немъ нѣтъ мѣста для какой-либо партійной пропаганды.

Имъ завѣдывала особая выборная комиссія изъ испытанныхъ, уважаемыхъ членовъ нашего Совѣта.

Что касается нашего Санитарнаго отряда, все время работавшаго на фронтѣ, то о немъ до Совѣта доходили, хотя только

случайные, но, всегда очень лестные отзывы. Военные, соприкасавшіеся съ его дѣятельностью, особенно восторгались его самоотверженною преданностью долгу во время нашихъ гибельныхъ отступленій.

Изрѣдка, на короткій срокъ, пріѣзжалъ въ Петроградъ Переверзевъ. Я собиралъ въ этихъ случаяхъ общія собранія и онъ дѣлалъ намъ живой и образный докладъ о дѣятельности отряда за истекшій періодъ. Мы встрѣчали и провожали его всегда шумными овваціями, и рады были глядѣть на его загорѣлое, закаленное всякими вѣтрами и непогодами лицо, на его бравую военную выправку и подвижную, сухощавую фигуру въ военно-походной формѣ. Ленточка, заработаннаго имъ Станислава, уже красовалась въ его петлицѣ. По всему было видно, что онъ жизнерадостно и стремительно весь поглощенъ своимъ дѣломъ.

Въ свою послѣднюю, такую, побывку въ Петроградъ онъ усиленно приглашалъ меня побывать «на фронтѣ», чтобы оказать этимъ, отъ имени сословія, вниманіе чинамъ его отряда.

Я обѣщалъ, и между нами было рѣшено, что я воспользуюсь ближайшимъ рождественскимъ судебнымъ вакантомъ, чтобы дней на десять урваться изъ Петрограда.

При участіи своего ближайшаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ, Прис. Повѣр. М. Г. Мандельштама, который пожелалъ сопровождать меня въ этой поѣздкѣ, была собрана среди товарищей, добровольной подпиской, порядочная сумма для пріобрѣтенія рождественскихъ подарковъ не только для отряда, но и для двухъ полковъ, при которыхъ, ближайшимъ образомъ, состоялъ въ данное время нашъ отрядъ.

Все необходимое, въ виду предстоящей моей поѣздки, было устроено и налажено милѣйшимъ Максимомъ Григорьевичемъ, окончательно приписавшимся ко мнѣ въ адъютанты.

Онъ живо добылъ всѣ «документы», съ необходимыми разрѣшеніями военнаго начальства, безъ чего нельзя было проникнуть на фронтъ.

Самъ, обрядившись въ военно-походную форму «уполномоченнаго» и нацѣпивъ на себя даже шашку кавалерійскаго образца, Мандельштамъ настоялъ чтобы и я преобразился «подъ военнаго», безъ чего, будто-бы, не пускаютъ на фронтъ. Онъ-же доставилъ мнѣ портного-спеціалиста этого дѣла, который и обрядилъ меня съ ногъ до головы.

Высокіе «кавказскіе» сапоги, соотвѣтствующіе невыразимые и тужурку цвѣта хаки, съ маіорскими фантастическими погонами, равно, какъ суконную въ талію шубу на лисьемъ мѣху и изъ

сѣрой мерлушки папаху, съ офицерской кокардой, я согласился надѣть, но отъ шашки рѣшительно отказался, находя, что и безъ этой стѣснительной подробности, которую я забуду на первой-же остановкѣ, общій мой видъ достаточно воинствененъ.

И дѣйствительно, и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, и по пути къ трашеямъ и вездѣ на фронтѣ солдатики усердно мнѣ «козыряли», въ добросовѣстномъ заблужденіи относительно моего чина. Я забывалъ отдавать имъ честь «по формѣ», на чемъ очень настаивалъ «мой адъютантъ», но за то прелюбезно съ ними раскланивался.

Подарки наши, запакованные въ многихъ тюкахъ и состоявшіе, главнымъ образомъ, въ тепломъ бѣльѣ, мылѣ, сахарѣ, чаѣ, махоркѣ и нѣкоторыхъ сластяхъ, а для офицеровъ въ папиросахъ, шоколадѣ и туалетныхъ снадобьяхъ, были отправлены нѣсколько ранѣе на желѣзнодорожную станцію, съ которой начиналось наше отправленіе на фронтъ.

Отъѣхали мы съ Варшавскаго вокзала. Добыли себѣ маленькое купэ 2-го класса въ вечернемъ поѣздѣ, который былъ переполненъ. Въ 3-мъ классѣ все было сплошь запру́жено солдатами, отправлявшимися на фронтъ. Перваго класса вовсе не было.

Мой «адъютантъ» оказался неизмѣнно милымъ и запаснвымъ спутникомъ. Все у него нашлось: и закусочка въ должномъ количествѣ, и горячій чаекъ и даже рюмка добраго винца.

Большую корзину, съ такою-же отборною провизіею, онъ еще дома перевязалъ бичевкой и припечаталъ ее своею именною печатью, чтобы въ дорогѣ не соблазниться и не дотрогиваться до нея, такъ какъ она предназначалась для самого «начальника отряда» П. Н. Переверзева и его ближайшихъ сотрудниковъ.

Не скучно, а наоборотъ, какъ-то радостно, было ѣхать туда, «на фронтъ», гдѣ кровь лилась и были мертвые, но гдѣ чуялось именно что-то настоящее, живое, не умирающее. Мертвенно-тусклымъ казался, наоборотъ, покидаемый тылъ, ожирѣвающій въ тупой праздности, или алчной наживѣ.

Отрядъ нашъ, по наведеннымъ справкамъ, долженъ былъ сейчасъ находиться вправо отъ Молодечно, ближе къ сѣверному фронту. Маршрутъ нашъ былъ въ вѣдѣніи моего «адъютанта» и я вполнѣ полагался на него.

Въ пути дежурный по поѣзду офицеръ осматривалъ наши документы. Обозрѣвъ ихъ, онъ любезно представился и проѣхалъ съ нами до слѣдующей остановки. Только къ вечеру слѣдующаго дня мы высадились на какой-то узловой станціи, запруженной уѣзжающими и пріѣзжающими. Среди послѣднихъ было не мало дамъ, офицерскихъ женъ, стремившихся провести праздники съ мужьями.

Отправленный ранѣе багажъ, состоявшій изъ множества тюковъ и ящиковъ, мы нашли аккуратно сложеннымъ въ багажномъ отдѣленіи; при немъ былъ на лицо и нашъ «Совѣтскій разсыльный» Андрей, также обряженный по военному. Онъ былъ посланъ нами сопровождать «подарки», чтобы блюсти ихъ, какъ зеницу своего ока. Бывали случаи, что багажъ «засылался» и попадалъ не туда куда предназначался. Горделиво-польщенный Андрей, мы знали, блестяще выполнитъ, трогавшую его сердце, миссію.

Оставивъ меня благодушествовать за стаканомъ чая въ «чистомъ» буфетѣ, гдѣ съ трудомъ нашлось для меня мѣсто, мой незамѣнимый «адъютантъ», пошлепывая себя на ходу необыкшей на его поясѣ шашкой, отправился на рекогносировку. Такъ какъ никто изъ отряда, несмотря на посланную нами телеграмму, на станціи насъ не встрѣтилъ, надо было измыслить способъ дальнѣйшаго нашего слѣдованія и доставленія до мѣста подарковъ. Андрей также пошелъ справляться гдѣ можно найти три, четыре подводы подъ кладь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Прошелъ съ добрый часъ и уже совсѣмъ стемнѣло, когда появился, наконецъ, М. Г. Мандельштамъ и не одинъ, а въ сопровожденіи привѣтливо, еще издали, закивавшей мнѣ, дамы. Оказалось, что это супруга мѣстнаго «коменданта тыла», которая любезно приглашала насъ къ себѣ «провести вечеръ» и переночевать въ комендантскомъ домѣ, такъ какъ ранѣе утра нельзя получить лошадей. У подъѣзда вокзала насъ ждали двое узковатыхъ саней. Въ одни «адъютантъ» усадилъ меня съ комендантшей, а вторыя задержалъ для себя, желая ранѣе обо всемъ условиться съ Андреемъ и отпустить ему нужный авансъ на его пропитаніе, ночлегъ и для найма на утро достаточнаго числа подводъ.

Проѣхавъ довольно люднымъ и оживленнымъ, въ качествѣ ближайшаго къ фронтовому тылу, поселкомъ, наши сани остановились у приземистаго, широко раскинувшагося деревяннаго строенія. Тутъ помѣщались и Комендантское Управленіе и квартира коменданта и пристанище для проѣзжающихъ, на фронтъ и съ фронта, офицеровъ.

Жена коменданта, не переставшая любезно занимать меня всю дорогу разговоромъ, объявила, что у нея какъ разъ сегодня, въ ка-

нунъ Рождества, елка, и что она рада имѣть насъ своими гостями. Она сообщила, что у нея будутъ «земскіе и городскіе», т. е. работающіе отъ земскихъ и городскихъ союзовъ по продовольствію фронта.

Мужъ ея «комендантъ», полковникъ запаса, былъ также радушенъ, какъ и жена и, раньше всего, проводилъ меня въ «офицерскую комнату», гдѣ я могъ-бы обогрѣться, распаковаться и выбрать себѣ постель для ночлега. Вскорѣ подъѣхалъ мой «адъютантъ» и мы, осмотрѣвшись, стали приводить себя въ порядокъ послѣ дороги.

Комната, въ которой намъ предстояло провести ночь, обширная, но съ низкимъ потолкомъ, была разсчитана человѣкъ на пятнадцать; по крайней мѣрѣ, тамъ стояло именно столько узкихъ желѣзныхъ кроватей, подъ сѣрыми байковыми одѣялами съ тощей и жесткой подушкой на каждой.

Четыре или пять, кроватей были уже заняты, остальныя оставались свободными.

Снявъ свою военную аммуницію и возложивъ бережно свою шашку на одну изъ пустовавшихъ постелей, мой «адъютантъ» очутился въ мягкихъ чувякахъ и вязанной синей курткѣ, и въ такомъ видѣ, былъ очень похожъ не на браваго военнаго, а на добродушнаго Максима Григорьевича, умѣющаго удачно изображать «чухонца» съ трубкой, мастерски подражая его говору. Это былъ его артистическій конекъ, которымъ онъ любилъ забавлять въ субботніе семейные вечера публику нашего адвокатскаго клуба, котораго онъ состоялъ весьма дѣятельнымъ старшиной.

И на елкѣ у коменданта этотъ «номеръ», на ряду съ хоровымъ пѣніемъ, въ которомъ отличались двѣ дѣвицы изъ земскаго склада и двое молодыхъ изъ городского союза и декламаціей почтово-телеграфнаго чиновника, имѣлъ рѣшительный успѣхъ.

Утомленный дорогой, я рано отрегпировался.

Прійдя въ ночлежную комнату, я засталъ тамъ пять офицеровъ, различнаго оружія и возраста. Раскланявшись съ ними, я скоро ріентировался и, раньше чѣмъ улечься спать, былъ знакомъ уже съ каждымъ изъ нихъ.

Одинъ, лежавшій пластомъ на кровати, капитанъ-пѣхотинецъ, съ выстриженной подъ гребенку круглой головой и закинутыми надъ головой руками, особенно заинтересовалъ меня. Онъ сильно кашлялъ, и лицо его часто подергивалось нервной гримасой. По временамъ онъ стоналъ, и, оттопыривая верхнюю губу, съ щетинистыми, рыжеватыми усами, какъ-то свистяще фыркалъ.

Я предложилъ ему, какъ и остальнымъ, стаканчикъ, имѣвшейся у насъ въ запасѣ, мадеры, и мы разговорились. На мой вопросъ: здоровъ-ли онъ, онъ отвѣтилъ сперва только отрывисто: «будешь

съ этими чертями здоровъ, какъ-же!», но потомъ, мало-по-малу, успокоился и повѣдалъ о себѣ:

Долгое время онъ безсмѣнно просидѣлъ въ окопахъ, участвовалъ въ бояхъ у Молодечно и «ничего, даже поцарапанъ не былъ, а Владиміра съ мечами заслужилъ». Но, вотъ, вздумалось начальству послать его «на отдыхъ» въ Москву, семейство повидать, а кстати попутно и служебное порученіе исполнить: вести обратно на фронтъ партію изловленныхъ бѣглыхъ съ фронта дезертировъ, которыхъ набрали съ добрую роту.

— Измучился я съ ними каторжниками, вотъ какъ! — фигурально поясняетъ капитанъ, проведя пальцемъ по горлу. — Ихъ каналіи въ Сибирь въ пору, да пороть и пороть... А тутъ нянчяйся, на фронтъ ихъ доставляй. А на что они здѣсь? Паршивая овца все стадо испортить можетъ! Разстрѣлять ихъ только въ пору...Намучился я съ ними, здоровье потерялъ, а семи человѣкъ всетаки не досчитался... Получайте! Подъ судъ за нихъ проклятыхъ еще угодишь! А что подѣлать, когда на всю партію шесть человѣкъ конвоя отпущено. Ихъ пулеметами въ спину гнать-бы надо, а что я подѣлаю съ своимъ револьверомъ. Нѣтъ хуже вести этихъ чертей желѣзной дорогой. На ночь вагоны запиралъ, а что толку, окна безъ рѣшетокъ. Да и черезъ отхожую дыру должно быть пролѣзли: одну совсѣмъ развороченную нашли... Получайте, радуйтесь, составляйте вѣдомость о недостающихъ!.. Подъ судъ, такъ подъ судъ!..

И злосчастный капитанъ, стремительно откинувшись навзничь, снова закинулъ руки за голову и верхняя его губа снова стала оттопыриваться отъ свистящаго не то кашля, не то фырканья.

Другой очень молодой саперъ, только-что выпущенный изъ училища, въ великолѣпно-лакированныхъ высокихъ сапогахъ, которымъ видимо все еще любовался, говорившій съ финскимъ акцентомъ, въ противуположность взъерошенному капитану, былъ одѣтъ во все новое съ иголочки и казался довольнымъ и судьбою и самимъ собою.

Надъ нимъ добродушно подтрунивалъ его сосѣдъ по кровати, артиллерійскій капитанъ, командированный куда-то въ тылъ для пріемки снарядовъ.

— Вы бы завтра переодѣлись въ старенькое... Да старенькаго-то у васъ поиди ничего не найдется... Вѣдь завтра-же, съ мѣста пошлютъ окопы рыть, да колючку навязывать... Лакировочка-то мигомъ сойдетъ, а только, — охъ, какъ жалко! — сапожки важнецкіе, чай 60, а то и всѣ 70, серебренниковъ въ экономкѣ плачены.

Двое остальныхъ были прапорщики, изъ призванныхъ. Они выглядѣли мрачно и возмущались тѣмъ, что комендантъ держитъ ихъ «въ этой дырѣ» уже третій день, лошадей не даетъ и толкомъ не знаетъ гдѣ та «часть», въ которую ихъ надо доставить. Никто изъ этихъ офицеровъ, къ моему удивленію, на комендантскую елку приглашенъ не былъ. Одинъ изъ нихъ, когда зашелъ объ этомъ разговоръ, замѣтилъ: «съ нами тутъ не церемонятся. Только разные «уполномоченные» и «чины тыла» у нихъ въ фаворѣ, всегда первые гости!..

Другой къ этому добавилъ: «и правильно! Отъ нихъ и угощенье и веселье... А съ нашего брата какой имъ толкъ, возня одна. Мало-ли тутъ насъ перебываетъ!»

Въ это время елочный пиръ у коменданта былъ еще въ полномъ разгарѣ. То и дѣло до насъ доносились то пѣніе, то взрывы дружнаго хохота.

На новомъ мѣстѣ спится плохо. Я слышалъ какъ поздновато вернулся Максимъ Григорьевичъ на покой. Замѣтивъ, что я еще не сплю, онъ тихонько добрался до меня, присѣлъ на мою постель и добродушно-оживленнымъ шопотомъ объявилъ, что на утро памъ будетъ отличная тройка «уполномоченнаго ближайшаго земскаго питательнаго пункта».

Я пошутилъ: «должно быть «чухонцемъ» очень угодили?» — Да, посмѣялись таки... и вамъ уваженіе пожелали оказать. Уполномоченный то, оказалось, присяжный повѣренный, тамбовскій... Онъ пришелъ позднѣе, очень жалѣлъ, что васъ уже не засталъ. Говоритъ знаетъ васъ... Въ Тамбовѣ въ судѣ выступали?..

Я закивалъ головой, желая этимъ сказать: въ какомъ только судѣ я не выступалъ!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Къ утру всѣ заспались, такъ какъ часовъ около двухъ ночи вспыхнуло огромное зарево пожара и, черезъ всѣ наши пять оконъ, совершенно освѣтило комнату. Едва уснувъ, пришлось вскочить.

Молодой саперъ долго, съ просонья, натягивалъ на ноги свои лакированные сапоги, и пошелъ «на пожаръ». Горѣлъ не по далеку, у опушки лѣса, какой-то «вещевой складъ». Часамъ къ четыремъ только, когда складъ благополучно сгорѣлъ до основанія, всѣ опять угомонились.

Когда я, наконецъ, проснулся, мой «адъютантъ» точасъ-же доложилъ, что все обстоитъ благополучно: Андрей съ подарками двинулся уже впередъ, со своимъ караваномъ, а для насъ готова тройка «уполномоченнаго».

Комендантша прислала намъ горячаго кофе со сливками, съ калачемъ и масломъ. Офицеры сами заваривали себѣ жидкій чай въ металлическомъ чайникѣ, и пили его съ сахаромъ «въ прикуску». Мнѣ стыдно было нашего роскошества и мы старались угостить «господъ офицеровъ» всѣмъ, что у насъ было при себѣ.

Двинулись въ путь не раньше одиннадцати часовъ. Тройка была сытая, добрая и розвальни-сани, по сидѣнью, были щегольски покрыты ковромъ. На облучкѣ «за кучера» сидѣлъ солдатикъ въ короткомъ ярко-желтомъ тулупчикѣ и высокихъ валенкахъ, съ солдатской мохнатой папахой на головѣ.

Въ Комендантскомъ Управленіи лишь весьма гадательно знали гдѣ въ данную минуту «квартируетъ» нашъ отрядъ и какъ до него надо добраться.

Съ нашей телеграммой Переверзеву, очевидно, вышла или путаница, или задержка, такъ какъ изъ отряда, вопреки ожиданія, никто насъ не встрѣтилъ.

Комендантъ, и даже не столько онъ, сколько его жена, комендантша, много наговаривали намъ про предстоящій путь. Я рѣшилъ, то «адъютантъ» все сообразилъ и запомнилъ, поняв пока лишь одно: надо ѣхать все прямо, верстъ десять до «перваго путевого коменданта» и «заставы», а тамъ ужъ вѣрно скажутъ гдѣ именно расположены тѣ два полка, при которыхъ состоитъ сейчасъ нашъ «адвокатскій» отрядъ.

По гадательнымъ свѣдѣніямъ комендантши, отрядъ нашъ расположенъ въ одной изъ деревушекъ, позади «вторыхъ окопъ», отстоящихъ отсюда верстахъ въ тридцати.

Двинулись не густымъ лѣскомъ, частично кое-гдѣ вырубленнымъ, сплошь осыпаннымъ свѣже выпавшимъ снѣгомъ. Дорога имѣла видъ вновь проложенной, въ мѣру укатанной, но не изрытой выбоинами. Морозило умѣренно, воздухъ былъ дивный, дышалось легко и ѣхать было одно наслажденіе.

Работъ по дорогѣ нигдѣ не приходилось наблюдать, такъ какъ былъ первый день Рождества, но по пути встрѣчались и проѣзжіе и пѣшеходы, то кучками, то въ одиночку. «Нижній чинъ» шествовалъ по образу пѣшаго хожденія и, при встрѣчахъ, усердно «козырялъ» принимая насъ за «начальство». Въ саняхъ-же ѣхали офицеры, «уполномоченные», иногда, и дамы съ ними.

У первой «заставы» въ селѣ, гдѣ на одномъ изъ деревянныхъ

домишекъ красовалась доска съ надписью: «путевой комендантъ», мы остановились. Здѣсь былъ уже Андрей со своимъ караваномъ, состоявшимъ изъ четырехъ загруженныхъ саней.

Куда надо было «сворачивать» онъ тутъ толкомъ не могъ пока добиться и поджидалъ насъ.

«Адъютантъ» направился было къ коменданту, но тотъ «отдыхалъ», и пришлось удовольствоваться писаремъ.

Разспрашивали и проходящихъ солдатиковъ.

Кое-какъ, наконецъ, высянилось, что надо сперва добраться до «запаснаго парка дивизіи 6-го Сибирскаго полка», полка, который особенно близокъ нашему отряду. Тамъ уже «вѣрно покажутъ!»

Добраться ж до «парка» можно такъ: сперва свернуть вправо и ѣхать все прямо. Когда покажется лѣсъ погуще свернуть влѣво и ѣхать по его окраинѣ, пока не «попадется» просѣка, какъ будетъ просѣка въ нее и свернуть. Тамъ уже недалеко.

Сколько именно до «парка» верстъ — «неизвѣстно», а пожалуй верстъ съ десятокъ наберется.

Съ этими указаніями мы двинулись по дорогѣ уже болѣе первобытной, но, благодаря санному пути, все-же довольно сносной. Ѣхали ни рѣзво, ни тихо, нигдѣ не встрѣчая жилья. Подвигались впередъ довольно неувѣренно, встрѣчныхъ попадалось мало и не у кого было спросить: точно-ли это дорога къ «лѣсу погуще?»

Наконецъ, нагнали какого-то верхового солдатика, ѣхавшаго не спѣша на буромъ вихрастомъ «сибирскомъ» иноходцѣ, съ двумя мѣшками, перекинутыми у задней луки его казачьяго сѣдла. Спросили. Оказался самымъ дорогимъ для насъ человѣкомъ. Онъ былъ какъ разъ изъ «парковыхъ» и возвращался съ провизіей изъ земскаго склада для мѣстной «парковой лавочки».

Про «адвокатскій отрядъ» онъ ничего не слыхалъ, но къ своему «парку» зналъ дорогу отлично.

Доѣхавъ съ нимъ до «лѣса погуще», гдѣ онъ долженъ былъ тропою выѣхать на прямикъ къ парку, намъ предстояло ѣхать вдоль опушки, пока не попадется на глаза «столбикъ» съ замѣткой. Тутъ надо было свернуть въ самый лѣсъ и лѣсною дорогой, ведущей къ парку, проѣхать съ версту, «а то и больше».

Поблагодушествовавъ папироской, при чемъ угостили и нашего безмолвнаго возницу и словоохотливаго всадника, мы двинулись разными путями: онъ прямикомъ въ лѣсъ, мы въ объѣздъ по его опушкѣ.

Ѣхали меньше часа и увидѣли невысокій столбикъ съ бѣлой

треугольной отмѣтиной. Въѣхали въ лѣсъ, и ныряли по сугробамъ свѣже нанесеннаго снѣга еще съ добрыхъ полчаса.

Но, вотъ, какъ-то совсѣмъ неожиданно, въ глубинѣ лѣса намъ открылась цѣлая усадьба, съ жилищами, амбарами, навѣсами и конюшнями, сколоченными изъ свѣжаго лѣса, очевидно, тутъ-же на мѣстѣ заготовленнаго.

Это и былъ «паркъ» той дивизіи, къ которой былъ приписанъ и нашъ отрядъ.

Подъѣхали къ крылечку аккуратнаго, какъ игрушечка, домика командира парка. Деньщикъ объявилъ, что подполковникъ «такъ что отдыхаютъ», а что капитанъ, его помощникъ, въ офицерской столовой, которая «черезъ два дома».

Мы высадились изъ саней и пѣшкомъ, провожаемые деньщикомъ, дошли до столовой.

Капитана здѣсь не оказалось. Онъ, только что, пошелъ въ обходъ парка. Но расторопный нижній чинъ, приставленный къ столовой, встрѣтилъ насъ радушно, помогъ снять шубы и проводилъ въ столовую. Усадивъ насъ за узкій, по размѣрамъ комнаты, обѣденный столъ, онъ предложилъ намъ пообѣдать.

Потирая прозябшія руки мы безшумно возликовали, такъ какъ порядочно проголодались. Мой неоцѣнимый «адъютантъ» занялся раскупоркой бутылки крѣпкаго вина, бывшей въ нашемъ кулькѣ, вмѣстѣ съ кое-какой закуской. Обѣдъ подали очень вкусный. Онъ состоялъ изъ суточныхъ щей съ кускомъ мяса, поросенка съ кашей и блинчиковъ съ вареньемъ.

Когда мы уже кончали обѣдъ и пили кофе, въ столовую пришелъ сперва капитанъ, помощникъ командира парка, а вскорѣ и самъ командиръ. Оба очень привѣтливые и обязательные и, какъ мы вскорѣ убѣдились, и толковые. Они были вполнѣ освѣдомлены относительно мѣстонахожденія нашего отряда, были лично знакомы съ Переверзевымъ и отзывались о немъ по пріятельски. По ихъ словамъ Переверзевъ, въ качествѣ начальника отряда и его два помощника, студенты-медики, просто прославились своею энергіей, находчивостью и безстрашіемъ во время послѣднихъ нашихъ отступленій, когда отряду приходилось все время слѣдовать въ аріергардѣ, чтобы подбирать раненыхъ и слабыхъ.

Теперь отрядъ, сравнительно на покоѣ и пріютился, болѣе или менѣе, осѣдло въ небольшой деревушкѣ позади второй линіи траншей. Въ солдатской средѣ отрядъ весьма популяренъ и когда онъ двигается на позиціи въ стройномъ порядкѣ, съ Переверзевымъ, верхомъ на лошади, во главѣ, солдаты провожая его любовно

глазами, говорятъ: «эго «нашъ адвокатъ» за провизіей ѣдетъ, стало быть, ночью жарко было!»

Командиръ, обнадеживъ насъ обѣщаніемъ дать для дальнѣйшаго нашего путешествія свою тройку, предложилъ намъ обозрѣть его «хозяйство», пройти съ нимъ въ обходъ по всему парку, чтобы имѣть представленіе о его организаціи и назначеніи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Рядъ построекъ, пересѣченныхъ улицами и переулками, представлялся цѣлою усадьбою, незамѣтно пріютившеюся подъ покровомъ густого лѣса. Каждая постройка имѣла свое особое назначеніе: домики-землянки для парковой прислуги и рабочихъ, навѣсы съ коновязями для лошадей, загоны для убойнаго скота и для коровъ и, затѣмъ, разныя мастерскія — кузнечныя, столярныя, бондарная, ружейная, сапожная, портняжная и т. д.

Все, что должно было чиниться и ремонтироваться для дивизіи, доставлялось сюда изъ соотвѣтствующихъ войсковыхъ частей, и возвращалось обратно въ исправномъ и обновленномъ видѣ. Здѣсь-же заново сооружались повозки, сани, колеса, платформы и т. п., изъ лѣса, который тутъ-же заранѣе былъ заготовленъ. На окраинѣ усадьбы ютился небольшой лазаретный баракъ и аптечка. Вблизи ихъ была и мелочная лавочка, гдѣ можно было достать леденцовъ, спичекъ, папирось и кое-какую мелочь.

Все это содержалось въ большой исправности, и на всемъ лежала печать продуманной цѣлесообразности. Командиръ парка производилъ впечатлѣніе человѣка интелигентнаго, съ инціативой и дѣловымъ смысломъ.

По поводу того, что мы застали его «отдыхающимъ», онъ какъ-бы оправдываясь, объяснилъ, что онъ всегда съ пяти часовъ утра на ногахъ, такъ какъ работы уже начинаются въ шесть, а къ вечеру то, что готово, грузится на подводы и, подъ прикрытіемъ ночи, направляется въ части.

Только среди дня, когда шабашуютъ рабочіе для послѣобѣденнаго часового отдыха, удается и ему отдохнуть.

По поводу того, что никто изъ отряда насъ не встрѣтилъ на желѣзнодорожной станціи, подполковникъ сказалъ, что третьяго дня ночью на позиціи было «неспокойно» и отрядъ, вѣроятно, «былъ на работѣ».

Когда мы уже заканчивали нашъ обходъ, я обратилъ вниманіе на то, что вокругъ конюшенъ и загоновъ раскладывались костры изъ сухого валежника, древесной коры и прутьевъ. Такіе-же костры были раскинуты и вокругъ всей парковой усадьбы. Въ своей наивности я рѣшилъ, что это для тепла, на случай если станетъ крѣпчать моровъ. Подполковникъ, усмѣхнувшись, меня просвѣтилъ:

— Нѣтъ, это на случай газовой атаки.

— Вотъ оно что! Да развѣ сюда могутъ достигать газы?..

— Въ лучшемъ видѣ! — поспѣшилъ пояснить капитанъ, помощникъ командира, примкнувшій къ нашей компаніи, когда всѣ костры, подъ его наблюденіемъ были разложены. — На прямикъ тутъ, вѣдь, всего верстъ восемь отъ передовой линіи. Она съ трехъ сторонъ загибомъ идетъ за нашимъ лѣсомъ. Если вѣтеръ попутный и не оглянешься, какъ носомъ почуешь... Людямъ ничего, скомандуешь: «морды въ мѣшки» (т. е. маски надѣть) и готово. А вотъ лошадей, скотину и всякую живность только кострами и спасаемъ. Сегодня тянетъ вѣтеръ какъ разъ оттуда... А они, дьяволы, любятъ шутки шутить, въ Христовъ праздникъ, того и гляди, сюрпризъ поднесутъ.

Въ нашихъ (моей и моего «адъютанта») цивильныхъ душахъ, очевидно, шевельнулось безпокойство, такъ какъ мы выразительно переглянулись. Командиръ парка, точно угадавъ наше затаенное безпокойство, поспѣшилъ тутъ-же прибавить: «мы васъ масками снабдимъ, безъ нихъ никого къ позиціямъ не отпускаемъ».

Тѣмъ временемъ стало смеркаться и среди лѣсной тишины вдругъ прозвучалъ отдѣльный орудійный выстрѣлъ, черезъ минуту еще и еще...

— Эге, — мелькнуло въ мое головѣ, — да мы и взаправду на войну попали.. Вотъ великолѣпно, недаромъ, значитъ, ѣхали.

Капитанъ, по поводу выстрѣловъ, которые скоро прекратились, замѣтилъ:

— Это онъ батарею, которая его вчера хорошо угостила, нащупываетъ. Жива-ли, молъ, голубушка? А голубушка давно уже въ другомъ мѣстѣ притаилась и до поры помалкиваетъ.. Въ такой великій праздникъ грѣшно стрѣлять.

Когда капитанъ произносилъ эти слова на лѣсной тропкѣ вдали, точно изъ-подъ земли выросъ лихо скачущій всадникъ, за нимъ другой, подальше и третій...

— Ужъ не нѣмцы-ли прорвали фронтъ? — Нелѣпо-быстро мелькнуло въ головѣ.

Поглядѣвъ въ сторону все приближавшихся всадниковъ, капи-

танъ вдругъ весело воскликнулъ: — Ба, да это Павелъ Николаевичъ (имя Переверзева)! Молодчина, сообразилъ гдѣ васъ перехватить. Съ нимъ Григорій Аркадіевичъ (имя его ближайшаго сотрудника, казначея и секретаря отряда) и вѣстовой!.. По формѣ, парадомъ начальство выѣхалъ встрѣтить.

Черезъ минуту мы уже обнимались съ Переверзевымъ, который, лихимъ ѣздокомъ, почти на ходу спрыгнулъ съ великолѣпной по сухости и ладности статей, золотисто-рыжей полукровки. Его спутникъ, Григорій Аркадьевичъ, сидѣвшій браво и увѣрено въ сѣдлѣ, ступивши на землю, оказался хромопожкой. Это, однако не препятствовало ни точности, ни живости его движеній. Чрезвычайно симпатичный и милый, по первому-же впечатлѣнію, онъ, какъ я вскорѣ въ этомъ убѣдился, былъ незамѣнимымъ работникомъ и душою внутреннихъ распорядковъ въ отрядѣ. Переверзевъ считалъ его своею правою рукою и не могъ достаточно нахвалиться его неутомимой энергіей.

Подполковникъ пригласилъ насъ всѣхъ въ столовую къ чаю, здѣсь мы общими стараніями устроили праздничный пиръ. Вино, закуски, кое-какія сласти у насъ нашлись, а «очищенная», оставшійся отъ обѣда поросенокъ, свѣжее масло и яичница, оказались уже на столѣ.

Дружно и оживленно прошелъ этотъ часъ, пока, тѣмъ временемъ, намъ готовили «парковую» тройку для дальнѣйшаго слѣдованія.

Подъѣхали и наши «подарки» съ Андреемъ. На одноконныхъ саняхъ каравань подвигался медленно. Рѣшено было, что онъ здѣсь заночуетъ и только на утро, съ провожатымъ отъ парка, двинется дальше.

Отъѣхали мы изъ гостепріимной лѣсной усадьбы, когда уже совсѣмъ стемнѣло, сохраняя о ней, о ея порядкахъ и ея «хозяевахъ» самое отрадное воспоминаніе. П. Н. Переверзевъ отозвался о комадирѣ парка съ большимъ уваженіемъ, говоря, что онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ въ чемъ именно можетъ нуждаться въ данную минуту та, или другая войсковая часть.

До мѣста расположенія отряда предстояло проѣхать верстъ пятнадцать. Дорога была лѣсная, пуганная, съ частыми поворотами и объѣздами овраговъ, канавъ и загражденій. Впереди, указывая дорогу, скакалъ Переверзевъ, держась лихо и красиво въ сѣдлѣ и выглядѣлъ истымъ кавалеристомъ. За нашими санями поспѣвали двое другихъ всадниковъ.

Не успѣли мы отъѣхать и версты, какъ поднялась новая орудійная пальба, на этотъ разъ интенсивная, частая. Взлетали также

ракеты и освѣщали, отъ времени до времени, какъ зарницы молніи, темнѣвшую даль, задернутую сплошь туманною дымкою.

Мнѣ, почему-то, вспомнилось «про газы». Мы хватились масокъ, — а ихъ-то и нѣтъ! Но, оказалось, что маски на лицо, но запрятаны въ особый деревянный ящикъ подъ переднимъ сидѣньемъ. Въ пути онѣ не понадобились, но потомъ мы имѣли ихъ всегда при себѣ, ихъ разглядывали и учились надѣвать. Онѣ были русскаго издѣлія изъ непроницаемаго холста съ неуклюжими, длинными жестяными трубками, предназначенными для дыханія. Видѣли мы и одну нѣмецкую маску, снятую съ убитаго. Она была болѣе цѣлесообразнаго и аккуратнаго фасона.

Впродолженіи всего нашего пути канонада не прекращалась. Кто именно стрѣлялъ и въ какомъ направленіи мы не давали себѣ отчета, но было ясно только, что мы ѣдемъ прямо подъ выстрѣлы, такъ какъ они раздавались все громче и громче.

Выѣхали изъ лѣса, свернули влѣво и уже мчались по его опушкѣ. Тутъ не только слышали выстрѣлы, но и видѣли, какъ, болѣе, или менѣе, еще далеко, вправо отъ насъ рвались, вспыхивая, снаряды и какъ густые дымчатые столбы, точно фонтаны, поднимались отъ земли. Къ тому времени взошла луна, и далеко, отчетливо было видно.

Переѣхавъ какой-то бревенчатый мостокъ въѣхали въ деревенскую улицу. У одной изъ первыхъ-же «хибарокъ» (деревянныхъ крестьянскихъ домовъ), на конькѣ крыши которой развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ, круто остановились.

Прикрѣпленная на фасадѣ этой «хибарки» доска гласила: «Санитарный отрядъ Петроградской Присяжной Адвокатуры».

— Вотъ мы и дома, — весело воскликнулъ Переверзевъ, спрыгивая съ коня. — Милости просимъ, не побрезгайте!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

«Хибарка», въ которую мы взошли по тремъ ступенькамъ крытаго крылечка, состояла, въ сущности, только изъ одной обитаемой комнаты, съ огромной русской печкой въ правомъ отъ входа углу, съ тремя небольшими окнами, выходящими въ три разныя стороны. Загородка противъ самой печки отдѣляла отъ комнаты четвертое окно, такъ что получилось нѣчто вродѣ узеньской прихожей, и вмѣстѣ буфетной, и уборной. Тутъ на полкѣ стоялъ

самоваръ и разная посуда, а на узкой скамьѣ внизу были щетки для чистки платья и сапогъ, и красовался большой жестяной тазъ съ рукомойникомъ и ведро съ всегда свѣжей водой. Вторая половина хибарки, черезъ которую мы только прошли, раньше чѣмъ войти въ жилую ея часть, состояла изъ довольно обширнаго, неотапливаемаго помѣщенія, имѣвшаго выходъ и во дворъ и теперь пустовавшаго. По крестьянству это, вѣроятно, было зимнее убѣжище для домашней скотины.

Сама комната, гдѣ мы втроемъ должны были расположиться, обвѣшанная простыми ковриками и расшитыми полотенцами, казалась уютной и привлекательной. Въ ней были приготовлены три постели. Постоянная, Переверзева, была походная, узкая складная, съ легкимъ матрасикомъ; ее легко было собрать и унести съ собой.

Меня и Мандельштама устроили, хотя и временно, но болѣе комфортабельно: на широкихъ носилкахъ, съ мягкими, откуда-то добытыми тюфяками.

Своему «адъютанту» я уступилъ мѣсто поближе къ печкѣ, которую къ нашему пріѣзду хорошо протопили. А Переверзевъ и я заняли «углы» въ нашей «ночлежкѣ», какъ именовалъ самъ Павелъ Николаевичъ свой комфортабельный аппартаментъ.

Раньше чѣмъ расположиться спать Переверзевъ сводилъ насъ въ другую «хибарку», гдѣ такая-же комната, какъ его, была приспособлена подъ столовую.

Здѣсь было, во истину, царство Григорія Аркадьевича, такъ какъ онъ завѣдывалъ столовой и тутъ-же за занавѣской, была его канцелярія, гдѣ на импровизированномъ письменномъ столѣ лежали расходныя тетради, вѣдомости и счета.

Познакомиться съ пріѣзжими собрались въ столовую всѣ «чины отряда». Кромѣ Григорія Аркадьевича тутъ былъ еще молодой студентъ-медикъ, исполнявшій фельдшерскія обязанности и женщина-врачъ, очень моложаваго вида, худенькая, застѣнчивая и симпатичная дѣвушка и три молодыхъ офицера той роты, которая только вчера смѣнилась изъ окоповъ и размѣстилась теперь въ той же деревушкѣ, гдѣ основался нашъ отрядъ.

Офицеры (поручикъ и два прапорщика) нахваливали мнѣ Переверзева. Они разсказали мнѣ, какъ онъ помогъ имъ здѣсь по людски устроиться, не только имъ офицерамъ, но и людямъ, соорудивъ для послѣднихъ рядъ теплыхъ землянокъ. Онъ-же сладилъ отличную баню, съ отдѣленіемъ для быстрой стирки солдатскаго бѣлья.

Офицеры прославляли также очень нашу докторшу, подчеркивая, что она ничѣмъ не брезгаетъ, сама моетъ ноги солдату,

раньше чѣмъ сдѣлать ему хотя-бы пустяшную операцію. Вообще, никому, никогда, въ своей помощи не отказываетъ. Григорія Аркадьевича иначе никто не аттестовалъ, какъ «благодѣтелемъ»: по всему было видно, что онъ пользуется всѣми симпатіями.

И Переверзевъ, и докторша и Григорій Аркадьевичъ перебивали своихъ хвалителей, конфузились, помнутно повторяли: «да бросьте вы это»! Но я видѣлъ, что глаза докторши по временамъ готовы были брызнуть слезами, да и у меня самого какой-то блаженный туманъ невольно заволакивалъ зрѣніе.

Среди вдругъ наступившей тишины, въ эту скромную трапезную, за этотъ узкій столъ, — начинало чудиться мнѣ, — вдругъ войдетъ и сядетъ самъ Христосъ. И ничего сверхъестественнаго я въ этомъ не увижу.

«Бумъ, бумъ»! — неожиданно посыпались, прекратившіеся было на время, выстрѣлы, и были они здѣсь настолько ощутимы, что стекла дрожали въ шаткихъ оконцахъ, точно ихъ трясло въ лихорадкѣ.

— Вотъ оно, «чудо 20-го вѣка» въ Рождество Христово!... сообразилъ я и разомъ очнулся.

На выстрѣлы, кромѣ меня, повидимому, никто уже не обращалъ вниманія. Я поинтересовался: отвѣчаютъ-ли наши и къ чему ведетъ подобная стрѣльба?

— Какъ случится, — пояснилъ мнѣ поручикъ, — сегодня наши отвѣчать не станутъ. Надо-же хоть пристыдить ихъ нашимъ Рождествомъ. Они обстрѣливаютъ по ночамъ, главнымъ образомъ, дороги, ведущія съ тылъ къ нашимъ позиціямъ, такъ какъ знаютъ, что по ночамъ подвозятъ и снаряды и всякое нужное добро. Но такая стрѣльба большой бѣды натворить не можетъ: будетъ убитыхъ или раненыхъ, пять, шесть, за недѣлю, либо людей, либо лошадей, а то и тѣхъ и другихъ.

Дальше, изъ завязавшагося мирнаго разговора о военныхъ операціяхъ даннаго раіона, я понялъ, что серьезныхъ активныхъ дѣйствій, въ виду стоящихъ морозовъ, пожалуй, не предвидится.

— Стоимъ другъ противъ друга и стараемся подъ шумокъ гадить другъ другу..., — сталъ пояснять мнѣ поручикъ. — Допекаемъ больше ночными развѣдками. Посылаемъ развѣдчиковъ въ бѣлыхъ балаханахъ, — по снѣгу не различишь! Они умудряются подползать на животахъ къ самымъ загражденіямъ, иногда рѣжутъ даже проволоку. Пзлавливаемъ «языковъ». Часто поднимаемъ у нихъ переполохъ и жаримъ изъ орудій во всю. Третьяго дня, подъ вечеръ, нашъ лѣвый редутъ надѣлалъ имъ много хлопотъ, очень цѣльно, въ самый центръ попадалъ. Вообразили, что

атаку готовимъ, повысыпали изъ траншей, заметались, а ихъ тутъ изъ пулеметовъ и угостили... На утро тѣла убирали.

— А на прошлой недѣлѣ я ходилъ въ ночную развѣдку съ шестью охотниками, такъ мы трехъ нѣмцевъ захватили и живыми доставили... — сконфуженно-хвастливо вставилъ прапорщикъ, который былъ помоложе и при этомъ густо покраснѣлъ.

Другой, бородатый, постарше, добродушно-иронически замѣтилъ:

— Разсказывай... просто перебѣжчики!

— Хороши перебѣжчики, — настаивалъ тотъ, — съ ружьями... Одинъ нацѣлился чуть не въ упоръ... Хорошо, что во время Панкратовъ сзади вынырнулъ, ружье у него выбилъ, чуть руку ему пополамъ не перешибъ...

— А перебѣжчики вообще попадаются? — спросилъ я, интересуясь этимъ.

— Бываетъ, — степенно замѣтилъ поручикъ. — На войнѣ всяко бываетъ... И голодъ не тетка и отъ суровыхъ взысканій бѣгутъ... Хлѣбъ нашъ имъ очень нравится. Какъ только сдается, поднявъ къ верху руки, сейчасъ просятъ: «битта клѣбъ, клѣбъ»!

Часамъ къ 12-ти, когда пальба почти стихла, мы всей компаніей, вышли пройтись передъ сномъ. Луна озаряла кругомъ всю мѣстность. Стали выяснять, какъ мы по отношенію къ противнику и какъ насъ огибаетъ наша передовая линія, параллельно которой идетъ линія непріятельская.

Только слѣва, благодаря довольно большому, теперь замерзшему озеру, мы были отдалены значительно отъ непріятельской линіи. Поэтому въ ту сторону, не стѣсняясь, можно было ходить, даже гурьбой, безнаказанно. Тамъ и прогуливались, тамъ предавались теперь и зимнему спорту и на конькахъ и на лыжахъ. Чѣмъ правѣе отъ нашей деревушки, тѣмъ позиціи наши и непріятельскія все болѣе сближались. Совсѣмъ вправо, гдѣ позиціи занималъ сейчасъ какъ разъ полкъ, который намъ предстояло посѣтить, линія нашего фронта выступала, выдающимся къ линіи непріятеля, мысомъ.

Тамъ, по словамъ моихъ собесѣдниковъ, «нѣмецъ виденъ уже какъ на ладони» и «когда играетъ его музыка, можно танцовать». При этомъ «нѣмецъ выше, а мы въ низинѣ» такъ, что ему «еще виднѣе».

Я полюбопытствовалъ: почему-же избрали такую невыгодную позицію? На это, всегда обстоятельный поручикъ наставительно мнѣ пояснилъ:

— При отступленіи позиціи не выбираютъ, гдѣ удалось задержаться и окопаться, тамъ и ладно до поры. Тутъ послѣ Молодечно была такая неразбериха.. Сейчасъ опасности пока нѣтъ... По всему замѣтно, что ихъ маловато, можетъ быть ждутъ подкрѣпленій... Пока что надо держаться. Слава Богу, держимся!

Разставаніе наше возымѣло мѣсто у крылечка нашей «хибарки», прямо противъ которой тянулся на пустырѣ рядъ низкихъ, углубленныхъ землянокъ, покрытыхъ на поверхности свѣже настланными тесовыми крышами.

У одной изъ такихъ землянокъ щелъ еще говорокъ въ кучу собравшихся молодыхъ солдатъ, изъ вновь прибывшихъ на фронтъ. Поздоровавшись съ ними, нашъ поручикъ вызвалъ нѣсколькихъ изъ нихъ и объявилъ, что они съ утра завтра въ нарядѣ на лѣсныя работы и приказалъ имъ отправляться спать. Переверзевъ отдалъ какія-то таинственныя, на завтрашній день, распоряженія Григорію Аркадьевичу и мы, пожелавъ другу спокойной ночи, разошлись по домамъ.

Въ нашемъ пристанищѣ было тепло и уютно и мы съ удовольствіемъ стали разгружаться и, не спѣша, готовиться на покой.

Милѣйшій Мандельштамъ («адъютантъ»), освободившись отъ своей военной амуниціи и закуривъ трубку, превратился вновь, въ своей вязанной куртцѣ, въ добродушнаго «чухонца» и уже разлегшись на своемъ тепломъ ложѣ, сталъ беззаботно говорливъ.

Переверзевъ интересовался вызнать все о товарищахъ и Максимъ Григорьевичъ, съ присущимъ ему добродушнымъ юморомъ, не забылъ никого, повѣдалъ обо всемъ.

Тѣмъ временемъ пальба вновь участилась. Стекла въ окнахъ дребезжали. Иной ударъ казался совсѣмъ близкимъ. По снѣгу поскрипывали чьи-то торопливые шаги. Невольно прислушиваешься: не нѣмцы-ли?...

Но, вотъ, воцарилась тишина.

Надо пробовать уснуть. Цѣлый день на свѣжемъ морозномъ воздухѣ даетъ себя знать. Все лицо горитъ исхлестанное за дорогу, снѣжными пылинками.

Но самочувствіе бодрое. Хочется какого-нибудь большого, отвѣтственнаго дѣла: куда-то устремиться, идти впередъ, вести всѣхъ за собою, двигать своею волею другія, робкія воли.

Сонъ не приходилъ.

Я въ первый разъ въ жизни горько скорбѣлъ о томъ, что я не военный. Былъ-бы теперь (по возрасту) генералъ и кто знаетъ, — можетъ быть самый исходъ жестокой войны зависѣлъ-бы, отчасти, отъ меня...

Только когда стрѣльба окончательно прекратилась и луна, заглядывавшая до сихъ поръ во всѣ щели нашей горницы, перестала свѣтить, вѣки мои отяжелѣли и я заснулъ... «генераломъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Утромъ Переверзевъ мнѣ объявилъ:

— Н. П., вы должны «принять парадъ». Люди нашего отряда будутъ выстроены къ 10 часамъ утра, сейчасъ только девять.

«Парадъ, такъ парадъ»! — недаромъ я уснулъ генераломъ. Разсторопный вѣстовой, изъ отрядныхъ, помогъ намъ умыться, одѣться и напоилъ насъ чаемъ.

Мандельштамъ, преобразившись въ военнаго, пригладивъ свои жидкіе, кос-гдѣ сѣдѣющіе волосики, надѣвъ свою грозную папаху и нацѣпивъ шашку, нагрузилъ вѣстового тюкомъ съ подарками и двинулся впередъ. Переверзевъ и я послѣдовали за нимъ.

Мы прошли улицей до перваго переулка, въ который и свернули. Онъ вывелъ насъ на открытую площадь, гдѣ, вдоль аккуратно, стѣною, сложенныхъ дровъ, было выстроено человѣкъ сорокъ отрядныхъ солдатиковъ. Съ праваго ихъ фланга стоялъ видный «старшой», а передъ ихъ рядами прохаживался, прихрамывая, въ полной походной амуниціи, Григорій Аркадьевичъ. Завидѣвъ насъ онъ поспѣшно скомандовалъ «смирно» и замеръ во главѣ отряда.

Переверзевъ, пропустивъ меня впередъ къ центру фронта, также «по военному» замеръ на мѣстѣ. Я поздравилъ бравыхъ сотрудниковъ нашихъ съ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ и сказалъ, что вся петроградская адвокатская громада, какъ одинъ человѣкъ, горячо благодаритъ ихъ за вѣрную усердную службу. Я счастливъ, что мнѣ выпала честь пожелать имъ лично и силъ и здоровья для беззавѣтной ихъ службы на кровавомъ полѣ брани, гдѣ рѣшается судьба нашей общей, горячо любимой родины.

Въ отвѣтъ, отрядъ, во весь свой голосъ, «по военному» гаркнулъ мнѣ благодарность, причемъ я слышалъ ясно, что въ концѣ прозвучало «ваше-ство»; но было-ли это привѣтствіе именно «генералу» утверждать не смѣю.

Затѣмъ, указывая на тюкъ съ подарками, очутившійся внезапно у самыхъ моихъ ногъ, вмѣстѣ съ все подвигавшимся ко мнѣ «адъ-

ютантомъ», я сказалъ, что это подарки имъ отъ нашего адвокатскаго сословія на добрую память.

Опять благодарность и неизмѣнное «ваше-ство».

Въ заключеніе я попросилъ у Переверзева разрѣшенія вручить ему отъ себя нѣкоторую сумму денегъ для раздачи «праздничныхъ» всѣмъ поровну. Послѣдняя моя рѣчь, очевидно, имѣла наибольшій успѣхъ. Благодарность мнѣ гаркнули громче прежняго и теперь я уже явственно разслышалъ, что меня величаютъ именно «превосходительствомъ».

Парадъ былъ конченъ.

Меня повели осматривать хозяйство отряда.

По дорогѣ Павелъ Николаевичъ (Переверзевъ) мнѣ сказалъ:

— Вы не можете себѣ представить, какъ здѣсь дѣйствуетъ на насъ и какъ долго живетъ въ памяти всякое вниманіе, оказанное съ тыла. «О насъ не забываютъ, насъ цѣнятъ»... — это такъ бодритъ, просто удваиваетъ силы. Вѣдь однообразіе и монотонность обстановки ужасающая. Нервы притупляются, ничего не хочется, нѣтъ желаній... А безъ желаній, какъ-же жить! Вотъ пріѣзда вашего тутъ хватитъ на полгода, будутъ говорить, забудутъ, опять вспомнятъ, опять будутъ говорить и, такъ безъ конца... Вы очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали. Я просто счастливъ, земли подъ собою не чувствую... Повѣрьте, что такъ и всѣ остальные... Спасибо вамъ!..

Все, что мнѣ показали по части хозяйства, превзошло мои ожиданія.

Лошади были сытыя, холеныя. Размѣщались онѣ въ двухъ, хотя и не отапливаемыхъ, но хорошо зашпаклеванныхъ, непродуваемыхъ сквозняками, сараяхъ. Санитарныя двуколки, въ числѣ которыхъ были и двѣ рессорныя, крытыя, для особо трудныхъ больныхъ, содержались въ полной исправности. Хомуты, сбруя, носилки, все покоилось на своемъ мѣстѣ, въ щегольскомъ видѣ и порядкѣ.

Эта часть находилась всецѣло въ завѣдываніи Григорія Аркадьевича и я искренно поздравлялъ его съ такимъ образцовымъ «хозяйствомъ».

Въ совершенно умиленное настроеніе привелъ меня видъ недавно сооруженной, по иниціативѣ Переверзева, помѣстительной бани, съ особымъ отдѣленіемъ для стирки и, затѣмъ, сушки бѣлья. Пока человѣкъ паится въ банѣ, его бѣлье машиннымъ приспособленіемъ моется и высушивается и въ него можно тотчасъ-же облачиться. Рядомъ съ баней возвышалась какая-то паровая машина съ нагрѣвающеюся камерой для дезинфекціи верхней одежды.

Офицеры и солдаты, съ которыми я впослѣдствіи бесѣдовалъ, никогда не забывали упомянуть объ этой сторонѣ дѣятельности нашего отряда, и говорили:

— Къ вамъ, точно въ рай, попадешь! Примутъ грѣшнымъ, грязненькимъ, — выпустятъ чистымъ праведникомъ.

Благословенія по адресу Переверзева повторялись хоромъ, единодушно.

Обходъ свой я закончилъ посѣщеніемъ нашей милой и также всѣми почитаемой и благословляемой, докторши.

Она жила въ отдѣльной «хибаркѣ». Комната ея была съ перегородкой. Въ болѣе обширной ея части, обставленной широкими деревянными скамьями (чтобы можно было положить больного) и шкапикомъ съ хирургическими инструментами, шелъ въ это время амбулаторный пріемъ.

Я просилъ не прерывать его.

Несмотря на великій праздникъ, тамъ было человѣкъ шесть паціентовъ. Запахъ іода и іодоформа стоялъ въ воздухѣ.

Три солдата съ натертыми до крови ногами сидѣли, уже разувшись и ждали своей очереди. Два деревенскихъ подростка и очень старенькая «бабуся» были теперь въ передѣлкѣ. И докторша и студентъ-медикъ имъ что-то промывали, присыпали и забинтовывали.

Я заглянулъ за перегородку. Помѣщеніе самой докторши было крохотное: узкая походная постелька, застланная бѣлымъ одѣяльцемъ, сосновый простой столъ, на которомъ лежали книги и стояли банки съ чистой ватой и два некрашенныхъ табурета, были ея обстановкой. Въ углу за кроватью висѣлъ чистый докторскій халатикъ, очевидно, готовый на смѣну тому, въ которомъ она сейчасъ работала.

Съ чувствомъ невольнаго благоговѣнія я сталъ смотрѣть, какъ быстро и увѣренно работаютъ маленькія, покраснѣвшія руки, бинтуя обнаженное колѣно старой «бабуси», пока та, лежа на спинѣ, спокойно и упорно глядѣла въ потолокъ, точно разглядывая и видя его въ первый разъ. Не желая мѣшать, я скоро вышелъ и слова умиленной благодарности, которыя невольно вырвались у меня на прощаніе, мнѣ показались пустыми и ничтожными.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Отъ командира полка, который преимущественно обслуживался нашимъ отрядомъ и который былъ сейчасъ на передовой позиціи, въ то время, какъ другой тоже «нашъ полкъ» «отдыхалъ» т. е. находился въ резервѣ, звонили въ телефонъ и вызывали Переверзева, пока мы были въ обходѣ.

Соединившись съ нимъ Павелъ Николаевичъ, смѣясь намъ объявилъ: — Пеняютъ, что уже сегодня я не везу васъ къ нимъ. Завтра непремѣнно ждутъ къ обѣду. И откуда только успѣли пронюхать, что вы уже здѣсь. Должно быть парковые по телефону сообщили. Я за васъ обѣщалъ. Кстати и подарки подъѣдутъ для полка...

Подарки, дѣйствительно, вскорѣ подъѣхали, но оставалась еще цѣлая задача съ ихъ перегрузкой и распредѣленіемъ по войсковымъ частямъ.

Пообѣдали мы всей компаніей. Обѣдъ, подбодренный привезенными нами закусками и виномъ, вышелъ совсѣмъ праздничный.

Пріѣхалъ къ обѣду и случайный гость: немолодой уже «прапорщикъ» артиллеріи съ своимъ фотографическимъ аппаратомъ. Онъ былъ большой любитель моментальныхъ снимковъ и альбомъ, который онъ передъ нами демонстрировалъ, доказывалъ, что въ этой области онъ былъ большой мастеръ. Тутъ были и сцены окопной жизни, и обоза, и тыла и снимки рвущихся снарядовъ. Было на лицо и все ближайшее начальство. Переверзевъ на своемъ лихомъ конѣ, въ папахѣ и съ шашкою у бока, былъ великолѣпенъ.

Привезъ онъ съ собою свой фотографическій аппаратъ, такъ какъ рѣшилъ непремѣнно снять насъ всей группой и настоялъ на этомъ.

Нашъ отрядъ вызывался къ вечеру въ ближайшій полевой лазаретъ для эвакуаціи оправляющихся раненыхъ, получившихъ раненія при послѣдней ночной вылазкѣ. Ихъ предстояло переправить въ тылъ.

Когда нашъ фотографъ узналъ, что уже запрягаютъ «санитарки» и намъ сѣдлаютъ коней, такъ какъ мы намѣрены сопровождать отрядъ до лазарета, чтобы принять тамъ раненыхъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы, «возсѣвъ на коней», мы были увѣковѣчены вмѣстѣ съ отрядомъ.

Уже черезъ два дня онъ доставилъ намъ снимки, которые оказались весьма удачными. Моя давняя, еще отъ юности, привычка къ верховой ѣздѣ не посрамила меня даже рядомъ съ лихимъ наѣзднкомъ Переверзевымъ. Только милый мой «адъютантъ», несмотря на всѣ старанія, не выглядѣлъ въ сѣдлѣ такъ-же увѣренно, какъ на соб-

ственныхъ ногахъ. Объяснялъ онъ это тѣмъ, что лошадь его «бѣсилась», т. е. не хотѣла стоять на мѣстѣ и онъ долженъ былъ ее «крѣпко держать».

Проводивъ отрядъ до полевого лазарета, скрытаго въ лѣсу невдалекѣ отъ позицій, мы познакомились съ докторомъ, который тревожно сталъ насъ разспрашивать: не готовится-ли въ ночь новая «глубокая развѣдка» и не ожидаются-ли свѣжіе раненые, что такъ спѣшно приказано очистить лазаретъ?

Переверзевъ замѣтилъ ему, что это держится всегда въ секретѣ и что кромѣ ближайшаго начальства, рѣшительно объ этомъ никто ничего не знаетъ.

Наши санитары ловко и вмѣстѣ осторожно принялись за работу, что на этотъ разъ имъ далось легко, такъ какъ тяжело раненыхъ не оказалось. Когда всѣ раненые, кто лежа, кто сидя, были размѣщены по «санитаркамъ» и укрыты теплыми одѣялами, поѣздъ, подъ предводительствомъ Григорія Аркадьевича, ѣхавшаго впереди верхомъ и студента-фельшера, примостившагося гдѣ-то на облучкѣ, двинулся въ путь. До перваго тылового лазарета предстояло проѣхать пятнадцать верстъ.

Мы съ Павломъ Николаевичемъ, пожелавъ ему счастливаго пути, вернулись во свояси, такъ какъ на завтра съ утра предстояло наладить все съ отправкою подарковъ и своевременно быть у командира полка на позиціи.

Отрядъ нашъ вернулся обратно только передъ разсвѣтомъ и неутомимый Григорій Аркадьевичъ доложилъ на утро Переверзеву, что переправка раненыхъ совершилась вполнѣ благополучно и что всѣ они сданы «подъ росписку» завѣдующаго тыловымъ лазаретомъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

На двухъ небольшихъ самодѣльныхъ санкахъ, запряженныхъ въ одиночки двинулись мы на позиціи, направляясь къ командиру, полкъ котораго занималъ ихъ.

Я съ Переверзевымъ сѣли въ санки безъ кучера и Переверзевъ правилъ самъ, а во вторыхъ саняхъ, съ Мандельштамомъ и Григоріемъ Аркадьевичемъ, правилъ отрядный вѣстовой. Морозъ слегка пощипывалъ щеки и уши, когда сворачивали къ вѣтру, но въ общемъ день выдался дивный, и ѣхать по лѣсу, и потомъ пустыремъ было необыкновенно пріятно. Тишина стояла кругомъ мертвая. О вы-

стрѣлахъ мы совсѣмъ забыли, такъ какъ ни въ послѣднюю ночь, ни утромъ ихъ слышно не было.

Но, когда мы, отъѣхавъ верстъ шесть, свернули въ улицу какой-то, не совсѣмъ опустѣвшей деревушки, совершенно этого не ожидая, услыхали: «ба-бахъ!», и замѣтили зеленовато-дымчатый столбъ обозначавшійся впереди, слѣва, въ довольно значительномъ отъ насъ отдаленіи.

Одновременно съ этимъ намъ преградили путь два солдата, съ красными перевязками на рукавахъ. «Военная полиція!» — объяснилъ мнѣ Переверзевъ. На улицу деревушки повысыпали тѣмъ временемъ люди изъ хибарокъ, въ ихъ числѣ я замѣтилъ двухъ, трехъ малолѣтокъ.

Ѣхать дальше временно воспрещалось, такъ какъ начинался, какъ всѣ рѣшали, обстрѣлъ именно той дороги, которою намъ предстояло ѣхать.

Повылѣзли изъ саней и стали, вмѣстѣ съ другими, наблюдать. Продвинулись, по возможности, впередъ чтобы не мѣшали строенія.

Прослѣдивъ нѣсколько снарядовъ, которые, разрываясь, выпускали изъ себя цѣлые фонтаны то зеленоватыхъ, то желтоватыхъ, то фіолетовыхъ дымчатыхъ газовъ, мы скоро оріентировались въ происходящемъ.

Отъ деревенской улицы, на которой насъ задержали, шла узкая, наѣзженная дорога черезъ совершенно обнаженное, бѣлое отъ снѣга, пространство. Мнѣ объяснили, что дорога эта проложена среди, теперь замершихъ, болотъ и ведетъ къ передовымъ нашимъ окопамъ, на островкѣ, выдающемся мысомъ къ непріятельской линіи.

Мы скоро убѣдились, что выпускаемые сейчасъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, снаряды не достигаютъ дороги и, повидимому, мѣтятъ совсѣмъ не въ нее.

Болѣе внимательное наблюденіе открыло намъ глаза. Снаряды ложились и разрывались все вокругъ одной точки, которая, очевидно, и была цѣлью обстрѣла. При помощи полевого бинокля, имѣвшагося у Переверзева, мы ясно разглядѣли притаившуюся за зубчатымъ, растянувшимся бугромъ нашу полевую батарею, которую бугоръ скрывалъ отъ непріятеля; но она ясно была видна съ нашей стороны.

Мы разглядѣли и лошадей, мотавшихъ хвостами, и людей, подлѣ нихъ, сжавшихся въ одну кучу.

Овладѣвшее нами волненіе не поддастся описанію. Каждую секунду снарядъ могъ попасть именно въ эту точку и поглотить въ одинъ мигъ все, что, притаившись, еще жило, еще хотѣло жить.

Обстрѣлъ длился болѣе получаса.

Снаряды рѣшетили снѣжную поляну на небольшомъ пространствѣ. Они ложились и рвались, выпуская дымчатые фонтаны, то правѣе, то лѣвѣе, иногда сзади бугристаго кряжа, замыкающаго гладкую снѣжную поляну.

При видѣ каждаго новаго летящаго снаряда на секунду замирало сердце и, вслѣдъ затѣмъ, общій облегченный вздохъ сливался съ чьимъ-нибудь громкимъ восклицаніемъ «мимо»!

Наконецъ, выстрѣлы такъ же внезапно, какъ раньше начались, прекратились.

Прождали съ четверть часа. Молчатъ.

Кто-то сказалъ: «пошли обѣдать!»

Меня жгуче интересовалъ вопросъ: что-же станется съ батареей? Неужели такъ она и не двинется съ мѣста, до новаго выстрѣла?

Сзади насъ подъѣхалъ артиллерійскій полковникъ, ѣдущій туда-же куда и мы, къ нашему полковому командиру. Мы познакомились и онъ пояснилъ намъ: «она (батарея) только тѣмъ и спаслась, что притворилась мертвою. Черезъ лазутчиковъ нѣмцы, вѣроятно, вызнали мѣсто ея расположенія, но, по счастью, только приблизительно. Еслибы батарея только пикнула, отъ нея бы слѣда не осталось... Они и вызывали ее обозначиться, отвѣтить... Стара штука, не на дураковъ напали! Вѣроятно, рѣшили, что тутъ уже и слѣдъ ея простылъ...»

— Неужели она здѣсь и останется? — тревожно спросилъ я.

— Пока-что, да. А, вотъ, стемнѣетъ, луна, по счастью, всходитъ позднѣе, мигомъ отлетитъ верстъ на пять-шесть въ сторону въ укромное мѣстечко. Оттуда, пожалуй и жарить начнетъ, пока ее тамъ не нащупаютъ.

Выходило все просто, до ужаса просто.

— Ну пора двигаться, можно — раздался чей-то голосъ. — Только по одиночкѣ, не скучиваться! На одиночныхъ они снарядовъ тратить не любятъ, а если примѣтятъ народу погуще — палятъ.

Переверзевъ первый тронулъ ходкую финскую лошадку и мы помчались точно на призъ.

Переждавъ нѣсколько минутъ тронулись наши вторые сани, потомъ и третьи артиллерійскаго полковника.

Пробѣжка на полныхъ рысяхъ всей, совершенно открытой, гладкой дороги брала всетаки минутъ десять. Дальше уже шли кусты и деревья, и дорога изчезала уже изъ непріятельскаго поля зрѣнія.

— Чтожъ, цѣлы!.. весело воскликнулъ Переверзевъ, пуская шажкомъ запотѣвшую шведку. — Тутъ привыкаешь къ такого рода спорту. При отступленіяхъ, бывало, мы за собой уже говоръ нѣмецкій слышали, а ничего, нагруженные ранеными, ѣхали себѣ, да ѣхали...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Очевидно, заново и нарочито построенный домикъ, весь вросшій въ землю, гдѣ ютился штабъ и командиръ полка, былъ укрытъ съ непріятельской стороны лѣсной полосой. Огромной высоты сосны сторожили его съ трехъ сторонъ и казались гигантами по сравненію съ нимъ и съ близъ лежащими хозяйственными пристройками. У крылечка насъ встрѣтилъ самъ командиръ, сухощавый блондинъ, лѣтъ сорока, съ блѣднымъ, нервно-подвижнымъ лицомъ. Не такъ давно онъ сильно прихворнулъ и только нѣсколько дней, какъ вернулся къ своему полку. Ему давали отпускъ, но онъ не пожелалъ имъ воспользоваться.

Со словъ Переверзева я зналъ, что это очень преданный своему долгу, не разъ побывавшій въ трудной передѣлкѣ воинъ, любившій солдатъ и, въ свою очередь, любимый ими.

Онъ радушно встрѣтилъ насъ, при чемъ облобызался съ Переверзевымъ, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Онъ представилъ намъ своего адъютанта и распорядился послать фельдфебеля принять и доставить наши подарки для полка.

Адъютантъ его, изъ «призванныхъ» былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго московскаго округа, почему и проявилъ къ намъ много вниманія.

Откуда-то и здѣсь тотчасъ-же появился фотографъ любитель изъ писарей штаба и намъ тотчасъ-же предложено было «вмѣстѣ сняться».

Я замѣтилъ, что на фронтѣ, какъ нигдѣ, никто не прочь лишній разъ увѣковѣчить свое изображеніе. Полковникъ, съ доброю улыбкою, которая красиво освѣщала его блѣдное лицо, по этому поводу сказалъ мнѣ:

— Большія деньги зарабатываютъ здѣсь наши фотографы. Нѣтъ солдатика, который не пожелалъ-бы послать домой своей фотографіи и всегда въ позѣ самой воинственной... Точно каждый чуетъ ежесекундную возможность своего исчезновенія.

Противъ домика, у котораго мы, еще не входя пока въ него, въ бесѣдѣ задержались, были какія-то живописныя развалины. Фотографъ пригласилъ насъ именно туда, находя, что, на ихъ фонѣ, мы выиграемъ.

Мы покорно двинулись, черезъ дорогу, къ нимъ.

Полковникъ пояснилъ.

— Въ теченіи кампаніи эта мѣстность уже три раза переходила изъ рукъ въ руки. Здѣсь была богатая помѣщичья усадьба... Непріятели въ ней камня на камнѣ не оставили. Развалины эти отъ барскаго дома, который они сожгли при отступленіи. Тутъ они раньше роскошествовали, пировали... одного вина сколько захватили въ погребахъ...

Мы кончали позировать, когда изъ телефонной будки дежурный прибѣжалъ доложить полковнику, что его вызываетъ къ телефону начальникъ дивизіи, временно заступающій и отсутствующаго корпуснаго командира.

Полковникъ стремительно пошелъ къ своему домику, мы не спѣша двинулись за нимъ.

Оказалось, что генералъ ѣдетъ сюда вмѣстѣ съ начальникомъ штаба корпуса и корпуснымъ начальникомъ артиллеріи.

Въ той деревушкѣ, гдѣ мы были задержаны, они остановились, не рискуя ѣхать дальше въ автомобилѣ. Противники почти никогда не упускаютъ случая, обстрѣлять автомобиль, исходя изъ предположенія, что въ автомобилѣ непремѣнно ѣдетъ высшее начальство.

Рѣшено было послать за ними наши сани, такъ какъ они не были отпряжены. Ихъ и послали, причемъ Переверзевъ самъ пожелалъ править шведкой.

Мы успѣли осмотрѣться въ домѣ полковника, пока «начальство» еще не подъѣхало. Это было крошечное помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ, скорѣе каютъ, нежели комнатъ: небольшой спальни, такого-же кабинета и узкой столовой протяженіемъ первыхъ двухъ комнатъ.

Мы курили и грѣлись у топившейся печи кабинета когда — кто-то снаружи воскликнулъ: «ѣдутъ!»

Всѣ высыпали на встрѣчу.

Начальника дивизіи можно было тотчасъ отличить и признать въ немъ генералъ-лейтенанта, такъ какъ на его мѣховой тужуркѣ, цвѣта хаки, были генеральскіе погоны и синіе его шаровары были съ красными лампасами. Двое его спутниковъ, одинъ постарше, другой помоложе, были въ сѣроватаго цвѣта мѣховыхъ поддевкахъ, безъ погонъ.

Командиръ полка сперва отрапортовалъ генералу держа руку

«подъ козырекъ», а затѣмъ представилъ насъ. Генералъ привѣтствовалъ меня маленькимъ спичемъ, благодаря за вниманіе къ фронту. Въ моемъ отвѣтѣ проскользнули какъ-то слова: «нашей несчастной родины». Къ чему тогда эти слова подошли уже не припомнаю, но помню, что они были мною сказаны и что генералъ отъ нихъ какъ-то встрепенулся и, когда я кончилъ, вопросительно откинулся и спросилъ меня: «почему несчастная?»

Я пояснилъ, что длящаяся кровавая страда и всѣ ея жертвы несомнѣнно несчастье для нашей родины, какъ и для всего человѣчества.

Онъ видимо былъ удовлетворенъ моимъ поясненіемъ, такъ какъ уже другимъ тономъ промолвилъ: «да, да, конечно несчастье... Вы въ этомъ смыслѣ?!..»

Полковникъ пригласилъ всѣхъ въ домъ.

Здѣсь генералъ, два его спутника и командиръ полка, удалились въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, о чемъ-то стали совѣщаться.

Мы остались съ адъютантомъ и артиллерійскимъ полковникомъ въ столовой, курили, разговаривали. Кто-то сказалъ: «кажется готовимъ глубокую развѣдку, можетъ быть даже частичную атаку...»

— На этой позиціи весной невозможно оставаться, — пояснилъ артиллерійскій полковникъ, — разведетъ такое болото кругомъ... Нужно либо продвинуться впередъ, либо отойти... на сухое мѣсто. Вѣроятно объ этомъ и держатъ совѣтъ.

Минутъ двадцать длилось совѣщаніе. Наконецъ командиръ, высунувшись изъ двери кабинета, гдѣ оно происходило, кликнулъ адъютанта, и распорядился приготовить, кромѣ двухъ нашихъ, еще трое саней, такъ какъ «начальство» и всѣ его спутники отправятся тотчасъ-же на «позицію». Обратившись ко мнѣ онъ сказалъ: «вы вѣдь, вѣроятно, захотите поѣхать съ нами, посмотрѣть противника?»

Я поспѣшилъ отвѣтить утвердительно.

На пяти саняхъ, гуськомъ, двинулась вся компанія. Впереди начальникъ дивизіи съ командиромъ полка. Я съ Переверзевымъ вслѣдъ за ними и трое перегруженныхъ саней за нами.

Двинулись изъ домика командира по дорогѣ, которая отъ лѣска все забирала вправо, пока не вышла на открытое мѣсто. Отъ точки нашего отправленія линія фронта шла вправо крутымъ загибомъ, въ центрѣ котораго она наиболѣе сближалась съ фронтомъ непріятеля.

Туда мы и направлялись. Эту позицію и занималъ теперь полкъ «нашего» полкового командира.

По дорогѣ мы обогнали медленно двигавшуюся походную кухню, которая дымя и распространяя вокругъ себя вкусный запахъ горячихъ щей, продвигалась къ тылу позиціи.

Самая дорога, по которой мы ѣхали, шла какъ-бы въ низинѣ и, повидимому, не была видима непріятелю, такъ какъ ѣхали мы свободно, не думая о возможности обстрѣла.

Въ низинѣ-же оставили сани и уже пѣшкомъ стали подниматься по буграмъ, выйдя на которые увидѣли рядъ плоскихъ землянокъ, ютившихся позади траншей и окоповъ, сплошь замыкавшихъ всю лицевую часть позиціи.

На всемъ ея пространствѣ кое-гдѣ еще росли деревья, а по краю низины уцѣлѣла цѣлая рощица, скрывшая отъ насъ, когда мы добрались до позиціи, и оставленныя нами сани и самую дорогу, по которой мы только-что ѣхали.

Обходъ позиціи былъ длительный и внимательный.

Генералъ хотѣлъ все видѣть и со всѣми говорить.

На открытыхъ мѣстахъ полковой командиръ рекомендовалъ слѣдовать въ разсыпную и отнюдь не скучиваться.

Всюду, гдѣ генералъ встрѣчалъ солдатъ, онъ останавливался, здоровался съ ними, поздравлялъ съ праздниками. Съ украшенными Георгіемъ задерживался подольше. Пробираясь вдоль узкихъ окоповъ, облицованныхъ сплошь срубомъ, онъ находилъ слова привѣта и для сторожевого солдата и для дежурнаго офицера.

Въ одномъ, особенно выдающемся, мѣстѣ окопа остановились около утвержденныхъ въ замаскированныхъ амбразурахъ пулеметовъ. Здѣсь-же была прилажена зрительная труба, въ которую по очереди смотрѣли. На противустоящей возвышенности ясно виднѣлось строеніе, въ видѣ замка (помѣщичій домъ, — пояснили мнѣ), въ центрѣ нѣмецкой ближайшей позиціи.

— Снять его ничего бы не стоило нашей артиллеріи, — поясняли мнѣ, — но жалко, вѣдь, свое-же, русское..., а нѣмцы этимъ пользуются, смѣло тамъ хозяйничаютъ. Глядите, глядите, видите тамъ словно муравьи копошатся! Вчера тамъ, по случаю нашего Рождества, что-ли, музыка играла. Слышно было отчетливо и, вообразите, наше «Боже Царя Храни!» Плюнуть хотѣлось, а наши окопные шапки поснимали, креститься пустились...

Генералъ былъ неутомимъ и мы едва поспѣвали за нимъ. Въ одномъ мѣстѣ «по открытому» онъ рѣшительно не позволилъ намъ слѣдовать за собой, при чемъ авторитетно заявилъ:

— Зачѣмъ по пустому рисковать. Мы — другое дѣло, это наша профессія, какъ у васъ своя... Мы обязаны, солдаты должны видѣть, что генералъ и полковникъ отъ снарядовъ и пуль не прячутся,

иначе какъ-же отъ нихъ требовать... И скучиваться на виду непріятеля вообще не рекомендуется.

Можно было залюбоваться и красивой фигурой и внушительной осанкой генерала, когда онъ, вслѣдъ затѣмъ, въ сопровожденіи лишь полкового командира, не спѣша двинулся по «открытому мѣсту».

Едва онъ успѣлъ къ намъ вернуться, какъ раздалось два-три пулеметныхъ залпа, прошуршавшихъ гдѣ-то по снѣгу. Вреда этимъ никому причинено не было, но ощущеніе какой-то затаенной гордости, всетаки, проникло въ наши сердца.

Побывали мы и въ офицерскихъ и солдатскихъ землянкахъ. Въ каждой изъ нихъ накаливалась керосиновая печь, распространяя удушливый запахъ, не смотря на раскрытыя настежь двери.

— Жизнь наша тутъ кротовая, норовимъ въ землю поглубже зарыться... Лѣтомъ еще сносно, а зимой нестерпимо. И крысы проклятыя одолѣваютъ... Вотъ держу кошку... Спугиваетъ ихъ по крайности. Со мною и спитъ моя вѣрная «Машка!»

Объяснялъ намъ молодой, еще двадцатидвухлѣтній юнецъ, но уже поручикъ, и съ Владиміромъ въ петлицѣ, при чемъ усердно гладилъ и ласкалъ бѣлую, рослую кошку, съ рысьими глазами, которую, сидя на корточкахъ, удерживалъ между своими колѣнами. Когда мы всей гурьбой направились въ «низину», къ оставленнымъ нами санямъ, по всей позиціи пошла оживленная бѣготня. Солдаты, кромѣ часовыхъ и дежурныхъ, повысыпали изъ всѣхъ землянокъ, и ринулись партіями въ перегонку къ той-же низинѣ. У каждаго изъ нихъ въ рукахъ была оловянная миска и кружка, а изъ голенища торчала деревянная ложка.

— Говорено вамъ: въ разсыпную! По одиночкѣ! Вишь, черти, прутъ словно три дня не лопали!.. — гаркнулъ имъ вслѣдъ рослый, степенный фельдфебель.

Это знаменовало, что прибыла «кухня», которую мы давеча обогнали. Она остановилась у рощи, тамъ-же гдѣ мы оставили наши сани. Проголодавшіеся воины и бѣгутъ въ перегонку, за горячими щами, здоровымъ кускомъ свѣже испеченнаго хлѣба и добрымъ кускомъ мяса. А предостерегаютъ ихъ отъ скучиванія всегда и почти всегда тщетно. Непріятель зорокъ. Почти каждый разъ, объ эту пору, онъ пускаетъ снаряды въ зашевелившіяся муравейникъ. И на этотъ разъ выстрѣлъ послѣдовалъ. Снарядъ, перелетѣвъ черезъ всѣ головы, разорвался гдѣ-то за рощей. Не было еще случая чтобы онъ попалъ въ самую гущу, но отдѣльныя раненія шрапнелью бывали.

— Вотъ вы и получили боевое крещеніе! — сказалъ мнѣ привѣтливо генералъ, когда мы, разсаживаясь по санямъ, пускались въ обратный путь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Проголодавшіеся и обвѣтренные снѣжною, морозною пылью, мы весело разсѣлись за обѣденный столъ гостепріимнаго полковника. Бесѣда пошла живая, непринужденная. Были и рѣчи и тосты, благодаря двумъ-тремъ бутылочкамъ привезеннаго нами вина. Генералъ оказался настоящимъ ораторомъ, умѣющимъ находчиво чеканить слова любезности и пожеланій. Полковникъ, цѣня высоко Переверзева, тепло оттѣнилъ работу нашего отряда на фронтѣ и провозгласилъ ему «живіо».

Я подѣлился моими впечатлѣніями отъ фронта и горячо привѣтствовалъ не показное, а глубоко внѣдрившееся въ него геройство лучшихъ сыновъ нашей страны. Переверзевъ также высказалъ много хорошего по адресу беззавѣтныхъ страстотерпцевъ русской земли. Передъ кофеемъ пожелалъ говорить и Максимъ Григорьевичъ и, къ общему удовольствію, разсмѣшилъ насъ всѣхъ своими удачными юмористическими сопоставленіями и каламбурами.

Когда мы допивали кофе и курили, мимо низкихъ оконъ столовой, съ топотомъ и говоромъ, пронесли на носилкахъ раненаго. Ближайшій перевязочный пунктъ былъ не подалеку, рядомъ съ землянкой полкового доктора. Генералъ пожелалъ пройти туда, чтобы видѣть раненаго, и мы послѣдовали за нимъ. Въ низкой каморкѣ мы увидѣли раненаго уже положеннаго на хирургическій столъ. Ему, взрѣзывая голенище, снимали мерзлый сапогъ съ раненой ноги.

Генералъ наклонился къ лицу блѣднаго, вздрагивавшаго отъ холода, или отъ боли, молодого солдатика.

Выяснилось, что онъ, съ двумя товарищами, выбравшись за линію, затѣялъ прокрасться къ непріятельской проволокѣ и обрѣзать ее. Расчетъ покоился на томъ, что нѣмцы весь день молчали, а имъ было любо сдѣлать заранѣе «свободный ходъ» для ночной развѣдки.

Къ великому моему удивленію, генералъ не только не попенялъ раненому за явную неосторожность, но похвалилъ его,

назвавъ «молодцомъ» и, записавъ имя и фамилію его въ записную книжку, которую извлекъ изъ кармана своей мѣховой тужурки, громко и отчетливо сказалъ:

— Помни одно и твердо вѣруй: за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаетъ! Поправляйся, молодецъ!.

Раненый, пытаясь приподняться, отъ чего его удержали, весь вспыхнулъ и громко отчеканилъ: «радъ стараться, ваше превосходительство!»

Пулевая рана оказалась сквозной. Пуля прошла повыше щиколотки, задѣвъ лишь отчасти кость. По мнѣнію врача, раненіе опасности не представляло.

Простились мы съ гостепріимнымъ хозяиномъ когда уже стало смеркаться.

Генералъ, протягивая намъ радушно, при прощаніи руку, сказалъ: «весьма радъ былъ съ вами познакомиться. Кланяйтесь отъ насъ Петрограду, скажите, что мы не спимъ, бодрствуемъ!..

Потомъ еще прибавилъ: «мы здѣсь позадержимся, маленькій военный совѣтъ хотимъ подержать. Счастливаго пути!»

Подъ покровомъ ночи обратный нашъ путь совершили въ полной безопасности. Противникъ упорно молчалъ. Только когда мы уже были дома и взошла луна, и утомленные мы разлеглись по постелямъ, началась, какъ и въ первую ночь, орудійная стрѣльба. Переверзевъ приподнявшись, прислушался и сказалъ:

— Сегодня наши отвѣчаютъ... можетъ быть глубокую развѣдку готовятъ. Надо спать, пожалуй къ утру и насъ потревожатъ... Спокойной ночи!..

Противъ ожиданія, часамъ къ двумъ ночи стрѣльба совершенно смолкла, и весь слѣдующій день было тихо.

Я оставался «на фронтѣ» еще три дня и, за все это время, ничего болѣе «серьезнаго» не случилось.

Посѣщенія войсковыхъ частей, гдѣ нами раздавались подарки, всюду сопровождались оживленіемъ, радушіемъ, лаской и вниманіемъ. Нигдѣ ни признака ни утомленія, ни раздраженія отъ тяжелыхъ условій боевой жизни, но всюду тревожные вопросы относительно того, что именно творится въ тылу, въ частности въ Петроградѣ.

Убійство Распутина, хотя еще и свѣжая новость, какъ-то мало интересовала фронтъ, или ее умышленно замалчивали.

— Лишь-бы тылъ «не сдалъ», мы то не сдадимъ, держимся! Да и онъ (врагъ), видимо, слабѣетъ, не та теперь у него прыть. Изъ де-

сяти снарядовъ половина уже не рвется ... — Слышалъ я съ разныхъ сторонъ и вынесъ впечатлѣніе, что это не слова только, а дѣйствительный отголосокъ общаго настроенія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ одинъ изъ этихъ дней насъ, по телефону, пригласилъ къ себѣ къ обѣду уполномоченный санитарнаго отряда Петроградскаго земства.

Хотя его пунктъ отстоялъ въ верстахъ двѣнадцати отъ нашего, мы рѣшили поѣхать, тѣмъ болѣе, что онъ любезно прислалъ за нами свою тройку, запряженную въ широкія розвальни съ ковромъ и мѣховымъ одѣяломъ. Порядочно морозило и было вѣтрено.

По дорогѣ видѣли мы конныя батареи, ютившіеся подъ всевозможными естественными и искусственными прикрытіями, съ землянками не только для людей, но и для лошадей. Ихъ вводили туда и выводили оттуда по углубленной, покато, въ землю поверхности.

Проѣзжали мы мимо обширнаго кладбища сплошь обсаженнаго аккуратно елками, съ многими рядами совсѣмъ новыхъ сосновыхъ крестовъ.

Тутъ-же рядомъ съ кладбищемъ, была церковь: обширный деревянный баракъ, довольно живописный фасадъ котораго былъ сплошь декорированъ зеленью ельника.

Дорога шла все время по пересѣченной мѣстности, частью лѣсомъ, частью по открытому мѣсту, съ подъемами и ложбинами. Сытая тройка лихо домчала насъ до оживленнаго поселка, который всѣми именовался «земскимъ».

Кромѣ щегольски оборудованнаго санитарнаго отряда, тутъ былъ и перевязочный пунктъ, и аптека, и лавка, и баня и питательные земскіе склады, ближайшіе къ фронту. Все это размѣщалось въ заново-отстроенныхъ обиталищахъ, изъ свѣже-срубленныхъ сосновыхъ бревенъ.

О земскихъ и городскихъ порядкахъ, по части снабженія ими фронта пищевыми продуктами, я слышалъ только похвалы, когда-же заходила рѣчь объ интендантствѣ его поругивали.

— Отъ него никогда ничего во время не получишь, — жаловался одинъ ротный командиръ. — Того нѣтъ, это все вышло, а вотъ

не желаете-ли другого, чего у насъ и безъ того хоть отбавляй. Безъ земскихъ и городскихъ доставокъ намъ бы давно животики подвело.

Домикъ уполномоченнаго на пригоркѣ, среди темной зелени рослыхъ елей, выглядѣлъ совсѣмъ новенькимъ, чистенькимъ. Кругомъ всѣ постройки выглядѣли такими-же.

Въ общемъ получалось впечатлѣніе, что мы пріѣхали въ гости въ благоустроенную помѣщичью усадьбу, владѣлецъ которой только-что отстроился заново, послѣ пожара.

Уполномоченный оказался хорошо мнѣ знакомымъ петроградскимъ мировымъ судьею, командированный Съѣздомъ въ распоряженіе земства. Онъ уже третій годъ обслуживалъ фронтъ.

Когда я передалъ ему мое впечатлѣніе отъ щеголеватой новизны всѣхъ построекъ его «усадьбы», онъ, посмѣиваясь, сказалъ:

— Въ сущности оно такъ и есть! Мы раньше были на другомъ мѣстѣ въ настоящей помѣщичьей усадьбѣ. Оттуда пришлось отступить. Еще хорошо, что дѣло было лѣтомъ. Должны были ютиться нѣкоторое время просто въ лѣсу. Расчистили тутъ-же площадку, да этимъ же лѣсомъ и построились, а пока строились пребывали, со всѣмъ нашимъ хозяйствомъ, подъ небеснымъ сводомъ.

Чудесно было на такой дачѣ!.. Какъ видите, обвѣтрился, загорѣлъ, обросъ и поздоровѣлъ.

— Совсѣмъ по американски! — замѣтилъ я.

Съ горделивою настойчивостью, нашъ хозяинъ тотчасъ-же повлекъ насъ въ обходъ всей своей «усадьбы». Санитарный отрядъ былъ и богаче обставленъ и численностью гораздо больше нашего. Лошадей было около сотни, въ просторной, благоустроенной конюшнѣ. Казарма для многочисленной команды, съ широкими нарами для спанья и съ помѣстительной столовой, содержалась въ чистотѣ и полнѣйшемъ порядкѣ. Санитарныя двуколки, возки и фургончики были въ изобиліи и самой цѣлесообразной конструкціи.

Съ нами въ обходъ пошла немолодая княгиня, завѣдующая въ качествѣ «крестовой сестры» чьимъ-то частнымъ санитарнымъ отрядомъ, пріѣхавшая также въ гости. Она съ завистью подробно все осматривала, приговаривая: «ахъ какой-вы счастливецъ, васъ средствами не стѣсняютъ, при такихъ условіяхъ можно работать!»

Складъ, лавка, аптека, перевязочный пунктъ съ молодымъ докторомъ, примкнувшимъ къ нашей компаніи, все производило впечатлѣніе чего-то основательнаго, надежнаго. Чисто военная дисциплина, смягченная внимательно-добродушной учтивостью къ нуждамъ каждаго, чувствовалась въ каждомъ распоряженіи и дѣй-

ствіи не только уполномоченнаго, но и всего персонала его ближайшихъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько студентовъ.

Столовая, въ которую насъ пригласили къ обѣду, была довольно обширная комната, но половина ея, во всю длину, была оборудована «нарами», на случай, какъ мнѣ объяснили, экстреннаго скопленія гостей съ фронта. Иногда бездомные молодые офицеры, по смѣнѣ съ позицій, наѣзжали сюда отдохнуть день, другой. Въ шутку, благодаря хорошему повару, вывезенному «уполномоченнымъ» изъ Петрограда, столовую эту называли «рестораномъ Кюба».

Закузкій, но длинный обѣденный столъ насъ сѣло, на этотъ разъ, человѣкъ шестнадцать. Въ числѣ приглашенныхъ къ столу было шесть человѣкъ представителей отъ заводскихъ петроградскихъ рабочихъ, приславшихъ съ ними свои рождественскіе подарки фронту. Только они одни не были одѣты «по военному», а были въ своихъ новыхъ праздничныхъ пиджакахъ. Держали они себя скромно, съ большимъ достоинствомъ, ѣли аккуратно и осторожно.

Я толкнулъ сидѣвшаго рядомъ со мною моего милѣйшаго «адъютанта», шепнувъ ему, указывая на рабочихъ: видите какъ мило!.. А мы то зачѣмъ съ вами вырядились?

Но онъ многозначительно обвелъ меня глазами, какъ-бы желая сказать: «а чѣмъ-же мы не хороши»!

Обѣдъ состоялъ изъ великолѣпной кулебяки съ бульономъ, заливной осетрины, гуся съ капустой и орѣховаго пудинга и былъ достоенъ блаженной памяти Кюба. Была и закуска, и пиво и винцо, но все въ мѣру.

Были и спичи за обѣдомъ.

Одинъ изъ рабочихъ, помоложе, произнесъ, видимо заученное, но все-же теплое, слово по адресу двухъ офицеровъ бывшихъ въ числѣ гостей, сопровождавшихъ депутацію отъ рабочихъ по фронту.

Переверзевъ предложилъ мотивированный тостъ за «воиновъ тыла» — заводскихъ рабочихъ. Немолодая княгиня (крестовая сестра) хвалила общественныя организаціи и, какъ на образецъ указала на дѣятельность нашего гостепріимнаго хозяина.

Я высказалъ пожеланія, чтобы кровавое крещеніе Россіи, хотя бы цѣною пролитой крови невинныхъ жертвъ, сплотило ее въ духѣ любви, собратства и дружнаго единенія.

Сейчасъ, когда я пишу эти строки я знаю, что этого, какъ

разъ, не сбылось; перо едва держится въ моей рукѣ, и все во мнѣ болитъ и ноетъ отъ смертельной тоски...

«Добрыми намѣреніями устланъ весь адъ»! — и я чувствую, какъ ничтожны слова, пока онѣ остаются словами...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдній день пребыванія «на фронтѣ», почти сплошь пришлось провести дома.

Переверзевъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я провѣрилъ всѣ счета за отчетный періодъ и вообще подробно ознакомился съ хозяйственной и финансовой стороной дѣла. Отчетность была довольно сложная, такъ какъ денежныя средства шли изъ двухъ источниковъ изъ кассы союза городовъ и отъ казначея нашего Совѣта по спеціальному счету санитарнаго отряда. Григорій Аркадьевичъ велъ отчетность и держалъ всю хозяйственную часть въ образцовомъ порядкѣ.

Ему же на долю выпало, согласно категорическому настоянію Переверзева, составить «реляцію» о моемъ посѣщеніи отряда для доклада Совѣту и общему Собранію присяжныхъ повѣренныхъ. Она была вручена моему «адъютанту» въ запечатанномъ, печатью отряда, пакетѣ.

Когда ее вскрыли въ засѣданіи Совѣта и милѣйшій (увы — нынѣ уже покойный!) казначей нашъ, членъ Совѣта Н. Н. Раевскій громко и выразительно прочелъ ее, я устыдился, до того воинственнымъ я въ ней былъ изображенъ. Прямо геройствовалъ: и подъ обстрѣломъ былъ; и на конѣ, во главѣ отряда, ѣхалъ; и «парады принималъ»; и съ корпуснымъ командиромъ и его начальникомъ штаба позиціи осматривалъ и вездѣ «блестящія» привѣтствія и рѣчи говорилъ!... Ужъ очень постарался, легко поддающійся умиленно-восторженному настроенію неоцѣнимый Григорій Аркадьевичъ.

Поѣздъ, въ которомъ мы должны были вернуться въ Петроградъ, отходилъ поздно ночью, почти подъ утро и выѣзжать чтобы попасть на него предстояло не ранѣе часовъ одиннадцати. Вечеръ мы провели въ общей компаніи въ нашей столовой за самоваромъ и легкимъ ужиномъ. Вся мѣстная офицерская молодежъ пришла сюда «на огонекъ». Среди нихъ были и бойкіе говоруны, вышучивавшіе товарищей и «начальство», но были и спокойные, вдум-

чивые, явно проникнутые сознаніемъ отвѣтственной важности переживаемаго момента.

Наша милая «докторша» у самовара была за хозяйку. Она всѣмъ услуживала и безшумно приходила на помощь каждому, какъ разъ въ ту минуту, когда въ этомъ кто-либо нуждался. Удивительная способность быть одновременно нигдѣ и вездѣ, гдѣ только въ этомъ дѣйствительно есть надобность. Только очень чуткія, духовно одаренныя натуры способны такъ проявлять свое бытіе. Когда, подавая за нашъ столъ въ третій разъ подогрѣтый самоваръ, вѣстовой ей что-то, наклонившись, тихо сказалъ, она улыбнувшись дѣтской улыбкой, въ свою очередь, что-то тихо сообщила, сидѣвшему съ ней рядомъ Григорію Аркадьевичу. Тотъ всталъ и прихрамывая, направился къ Переверзеву, сидѣвшему рядомъ со мной. Онъ что-то, также шопотомъ, «доложилъ» ему. Тогда Переверзевъ уже громко повѣдалъ намъ то, что уже начинало всѣхъ интриговать.

— Въ отрядѣ нашемъ имѣется отличный плясунъ молодой татаринъ. Танцоръ дѣйствительно изумительный, самому Фокину въ пору Есть и гармонистъ аккомпаніаторъ... Имѣется и комическій номеръ... Испрашиваютъ позволенія представить вамъ свои таланты. Позволите?

— Разумѣется, буду радъ! — могъ только я отвѣтить съ улыбкой.

Двери столовой скоро распахнулись и передъ нами предстала вся труппа. Всѣ три артиста были въ лубочныхъ маскахъ.

Первымъ номеромъ были танцы молодого татарина, преобразившагося въ сточнаго сѣдовласаго дѣда, съ мочальной бородой. Онъ былъ въ сѣромъ балахонѣ изъ рядна, изъ котораго шьются мѣшки, поверхъ казеннаго тулупчика вылѣзавшаго по краямъ ворота и въ рукавахъ. Въ такомъ видѣ онъ выходилъ «съ толщонкой», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, какъ сообщили мнѣ, былъ очень худощавъ и выглядѣлъ совсѣмъ мальчикомъ. Ноги его, очень небольшія, были обуты въ бѣлыя больничныя туфли подвязанные переплетомъ изъ тонкаго шпагата.

Танцовалъ онъ и красиво и своеобразно и легко. Выходило прямо «по балетному»; только странною казалась утолщенная фигура, подбрасываемая легко, точно мячикъ, на тонкихъ, молодыхъ, проворныхъ ногахъ.

Гармонистъ, одѣтый «по русски» аккомпанировалъ очень забористо какимъ-то импровизированнымъ попури изъ знакомыхъ мотивовъ. Танцора очень одобрили, и онъ охотно повторилъ заново всю амальгаму своего сложнаго танца, внося въ него нѣсколько

новыхъ штриховъ. Прыжки его вверхъ были прямо-таки изумительны по силѣ и соразмѣрности.

Комическій элементъ былъ представленъ въ видѣ солдата, одѣтаго не по походному, а въ узковатый безпогонный мундиръ, съ нѣмецкой безкозыркой на головѣ. Лубочная маска изображала уродливо-курносаго краснощекаго малаго, съ глупой улыбкой ярко малиноваго рта до ушей. На ногахъ были настоящіе солдатскіе, какъ всегда, не по ногѣ, неуклюжіе сапоги.

Этотъ былъ тоже танцоръ, но танцоръ — гротескъ. Свои ужимки прыжки онъ сопровождалъ быстрымъ говоркомъ подъ музыку. Присядка, выверты носками внутрь и затѣмъ припаданіе къ землѣ на рукахъ такъ, чтобы ноги продолжали плясать въ воздухѣ, являлись кульминаціонными трюками и его камаринскаго и трепака.

Изъ словесныхъ его причитаній я запомнилъ только куплетъ, повторявшійся, съ нѣкотрыми варіаціями, особенно часто:

Сапоги мои уроды
Такъ и пишутъ вензеля,
Грязь мѣсили въ непогоду,
И сушились опосля!

Соль пришѣва, очевидно, заключалась въ обличеніи интендантскихъ «сапогъ-уродовъ», — непзмѣнной болячки солдатскаго обмундированія. Было и нѣчто, относящееся къ нѣмецкой безкозыркѣ, надѣтой для сего на голову:

Австріякъ не такъ танцуетъ,
Голова безъ козырька!
Кайзеръ живо оштрафуетъ
Коль не сможетъ кувырка!

Притѣвъ этотъ сопровождался стремительнымъ, подъ музыку-ое кувыркапіемъ черезъ голову.

Въ заключеніе солистъ-гармонистъ исполнилъ свой концертный репертуаръ.

Артистовъ похвалили и отпустили съ благодарностью.

Во время исполненія у распахнутыхъ дверей столовой столпилось много зрителей изъ солдатиковъ и отрядныхъ санитаровъ. Они жадно слѣдили глазами за хореографическими фокусами доморощенныхъ искусниковъ и не могли удержаться отъ хохота при обличеніи интендантскихъ мучителей-сапогъ и нѣмецкихъ безкозырекъ.

Сборы наши въ обратный путь были недолги, но прощаніе и проводы осложнились.

И Переверзевъ и Григорій Аркадьевичъ и даже наша милая, въ своей, словно дѣтской, застѣнчивости, докторша пожелали насъ проводить верхомъ на лошадяхъ. Кое-кто изъ офицеровъ раздобылъ, откуда-то, большія сани-розвальни, и вся компанія двинулась за нашей тройкой.

Переверзевъ скакалъ впереди, чтобы вывести насъ до поворота на ближайшую къ желѣзно-дорожной станціи дорогу, не ту по которой мы, давъ большого крюка, ѣхали сюда. Остальные ѣхали «для компаніи».

Ночь была безвѣтренная, звѣздная, только слегка морозная. Можно было подумать, что это рождественское катаніе «на островахъ» въ Петроградѣ.

Крутой поворотъ на прямую лѣсную дорогу къ станціи былъ въ шести верстахъ, и мы не замѣтили, какъ домчались до него.

Прощаніе было трогательное.

Разцѣловавшись съ Переверзевымъ и Григоріемъ Аркадьевичемъ, я хотѣлъ было поцѣловать руку докторши, но она быстро отдернула ее и, по дѣтски стремительно, облобызалась со мною, какъ дѣлали другіе.

Съ меня взяли обѣщаніе, что на Пасху я опять непремѣнно пріѣду и погощу подольше у нихъ.

Когда смолкли позади насъ ихъ голоса, и наши сани одиноко покатились по затѣненной узкой лѣсной дорогѣ, что-то зловѣще грустное стало прокрадываться въ душу: увидимъ-ли ихъ когда?

Тѣмъ временемъ стала всходить луна, и вскорѣ мы услышали отдаленные выстрѣлы.

Нашъ разсыльный Андрей, сидѣвшій на облучкѣ, рядомъ съ кучеромъ, повернулъ къ намъ голову и промолвилъ:

— Значитъ, начинается?

«Продолжается»! поправилъ я его мысленно и вынесенная вѣра въ стойкую надежность «фронта», оставляемаго нами ради «кисельнаго» тыла, какъ-то остро и больно тревожила совѣсть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Поѣздка на фронтъ произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Окунувшись снова въ сутолоку повседневной адвокатской жизни, сталкиваясь съ множествомъ людей, поглощенныхъ исключительно

своими личными, не всегда почтенными интересами, улавливая нетерпѣливое настроеніе тыла, жаждущаго, какъ можно скорѣе, отдѣлаться отъ повседневныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ продолженіемъ войны, чуя, наконецъ, что, подъ шумокъ, всюду ведется настойчивая революціонная пропаганда, по трафарету 1905—1906 годовъ, и сознавая, что, на этотъ разъ, ея результаты могутъ быть гораздо острѣе, я переживалъ мучительные часы ночной безсонницы.

Оторванный въ теченіи дня неотложной текущей работой, казавшейся мнѣ теперь пустой и ненужной, мой мозгъ начиналъ, обыкновенно тревожно работать ночью, когда лежа въ постели я, тщетно, силился уснуть.

Прямой увѣренности въ томъ, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ все вокругъ развалится, и прахомъ пойдутъ всѣ жертвы и успѣнія родины въ этой безпримѣрной войнѣ, конечно, у меня не было, но какое-то гнетущее предчувствіе огромной бѣды меня уже не покидало.

Все этому способствовало.

Шептуны, болѣе чѣмъ когда либо, шептали и предрекали. Государственная Дума эффектнѣе, чѣмъ прежде, пускала фейерверки своихъ трескучихъ словоизверженій, не соображая ихъ ни съ моментомъ, ни съ ближайшей государственной задачей. Какъ крысы, бѣгущіе съ обреченнаго на гибель корабля, уходили всѣ, сколько-нибудь, «приличные» сановники и министры. Тѣнь Распутина, болѣе зловѣще, чѣмъ когда-либо, витала въ закоулкахъ Царскосельскаго дворца и «прогрессивный параличъ» Протопопова, царствовалъ безраздѣльно въ своемъ фантастическомъ величіи.

— Пока мы у власти, — отпускалъ онъ направо и налѣво, — революція будетъ подавлена въ самомъ корнѣ, за это я ручаюсь!

И ему твердо вѣрили въ Царскомъ Селѣ; благословляли даже судьбу, пославшую, наконецъ, Россіи, какъ разъ въ нужную минуту, столь просвѣщенный, имѣвшій и на западѣ блестящій успѣхъ, государственный умъ. Государю приписывали слѣдующую фразу относительно выбора Протопопова:

— Чего еще они отъ меня хотятъ? Я взялъ товарища предсѣдателя Государственной Думы... Разъ онъ былъ ими избранъ, значитъ Дума ему довѣряла и цѣнила его. Иностранная пресса, втеченіе его поѣздки съ Милюковымъ и другими думскими, выдвигала его преимущественно... Союзники отъ него въ восторгѣ... Кого мнѣ было еще искать? Они не знаютъ сами чего хотятъ!..

А въ это время, бойкотируемый Думой, высмѣиваемый въ печати, игнорируемый общественными организаціями, Протопоповъ, въ

дѣйствительности, былъ уже сумасшедшимъ. Онъ безтолку носился въ Парголово къ бурятскому врачевателю Бадмаеву, бывшему пріятелю Распутина, гдѣ, какъ говорятъ, имѣлъ таинственныя совѣщанія съ «нужными» людьми.

Супруга Протопопова, особа вполнѣ безхитростная, побывавшая у меня послѣ революціи, когда мужа ея заключили въ Петропавловскую крѣпость, передавала мнѣ, что мужъ ея, въ послѣднее время, страдалъ и острой безсонницей и непосѣдливою возбудимостью, и что она консультировала даже, по этому поводу, съ извѣстнымъ психіатромъ, который объяснялъ это переутомленіемъ. Одно лицо, служебно близкое Протопопову, уже послѣ революціи, говорило мнѣ, что въ послѣднее время тотъ все «путалъ», дѣлалъ противорѣчивыя распоряженія, забывалъ о назначенныхъ имъ-же самимъ аудіенціяхъ и заставлялъ ждать приглашенныхъ къ офиціальному обѣду часами, неизвѣстно гдѣ обретаясь.

Революціонный авангардъ, тѣмъ временемъ, не дремалъ. Моментъ слишкомъ благопріятствовалъ. Въ рукахъ «оппозиціи» былъ такой отличный козырь: раздувать опасенія сепаратнаго мира, будто-бы не только замышляемаго, но чуть-ли не готоваго уже къ подписи въ Царскомъ. Эта версія усиленно пускалась въ ходъ, якобы, ради подъема патріотическаго настроенія облѣнившагося тыла.

Настоящаго войска въ Петроградѣ больше не было. Гвардія, спасшая Парижъ своимъ наступленіемъ въ Восточной Пруссіи, болѣе не существовала. Оставались отъ нея только, вновь сформированные, запасные батальоны, немногаго стоющіе.

Но и это было только каплею въ морѣ, по сравненію съ массою того призывного, съ военной точки зрѣнія, сорокалѣтняго хлама, который безъ всякой энергіи муштровался на площадяхъ и въ переулкахъ Петрограда.

Нѣкоторый недостатокъ въ продовольствіи также начиналъ ощущаться: болѣе, или менѣе, длинные хвосты уже начинали вытягиваться по улицамъ у мясныхъ и хлѣбныхъ лавокъ.

Люди со средствами, однако, не терпѣли еще недостатка ни въ чемъ. Пиры еще задавались, и лучшіе рестораны изобиловали не только посѣтителями, но и всѣмъ, чѣмъ можно было удовлетворить ихъ изысканные аппетиты.

Театры и кинематографы, какъ всегда, были переполнены. Всюду чувствовалось, что «тылъ» не стѣсняется въ средствахъ. Притокъ ихъ ощущался и въ такихъ общественныхъ слояхъ, гдѣ раньше онѣ были только въ обрѣзъ.

А шептуны-предсказатели все накликали неизбѣжность революціи. Они не уставали твердить о полномъ разстройствѣ транспорта, и о быстро имѣющемъ надвинуться голодѣ не только для Петрограда, но и для боевой Сѣверной арміи.

Комиссія генерала Батюшина, созданіе генерала Алексѣева, хорошаго военнаго стратега, но весьма недальновиднаго политика и плохого знатока людей, призванная бороться съ «хищниками тыла», сама быстро превратилась въ алчнаго хищника, арестовывая направо и налѣво, завѣдомо богатыхъ людей, съ исключительною цѣлью наглаго вымогательства.

Я совершенно въ этомъ убѣдился, участвуя въ предреволюціонномъ уголовномъ процессѣ Манасевича-Мануйлова, въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, графа Татищева, директора Соединеннаго банка въ Москвѣ.

Кстати, по поводу этого судебнаго процесса, который очень возбуждалъ и безъ того возбужденное общественное мнѣніе.

Его разъ назначили къ слушанію, но тотчасъ-же сняли съ очереди.

Пошли толки, что дѣло вовсе прекращено, по Высочайшему повѣленію. Объ этомъ, дѣйствительно, усиленно хлопотали еще у Распутина.

Объ эту пору, къ великому изумленію всего судебнаго міра, былъ назначенъ министромъ юстиціи, на смѣну «приличнаго» Хвостова, ожирѣвшій отъ ночныхъ трапезъ, на чужой счетъ, кругомъ задолженый, беззаботный свѣтскій виверъ, при нуждѣ спиритъ, чтобы угодить вліятельнымъ старушкамъ, незамѣнимый собесѣдникъ, Н. А. Добровольскій.

Его имѣли въ виду, когда утверждали, что дѣло будетъ непремѣнно прекращено, чтобы избѣжать скандальныхъ разоблаченій и дискретированія власти.

Однако, у мягкотѣлаго и безпрограммнаго министра не хватило на это храбрости. Онъ рѣшилъ еще угодить общественному мнѣнію, и дѣло было заслушано судомъ.

О какомъ либо правительственномъ курсѣ въ это время смѣшно было не только говорить, но даже помышлять.

Съ каждымъ новымъ назначеніемъ власть все распылялась и распылялась, превращаясь въ нѣчто абсолютно мифическое. Бѣдный царь ѣздилъ въ Ставку и обратно, сжималъ въ своихъ объятіяхъ, неразлучнаго съ нимъ, любимаго сына, и — увы! — не чувствовалъ и не сознавалъ, что подъ его ногами уже звучитъ зловѣщая пустота. Незримой для него подземной работой пропасть подкопа была уже подъ его ногами. Еще шагъ, другой и уже безразлично,

твердый или осторожный, подкопъ неминуемо обрушится, и пропасть поглотитъ его.

Всѣ, кто были наиболѣе преданны и близки ему, уже были устранены, или сами оставили царя.

Убійство Распутина въ великосвѣтской ночной засадѣ, съ цитированіемъ при этомъ такихъ именъ, какъ князя Юсупова, великаго князя Дмитрія Павловича и монархиста Пуришкевича, и почему-то подозрѣваемыхъ яко-бы участниковъ ихъ, таинственныхъ агентовъ англійскаго посланника Бьюкенена, пробило первую кровавую брешь въ царскосельскомъ гнѣздѣ.

«Никому не позволено заниматься убійствами»! — была, будтобы, резолюція Царя на ходатайствахъ великихъ князей объ отмѣнѣ высылки великаго князя Дмитрія Павловича.

Крылатыя слова, ставшія пророческими, такъ какъ, вплоть до сегодняшняго дня, «занятія убійствами» являются лозунгомъ, разсчитаннымъ не на одно всероссійское, но и на всемірное признаніе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убійство Распутина оправдывалось, главнымъ образомъ, рѣшимостью устранить опасность сепаратнаго мира. Но и послѣ этого убійства, все осталось по старому. Власть не обновлялась, и тѣ же опасенія эксплоатировались по прежнему. Особенно усиленно ими козыряли «пораженцы» и революціонеры. А, между тѣмъ, измѣна союзникамъ, по свидѣтельству иностранныхъ военныхъ представителей, бывшихъ неотлучно съ Царемъ въ Ставкѣ, была сущая легенда, быть можетъ пущенная въ ходъ даже самыми врагами, чтобы добиться наконецъ, давно ожидаемой революціи; другими словами, развала нашего фронта.

Ее эксплоатировали на всѣ лады, и, все безразлично всасывавшее въ себя болото Россійской обывательщины судачило объ этомъ, какъ о фактѣ, благо сенсація отъ убійства Распутина, и сопровождавшихъ его сплетенъ, стала испаряться.

Подземные кроты, шнырявшіе прямымъ трактомъ изъ Берлина черезъ Данію и Швецію въ Россію, работали теперь, какъ никогда снабженные непріятельскими деньгами на «дѣло русской революціи».

Но объ этой интенсивной подпольной работѣ не только широкіе круги россійскихъ обывателей, но и тѣ, кому знать объ этомъ надлежало, полнаго представленія не имѣли.

Петроградъ продолжалъ, пока-что, усиленно веселиться и либерально судачить, носясь со стишками по адресу «стоящаго у власти» Протопопова:

«Про то Попка знаетъ,
Про то Попка вѣдаетъ»!

Глупые стишки обошли вскорѣ всю Россію и шарада ихъ тайнаго смысла услаждала сердца доморощенныхъ патріотовъ. Гадали еще о томъ, будетъ-ли преданъ суду Сухомлиновъ, бывшій военный министръ, и при томъ не иначе какъ въ качествѣ «измѣнника», хотя всѣ отлично сознавали, что этотъ слабовольный рамоликъ могъ быть повиненъ въ чемъ угодно, только не въ измѣнѣ. Не все ли равно, разъ по настроенію общества жертва была необходима!

Протопоповъ долго не рѣшался освободить Сухомлинова отъ предварительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, куда его демонстративно засадилъ Штюрмеръ, гораздо болѣе Сухомлинова, блязкій къ измѣнѣ.

Когда Сухомлинова выпустили изъ крѣпости, подъ домашній арестъ, стали толковать: «толпа ворвется въ его квартиру и растерзаетъ его». Но толпа и не думала о немъ. Спекулирующіе якобы возмущеннымъ патріотическимъ чувствомъ искали только предлога подчеркнуть лишній разъ наличность измѣны у самаго подножья трона.

Пробовали пошатывать и самый тронъ, правда, выдѣляя еще самого Царя, но такъ обидно, что лучше бы не выдѣляли.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДМАЯ.

Такъ работалъ тылъ.

Но съ фронта я получалъ иныя вѣсти.

Въ самомъ концѣ января побывалъ въ Петроградѣ командиръ полка, который радушно принималъ насъ на фронтѣ. Онъ привезъ мнѣ подарокъ. На лубкѣ, рисованные красками, виды и сцены бивуачной жизни, съ надписью внизу, что это въ память моего посѣщенія фронта. Рисовалъ какой-то чинъ его полка, и самый подарокъ былъ отъ полка.

Я пригласилъ полковника къ себѣ обѣдать и позвалъ всѣхъ товарищей по Совѣту, не забывъ при этомъ и милѣйшаго моего спутника на фронтѣ, бывшаго моего «адъютанта».

Вѣсти съ фронта полковникъ привезъ вполнѣ отрадныя: онъ держится стойко и, страшно загадывать, но сдается по всему, что еще два-три мѣсяца и противникъ попятится, начнетъ сдавать. И сейчасъ это уже чувствуется и очень бодритъ. Но всѣхъ безпокоитъ тылъ, читаютъ газеты, думскія рѣчи и ничего въ толкъ хорошенько не могутъ взять, что тутъ происходитъ, чего хотятъ...

Съ лучшими пожеланіями проводилъ я полковника, въ тотъ-же день, поздно вечеромъ на вокзалъ, совѣтуя не думать о безалаберномъ тылѣ и держать стойко фронтъ.

Въ началѣ февраля я еще разъ имѣлъ случай слышать откровенный отзывъ относительно настроенія нашего фронта изъ источника, казалось-бы, еще болѣе компетентнаго.

Жена моя, большая поклонница Италіи и всего итальянскаго, организовала въ своемъ особнякѣ, 7 февраля 1917 г. довольно людный раутъ въ честь, недолго гостившей въ Петроградѣ итальянской делегаціи.

Въ числѣ гостей былъ итальянскій генералъ Р., постоянно бывавшій въ Ставкѣ и на фронтѣ, и дипломатъ, графъ А., только-что посѣтившій Ставку и побывавшій, съ генераломъ, на фронтѣ.

Ихъ отзывы вполнѣ совпадали съ мнѣніемъ нашего полковника.

На фронтѣ ихъ всюду, какъ союзниковъ встрѣчали восторженно, настроеніе вполнѣ бодрое и увѣренность въ близкой побѣдѣ.

По ихъ мнѣнію, лѣтомъ 1917 г. война кончится. Германія вынуждена будетъ принять условія мира. Въ своемъ отзывѣ о личности царя они безусловно сходились: «c'est un honnête homme, nous avons pleine confience en lui»!

Генералъ Р. ближе знавшій царя къ этому прибавлялъ: «il est charmant, quand on le connait de près, et tout à fait gentlemen. Aucune idée de trahison ne pourra jamais envahir son âme, on a beau parler des enfluences qui l'entourent, mais à la Stavka il est bien le maître de soi même».

Долженъ прибавить, что генералъ Р. нашъ хорошій знакомый и отзывъ его былъ абсолютно конфиденціаленъ.

Я привожу все это къ тому, чтобы высказать свое убѣжденіе въ томъ, что революція въ ту минуту не только не явилась для Россіи актомъ высшаго патріотическаго напряженія, а, наоборотъ, доказала отсутствіе въ ней всякаго патріотизма.

Патріотизмъ, очевидно, слишкомъ мелкая штука, для россійской широкой души!

Враги это, въ свое время, поняли, учли и, какъ разъ въ критическую для себя минуту, использовали.

Сознательные и безсознательные элементы, способствовавшіе въ этотъ моментъ революціонному напряженію страны, одинаково преступны передъ судомъ исторіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Когда революціонный эксцесъ извергается, какъ лава изъ кратера огнедышащей горы, предостерегающія явленія естественно предшествуютъ. У насъ еще наканунѣ «великой революціи», т. е. глубочайшаго переворота для всей Россіи, явныхъ предзнаменованій того, что должно было случиться, для непосвященнаго въ подпольную работу еще не обнаруживалось.

Широкая публика ничего не подозрѣвала.

26 февраля, въ субботу, состоялся, много разъ откладывавшійся, по случаю запозданія въ изготовленіи художникомъ Головинымъ декорацій, юбилейный бенефисъ драматическаго артиста Ю. М. Юрьева.

Залъ былъ переполненъ избранною публикою. Лермонтовскій «Маскарадъ» обставленный съ небывалою, даже для Императорскаго театра, роскошью, въ Мейерхольдовской постановкѣ, переносилъ зрителей въ область, чуждую треволненіямъ дня, чуждую политикѣ, всецѣло погружая душу въ кругъ личныхъ, интимныхъ страстей и переживаній.

Отдыхали глаза, наслаждался слухъ чуднымъ Лермонтовскимъ стихомъ и уличная сутолока еще не врывалась въ театральное зало, какъ это неизбѣжно случалось два-три дня спустя.

Бенефиціантъ былъ въ ударѣ и ему много апплодировали. Когда его чествовали при открытомъ занавѣсѣ, режиссеръ подалъ ему первымъ «подарокъ отъ Государя Императора», второй «отъ вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны». Оба эти подношенія удостоились бурныхъ овацій, одинаково демонстративныхъ и по адресу бенефиціанта и по адресу царственнаго вниманія къ русскому заслуженному артисту. Отмѣчали только, что государыня Александра Феодоровна, не посѣщавшая русскій драматическій театръ, и вообще рѣдко показывавшаяся публично, ничѣмъ не откликнулась.

Случилось такъ, что и на другой день мы были въ театрѣ. На этотъ разъ въ Маріинскомъ, гдѣ былъ нашъ абонементъ въ балетѣ.

Днемъ у моей жены были визитеры, главнымъ образомъ, изъ

военныхъ. Разговоры были характерные. Заѣзжій провинціальный «уполномоченный», бывшій кирасиръ, рѣдко наѣзжавшій въ Петроградъ, возбужденно толковалъ: «говорю вамъ и казаки въ рабочихъ стрѣлять не будутъ, о солдатахъ и говорить нечего. Я побывалъ въ военныхъ кругахъ Петрограда, противъ Думы никто не пойдетъ!»

Въ это время успленно поговаривали о томъ, что Думу, по высочайшему повѣленію, распустятъ и что она рѣшила добровольно этому не подчиниться.

Другой военный, бывшій лейбъ-уланъ, теперь штабной, возмущаясь этимъ, всетаки возлагалъ надежду на казаковъ и совѣтовалъ «уполномоченному» не болтать вздора.

Артиллерійскій полковникъ, стоявшій со своей вновь сформированной батареей въ Петергофѣ, пріѣхалъ на воскресенье въ Петроградъ, чтобы побывать въ балетѣ и не хотѣлъ вѣрить ни роспуску Думы, ни серьезнымъ военнымъ столкновеніямъ.

Подъ вечеръ Полковникъ Б., состоявшій уже при четвертомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ (начиная съ Хвостова) «для порученій» телефонировалъ намъ и дружески совѣтовалъ не ѣхать сегодня въ балетъ, особенно въ автомобилѣ, такъ какъ кое-гдѣ предвидится стрѣльба, толпа можетъ нагрянуть и въ освѣщенный a giorno Маріинскій театръ.

— У страха глаза велики! — рѣшила жена, подбодренная спокойствіемъ артиллерійскаго полковника и бывшаго лейбъ-улана, приглашенныхъ къ намъ въ ложу. Обнаружить заранѣе трусость казалось ей позорнымъ и мы поѣхали, и, притомъ, какъ всегда, въ автомобилѣ.

По дорогѣ, на Дворцовой набережной встрѣчали конные наряды казаковъ, но въ общемъ все, казалось, было спокойно; выстрѣловъ не слышали. Говорили, что на Выборгской сторонѣ идутъ столкновенія рабочихъ съ полиціей и казаки, будто-бы, уже хлещутъ встрѣчныхъ нагайками.

Въ залѣ театра, несмотря на первый, самый балетоманскій абонементъ и участіе выдающейся балерины, было пустовато. Ясно было, что страхъ уже обвѣялъ театральныхъ завсегдатаевъ. Къ Кюба ужинать послѣ спектакля, какъ бывало раньше, не поѣхали.

Военные спѣшили во свояси: одинъ въ Петергофъ, къ своей батареѣ, другой въ Главный Штабъ за вѣстями.

Обратный путь къ дому совершили еще благополучно, замѣтили только, что Морская и Невскій проспектъ необычно пустынны. Въ такой часъ они обыкновенно еще кишѣли народомъ.

Кто-то въ театрѣ передалъ пущенный по городу слухъ, что

будто-бы, на чердакахъ домовъ, всюду разставлены полиціею пулеметы. Вѣроятно этотъ слухъ и разогналъ публику.

На слѣдующій день и въ послѣдующіе два дня, революція была уже въ полномъ ходу.

Понеслись по городу автомобили, наполненные вооруженными бандами солдатъ, съ красными отмѣтинами.

На окраинахъ и мостахъ, ведущихъ къ окраинѣ, завязывались настоящія сраженія. Изъ тюремъ выпускали уже арестантовъ. Горѣло зданіе Судебныхъ Установленій, сжигались судебный и прокурорскій архивы, уничтожалось дѣлопроизводство, расхищалась касса.

Съ опасностью для жизни, бывшіе въ зданіи суда адвокаты спасали цѣнные портреты нашихъ старѣйшинъ, украшавшіе комнату совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

У Таврическаго дворца, гдѣ собралась Государственная Дума, войска, переходившіе на сторону Думы, образовали компактную охрану и явились ядромъ, безповоротно рѣшившимъ судьбу Россіи.

По Знаменской улицѣ, мимо нашихъ оконъ, неслась на открытыхъ автомобиляхъ вооруженная молодежъ изъ студентовъ, рабочихъ и гимназистовъ; къ нимъ примыкали дѣвицы въ нарядѣ сестеръ милосердія.

Уже къ вечеру перваго дня было ясно, что мечты Протопопова о подавленіи революціи не осуществились. Самъ онъ, черезъ черный ходъ, сбѣжалъ изъ своей министерской квартиры, пока толпа врывалась въ сосѣднее помѣщеніе департамента полиціи, чтобы громить его. Нѣкоторое время онъ укрывался у знакомаго зубного врача, но тотъ побоялся дольше держать его и онъ явился «сдаться» въ Думу.

Городовыхъ, тѣмъ временемъ безпощадно убивали. Полицейскіе дома и участки брали приступомъ и сжигали; съ офицеровъ срывали ордена и погоны и обезоруживали ихъ; протестовавшихъ тутъ-же убивали.

Къ намъ во дворъ вечеромъ пришли «брать автомобиль». Перепуганный шоффферъ скрылся, но автомобилъ пришлось выдать, такъ какъ банда была вооружена и его взяли-бы силой.

Въ сосѣднихъ домахъ автомобили и оружіе забирали всюду, и налеты эти сопровождались обыкновенно побѣдными выстрѣлами.

Мнѣ передавали, что въ группѣ молодежи, отбиравшей мой автомобилъ, кто-то сказалъ:

— Тутъ не надо стрѣлять, зачѣмъ безпокоить Н. П.! — назвалъ меня кто-то по имени и отчеству.

Кто былъ этотъ благодѣтель: студентъ, рабочій, или помощ-

никъ присяжнаго повѣреннаго?.. Тщетное любопытство. Тогда все перемѣшалось.

На сосѣднемъ дворѣ убили дворника за то, что онъ не сразу раскрылъ ворота. Лазили по чердакамъ, все искали пулеметовъ и оружія.

Къ намъ, съ обыскомъ, въ особнякъ, милостиво не пришли; спросили только у дворника: не ставила-ли полиція пулемета на чердакѣ. Повѣрили на слово, что пулемета не имѣется.

Легенда о пулеметахъ на чердакахъ домовъ сыграла вообще не малую роль.

Была-ли вѣрна подобная версія, или это была только провокаціонная сказка, не берусь рѣшать. Но разсказы относительно пулеметовъ давали отличный поводъ обстрѣлять любой домъ и забраться въ него съ самыми разнообразными цѣлями и намѣреніями.

Жертвъ революціи, т. е. убитыхъ, по крайней мѣрѣ въ первые дни, было мало (городовыхъ, которыхъ безпощадно убивали, конечно, не въ счетъ), почему ее прославили даже «безкровной», впослѣдствіи она выросла уже въ «великую».

Власти, войско, полиція, все что призвано охранять «существующій порядокъ»ъ сдало страшно быстро. Пошла настоящая феерія. Ко дворцу Государственной Думы стали стекаться толпы, какъ толпы правовѣрныхъ въ Мекку.

Тутъ былъ центръ, гвоздь, Синай и таинственныя еще пока, подъ облачной завѣсой, скрижали «новаго завѣта».

Имя Родзянко было на всѣхъ устахъ. Одна изъ нашихъ горничныхъ, Марина, недалекая, но считавшая себя образованной, потому что вела знакомство съ «распропагандированнымъ» писаремъ изъ штаба, вѣчно бѣгала къ Думѣ и приносила въ буфетную новости.

— Какъ Родзянко только показался сейчасъ ему «ура» по всей площади... Милюковъ тоже нынче говорилъ, про проливы поминалъ, ему въ ладоши хлопали...

Только лѣнивый не говорилъ тогда передъ Думой и всѣхъ «одобряли» одинаково. Разъ Марина выпалила и такую новость: — А хорошо, если-бы Вильгельмъ согласился царствовать надъ нами... Онъ умный не то что нашъ!...

Наконецъ, пришла вѣсть объ отреченіи царя.

Въ первую минуту, какъ будто, всѣ ожили: вступитъ на престолъ Михаилъ, будетъ конституція, будетъ отвѣтственное министерство, фронтъ не развалится, все пойдетъ своимъ чередомъ спокойствіе востановится.

Не тутъ-то было.

«Прозорливые» вожди революціи убѣдили В. К. Михаила отказаться, впредь до созыва Учредительнаго Собранія. Говорили, что Керенскій и Набоковъ запугивали его, увѣряя, что онъ тотчасъ-же будетъ убитъ.

У менѣе прозорливыхъ тутъ ужъ совсѣмъ руки опустились...

Выходя на улицу всѣ нацѣпляли красные банты и ленточки; особенно старательно обезоруженные офицеры.

Я и мои близкіе этимъ не согрѣшили.

Было противно тотчасъ-же перекрашиваться.

Великіе князья, по очереди, спѣшили засвидѣтельствовать свое почтеніе передъ революціей. Командиръ Флотскаго Гвардейскаго Экипажа В. К. Кириллъ Владиміровичъ самъ привелъ свой экипажъ въ Думу для присяги Временному Правительству. В. К. Николай Михайловичъ носился по городу въ штатскомъ платьѣ и имѣлъ сіяющій видъ. Окончательно оліберальвшіеся тѣмъ временемъ газеты безпощадно хлестали «лежачаго», отрекшагося Царя, выливая на него и на его семью ушаты грязи, перетряхивая всю распутиновщину и сдабривая ее пикатною ложью.

Иначе, какъ на «демократической республикѣ» никто уже не хотѣлъ мириться.

«Великая» разыгралась во всю.

Запахъ крови, ароматъ пожарищъ и падали убитыхъ лошадей уже давалъ себя всюду чувствовать, вмѣстѣ съ плевками, лускаемыхъ бродячими солдатами сѣмячекъ, въ ожиданіи спасительнаго Учредительнаго Собранія.

Въ какіе нибудь три дня, Петроградъ сталъ неузнаваемымъ. Это была уже не щеголеватая, когда-то, столица, а базарная, загрязненная площадь, на которой отнынѣ должна была пойти бойкая торговля судьбами Россіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Часовъ въ 10 утра, 3-го марта, меня вызвали къ телефону.

— Кто говоритъ?

— Н. П., съ вами говоритъ министръ юстиціи, А. Ф. Керенскій. Сегодня въ ночь сформировано Временное Правительство. Я взялъ портфель министра юстиціи...

— Поздравляю васъ.

— Н. П., забудемъ наши разногласія. Вы должны помочь мнѣ сформировать составъ министерства и Сената... Я хочу поставить правосудіе на недосягаемую высоту

— Прекрасная задача!

— Не можете ли вы собрать вашихъ товарищей по совѣту сегодня-же? Я хотѣлъ-бы посовѣтоваться, чтобы намѣтить кандидатовъ...

— Помѣщеніе нашего совѣта погибло при пожарѣ зданія Судебныхъ Установленій.

— А вы не хотите принять меня у себя!

— Буду радъ, если это васъ устроитъ: въ которомъ часу?

— Послѣ трехъ, можно?

— Буду ждать.

Перезвонившись съ дѣлопроизводителемъ, я распорядился оповѣстить членовъ совѣта, и просилъ ихъ собраться къ тремъ часамъ у меня, въ помѣщеніи моей канцеляріи.

Къ тремъ часамъ, почти всѣ, находившіеся въ Петроградѣ, товарищи по совѣту были въ сборѣ.

«Опредѣленно-лѣвые» ликовали. Остальные, въ томъ числѣ и я безъ энтузіазма, принимали совершившійся фактъ, съ твердымъ намѣреніемъ помочь правосудію удержаться на должной высотѣ.

Общимъ оттѣнкомъ настроенія было изумленіе передъ столь быстрой смѣной декорацій. На это, повидимому, не расчитывали наиболѣе оптимистически настроенные вожди революціи. Члены Государственной Думы, рѣшившіе не подчиняться приказу о роспускѣ Думы, имѣли при себѣ, какъ говорятъ, ядъ, на случай неудачи и захвата ихъ правительственными силами, что представлялось имъ довольно вѣроятнымъ.

Въ 3 часа въ мою канцелярію, безъ доклада, суетливо проникъ громоздкій, но озабоченно-подвижный, графъ А. А. Орловъ-Давыдовъ, членъ Государственной Думы, какими-то таинственными, психологическими нитями, очень привязанный къ Керенскому.

Оскандаленный на всю Россію недавнимъ судебнымъ процессомъ артистки Марусиной (Пуаре), умудрившейся, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, развести его съ женой и женить на себѣ, подсунувъ ему якобы рожденнаго ею отъ него ребенка, графъ, послѣднее время повсюду, неотступно слѣдовалъ за Керенскимъ, возилъ его въ своемъ автомобилѣ, при чемъ самъ ѣздилъ за шоффера и, вообще, приписался къ нему въ адъютанты.

Правда, самъ Керенскій, въ свое время, не отказалъ ему въ интимной услугѣ: статъ рядомъ съ камердинеромъ графа, въ каче-

ствѣ второго шафера, при таинственномъ вѣнчаніи графа съ мнимою матерью его мнимаго будущаго младенца.

Эта пикантная подробность, случайно всплывшая при судебномъ разбирательствѣ, дала поводъ неугомонному Пуришкевичу однажды прервать въ Думѣ запальчивую рѣчь Керенскаго неожиданнымъ восклицаніемъ: «да, замолчи-же, шаферъ!»

Потѣшникъ Пуришкевичъ цѣлъ въ то время успѣхъ Думскаго клоуна и все ему сходило съ рукъ. Почуявъ, однако, что надвигаются болѣе серьезныя и отвѣтственныя времена, онъ вовсе уклонился отъ участія въ думскихъ засѣданіяхъ, работая весьма успѣшно на фронтѣ со своимъ образцовымъ питательнымъ отрядомъ и вынырнулъ вновь на «политическомъ поприщѣ» уже въ качествѣ трагическаго персонажа.

— Здравствуйте, что скажете? — Встрѣтилъ я графа, котораго зналъ хорошо, такъ какъ былъ одно время его адвокатомъ.

— Я отъ Александра Федоровича... Онъ просилъ меня предупредить васъ, что немного запоздаетъ, его задержали въ Думѣ... Вы мнѣ позволите дождаться его у васъ... Я долженъ потомъ ѣхать съ нимъ...

Я провелъ графа въ сосѣднюю комнату и онъ расположился тамъ курить и терпѣливо ждать.

Довольно скоро послѣ этого, въ передней послышалось движеніе. Швейцаръ суетливо распахнулъ двери моего рабочаго кабинета, гдѣ засѣдали мы, и въ него быстрыми шагами вошелъ Керенскій. Онъ былъ въ черной рабочей курткѣ, застегнутой наглухо, безъ всякихъ признаковъ бѣлья. За нимъ слѣдовалъ молодой присяжный повѣренный Д. въ военно-походной формѣ, какъ «призванный», работавшій въ какой-то военной канцеляріи.

Керенскій отрекомендовалъ намъ его, какъ «офицера для порученій» при немъ, министрѣ.

Графъ Орловъ-Давыдовъ не выдержалъ и высунулъ, свою, густо обросшую волосами, любопытствующую физіономію, изъ двери, чтобы насладиться зрѣлищемъ.

Отъ имени Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ я привѣтствовалъ новаго министра юстиціи, высказавъ ему пожеланіе быть стойкимъ блюстителемъ законности, въ которой такъ нуждается Россія.

Онъ отвѣчалъ тепло и искренно, называя насъ своими «учителями и дорогими товарищами», послѣ чего облобызался съ каждымъ изъ насъ.

Мы усадили его въ кресло. Одну секунду онъ былъ близокъ къ обмороку. Я распорядился подать крѣпкаго вина, и онъ, глотнувъ немного, оправился.

Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и дотронулся до его похолодѣвшей руки. Онъ крѣпко пожалъ мою.

Какая-то глубокая, затаенная жалость въ эту минуту мирила меня съ нимъ.

— Уже закружилась голова, — подумалъ я, — что то будетъ дальше!..

— Я усталъ — ужасно усталъ! — какъ-бы отвѣчая на мою тайную мысль, окончательно очнувшись, началъ Керенскій. — Три ночи совершенно безъ сна... За то свершилось... Свершилось то, чего мы даже не смѣли ждать...

Партійные его товарищи, а ихъ было нѣсколько въ составѣ совѣта, тотчасъ же стали распрашивать о подробностяхъ сформированія Временнаго Правительства.

Керенскій перечислилъ всѣхъ, при чемъ отмѣтилъ, что самымъ радикальнымъ является онъ, министръ юстиціи и генералъ-прокуроръ, и что въ дѣлѣ правосудія не будетъ мѣста никакимъ компромиссамъ, за это онъ ручается. Основательную «чистку» именно надо начать съ нашей юстиціи. Сенаторы и судьи несмѣняемы; онъ, конечно, высоко цѣнитъ этотъ принципъ, но съ большинствомъ, не нарушая принципа можно будетъ справиться... хотя бы путемъ предложенія повышенныхъ пенсій...

— Александръ Алексѣевичъ, намъ это устроитъ, не правда-ли? — обратился онъ съ этими словами къ члену совѣта Демьянову, бывшему тутъ-же, и продолжалъ. — Я назначаю Васъ, А. А., директоромъ департамента Министерства Юстиціи по личному составу... Надѣюсь вы соглашаетесь... Господа, вы одобряете?..

Никто не возразилъ, въ томъ числѣ и самъ Демьяновъ.

А. А. Демьяновъ, очень милый и мягкій, несмотря на свою ярую партійность, человѣкъ, былъ изъ адвокатовъ, дѣлами не заваленныхъ, и въ качествѣ члена докладчика, по совѣтскимъ дѣламъ, отличался значительной лѣнцой, съ вѣчными затягиваніями по изготовленію рѣшеній въ окончательной формѣ.

Иныхъ отличительныхъ чертъ его мы не знали.

— Н. П. — порывисто обратился ко мнѣ Керенскій, — хотите быть сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента? Я имѣю въ виду назначить нѣсколько сенаторовъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ...

— Нѣтъ, А. Ф., разрѣшите мнѣ остаться тѣмъ, что я есть, адвокатомъ, — поспѣшилъ я отвѣтить. — Я еще пригожусь въ качествѣ защитника...

— Кому? — съ улыбкой спросилъ Керенскій, — Николаю Романову?..

— О, его я охотно буду защищать, если вы затѣете его судить.

Керенскій откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательнымъ пальцемъ лѣвой руки по шеѣ, сдѣлалъ имъ энергичный жестъ вверхъ. Я и всѣ, поняли, что это намекъ на повѣшеніе.

— Двѣ, три жертвы, пожалуй, необходимы! — сказалъ Керенскій, обводя насъ своимъ, не то загадочнымъ, не то подслѣповатымъ взглядомъ, благодаря, тяжело нависшимъ на глаза, верхнимъ вѣкамъ.

— Только не это, — дотронулся я до его плеча, — этого мы вамъ не простимъ!.. Забудьте о Французской Революціи, мы въ двадцатомъ вѣкѣ, стыдно, да и безсмысленно идти по ея стопамъ...

Почти всѣ присоединились къ моему мнѣнію, и стали убѣждать его не вводить смертной казни въ качествѣ атрибута новаго режима.

— Да, да! — согласился Керенскій. — Безкровная революція, это была моя всегдашняя мечта...

Выборъ двухъ товарищей министра прошелъ довольно быстро. Было ясно, что только признакъ явной принадлежности къ его политической партіи улыбался новому министру, причемъ и изъ этого круга лицъ онъ старательно обходилъ имена сколько-нибудь яркія.

Обычная ошибка всѣхъ, такъ или иначе, добравшихся до власти: боязнь сколько нибудь сильныхъ людей подлѣ себя — подумалъ я, послѣ того, какъ предложенная мною кандидатура прис. повѣр. Тесленко изъ Москвы и М. В. Бернштама, изъ Петрограда, были имъ мягко отвергнуты.

Въ концѣ концовъ, въ товарищи министра юстиціи попали два хорошихъ человѣка и не дурныхъ юриста, но, съ моей точки зрѣнія, абсолютно не пригодные для предстоящей опредѣленно-быстрой, не терпящей отлагательства, работы. Оба были, скорѣе, тяжкодумы, съ невинною наклонностью къ неторопливому, о хорошихъ вещахъ, собесѣдованію.

Прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты кто-то предложилъ Переверзева. Я попробовалъ отстоять его, расхваливъ его дѣятельность на фронтѣ, и сказалъ: «оставьте его на фронтѣ, пусть онъ носится тамъ на конѣ и творитъ хорошо налаженное дѣло». Но Керенскій уже ухватился за предложенную кандидатуру: — «Пусть носится на конѣ здѣсь!.. Это для прокурора отъ революціи будетъ даже эффектнѣе. По вашимъ же словамъ онъ энергичный».

— У него энергія мирная, какая идетъ брату милосердія, для прокурора нужна другого сорта энергія, нуженъ и опытъ и навыкъ, попробовалъ я еще.

Кандидатура Переверзева была принята.

Побесѣдовали мы еще съ полчаса и напились чаю.

Керенскій, между прочимъ, намъ объявилъ, что завтра онъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, отправится въ Сенатъ для объявленія объ отреченіи царя и объ образованіи Временнаго Правительства, о чемъ должно послѣдовать сенатское опредѣленіе для опубликованія.

— А если они (т. е. сенаторы) васъ не признаютъ, такъ какъ царь, при своемъ отреченіи, указалъ на своего преемника?!.. — замѣтилъ я.

— Тогда мы, — трогая большимъ пальцемъ свою грудь, — ихъ не признаемъ! — лаконически отрѣзалъ Керенскій.

Относительно ближайшей дѣятельности министерства юстиціи онъ посвятилъ насъ въ свои планы. Будетъ немедленно образованъ цѣлый рядъ законодательныхъ комиссій для пересмотра и исправленія законовъ уголовныхъ, гражданскихъ, судопроизводственныхъ и судоустройственныхъ, причемъ положеніе объ организаціи адвокатуры, должно расширить ея автономію и обезпечить полную ея независимость.

Изъ ближайшихъ законодательныхъ декретовъ: еврейское равноправіе во всей полнотѣ и равноправіе женщинъ, съ предоставленіемъ имъ политическихъ правъ. Наконецъ, не терпящее ни малѣйшаго отлагательства, учрежденіе особой, съ чрезвычайными полномочіями, слѣдственной комиссіи, для разслѣдованія и преданія суду бывшихъ министровъ, сановниковъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, преступленія которыхъ могутъ имѣть государственное значеніе.

— Предсѣдателемъ этой комиссіи я рѣшилъ назначить московскаго присяжнаго повѣреннаго, Н. К. Муравьева, — продолжалъ Керенскій оживляясь отъ мысли о томъ, сколько благого имъ уже предначертано. — Онъ какъ разъ подходящій. Докопается, не отстанетъ пока не выскребетъ яйца до скорлупы. Къ тому-же и фамилія, для такой грозной комиссіи, самая подходящая... Трепеталиже передъ Муравьевымъ Виленскимъ и передъ министромъ юстиціи Муравьевымъ, пусть и нашъ Муравьевъ пагонитъ имъ трепета...

На прощаніе Керенскій, какъ-бы уже окрыленный оказаннымъ ему дружескимъ пріемомъ, снова расцѣловался съ нами.

Графъ Орловъ-Давыдовъ, выскочилъ изъ своей засады и, опередивъ Керенскаго, помчался къ подъѣзду.

Оставаясь съ товарищами въ продолжавшемся еще нашемъ засѣданіи, я не видѣлъ дальнѣйшаго, но домашніе разсказывали, что у подъѣзда собралась кучка любопытныхъ, привѣтствовавшая Керенскаго при его появленіи. Тутъ были дворники и прислуга нашего и сосѣднихъ домовъ, и случайно остановившіеся прохожіе. Керенскій, стоя въ автомобилѣ, произнесъ имъ краткую рѣчь, начавъ ее словами «товарищи». Графъ Орловъ-Давыдовъ, взгромоздившись въ автомобиль, отстранилъ шофера и самъ сталъ управлять имъ.

Словоохотливая наша горничная Марина, все воспринимавшая, знавшая графа, какъ бывавшаго у насъ раньше, побывавъ на митингахъ у дворца Кшесинской, принесла въ буфетную новость: — «объясняли такъ, что князья и графья, замѣсто дворниковъ, улицы будуть мести... Нашъ графчикъ не даромъ къ самому Керенскому шоферомъ подсыпался... Метлы въ руки брать охоты нѣтъ»!...

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Стоитъ-ли описывать, что было дальше?..

Въ зданіи министерства юстиціи, во всѣхъ углахъ, и утромъ, и по вечерамъ, засѣдали комиссіи. Либеральные профессора-юристы наслаждались въ нихъ своимъ собственнымъ, долго сдерживаемымъ краснорѣчіемъ. Уголовники Чужбинскій и Люблинскій, побивали въ этомъ отношеніи всѣ рекорды, не уступалъ имъ только, все еще краснорѣчивый, А. Ф. Кони, который, послѣ переговоровъ съ Керенскимъ, согласился принять должность Первоприсутствующаго Сената въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ.

Товарищъ новаго министра, А. С. Зарудный, предсѣдательствуя, руководилъ преніями, не отказывая и себѣ въ удовольствіи высказывать свое мотивированное сужденіе по поводу каждаго высказаннаго мнѣнія.

Общая комиссія подраздѣлялась на спеціальныя, а эти послѣднія на подкомиссіи и на бюро докладчиковъ.

Кто только въ нихъ не засѣдалъ. Тутъ были и вновь испеченные сенаторы, изъ адвокатовъ, и изъ, бывшихъ прежде въ загонѣ, либеральныхъ судебныхъ дѣятелей, и вновь назначенные прокуроры и предсѣдатели палатъ и окружныхъ судовъ и нѣкоторые чины прежняго министерства, зарекомендовавшіе себя, такъ или иначе, либерально. Но адвокаты всюду преобладали.

Кабинетъ новаго директора департамента, А. А. Демьянова, былъ всегда запруженъ будущими судебными дѣятелями, изъ адвокатской среды, выторговывавшими себѣ тѣ, или иныя назначенія. Изъ среды нашего совѣта многіе ушли: Винаверъ, Кн. Андрониковъ, Гуревичъ, Шнитниковъ и Н. Д. Соколовъ сдѣланы были сенаторами. Послѣдній, Соколовъ, ходилъ уже распустивши всѣ свои перья, появлялся всюду на минуту, при чемъ всюду о немъ докладывали: «Сенаторъ Соколовъ». Нигдѣ онъ не засиживался, но, направо и налѣво, сыпалъ своими директивами и указаніями и отъѣзжалъ затѣмъ дальше, развалясь въ придворномъ экипажѣ, или казенномъ автомобилѣ.

Остались вполнѣ вѣрными, совѣту и адвокатурѣ только Н. В. Благовѣщенскій, Н. Н. Раевскій и я, въ качествѣ предсѣдателя совѣта.

Мы были завалены работой по пріему, отбывшихъ свой стажъ, помощниковъ-евреевъ въ присяжные повѣренные, относительно которыхъ было снято прежнее процентное отношеніе.

Они очень спѣшили, опасаясь, что новый строй долго не удержится, и они не успѣютъ обратиться въ полноправныхъ адвокатовъ.

Въ работахъ министерскихъ комиссій, Керенскій лично не принималъ участія, но разъ онъ выступилъ съ программною рѣчью въ общемъ собраніи всѣхъ этихъ комиссій.

Появился онъ съ помпой, въ сопровожденіи двухъ, очень молодыхъ военныхъ адъютантовъ, которые ставъ по его бокамъ, старались выразительно дѣлать «стойку», поднимая и опуская глаза въ томъ же темпѣ, какъ дѣлалъ это онъ, произнося свою рѣчь.

Я съ А. Ф. Кони иногда невольно переглядывались при грубыхъ «lapsus'ахъ», въ юридическихъ экскурсіяхъ новаго министра. Но тонъ его былъ искренень и благія намѣренія очевидны. Онъ требовалъ немедленнаго устраненія всѣхъ дефектовъ, частью устарѣлаго, частью испещреннаго тенденціозными новеллами, законодательства, и все это въ возможно ближайшій срокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы къ созыву Учредительнаго Собранія, всѣ проэкты были бы уже выработаны.

Его проводили апплодисментами.

На ряду съ этимъ, административный строй новаго министерства былъ и остался въ хаотическомъ состояніи. Самый внѣшній видъ, когда-то аккуратно содержимаго, помѣщенія выглядѣлъ теперь неряшливо, чему не мало способствовали загрязнившіеся красныя тряпицы, развѣшанные кое-гдѣ, въ видѣ революціонныхъ эмблемъ.

Курьеры и сторожа безтолково мыкались отъ двери къ двери, не понимая кого нужно просителямъ, которые толпились массами въ министерскихъ корридорахъ и расходились, не добившись толка.

Все, вмѣстѣ взятое, производило впечатлѣніе какого-то временнаго пристанища пришлыхъ людей.

Почти такое-же впечатлѣніе получалось и при посѣщеніи другихъ правительственныхъ учрежденій и канцелярій.

Мнѣ случилось быть на Мойкѣ въ домѣ бывшаго военнаго министра, гдѣ принималъ теперь Гучковъ. Та же картина. Только самъ новый министръ въ огромномъ, аккуратно прибранномъ, кабинетѣ, производилъ, въ противовѣсъ растерянности чиновъ министерства, впечатлѣніе нѣкотораго, отчасти даже философскаго, спокойствія. Онъ выслушивалъ всѣхъ внимательно и, тотчасъ-же, довольно находчиво, клалъ свои резолюціи.

Я лично зналъ его и онъ со мною по-кровенничалъ.

— Вотъ, какъ видите... Я безъ охраны. Каждую минуту могутъ ворваться, убить, или выгнать отсюда... Къ этому надо быть готовымъ.

Своимъ мужествомъ онъ подкупилъ меня. Я сочувственно пожалъ ему руку.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ принималъ теперь Милюковъ, традиціи оказались сильнѣе революціи. Все было мертвенно чинно и пустынно.

Я имѣлъ у новаго министра аудіенцію въ качествѣ «предсѣдателя чрезвычайной комиссіи по разслѣдованію германскихъ звѣрствъ и нарушенія правилъ и обычаевъ веденія войны». Назначеніе это я принялъ, послѣ отставки сенатора Кривцова, причемъ поставилъ условіемъ, чтобы должность эта не была сопряжена съ сенаторскимъ званіемъ, такъ какъ я желалъ оставаться присяжнымъ повѣреннымъ.

Труды комиссіи переводились и на французскій языкъ и разсылались всѣмъ союзнымъ дипломатамъ. По поводу намѣченнаго мною изданія и литературной обработки вновь собранныхъ данныхъ я и долженъ былъ бесѣдовать съ Милюковымъ.

Настроеніе новаго руководителя нашей внѣшней политики было радужное, въ себѣ увѣренное. Онъ, казалось, уже предвкушалъ плоды побѣды...

Планъ моихъ работъ по комиссіи онъ одобрилъ и поощрилъ меня къ скорѣйшему выпуску новаго изданія, которое я хотѣлъ озаглавить: «Горе побѣжденнымъ».

При выходѣ изъ его кабинета я столкнулся съ англійскимъ

посланникомъ Бьюкененомъ. По словамъ, лично мнѣ знакомаго, дежурнаго чиновника министерства, гдѣ весь составъ служащихъ оставался прежній, Бьюкененъ ежедневно бывалъ здѣсь и по часамъ бесѣдовалъ съ Милюковымъ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, погруженный въ мечты о проливахъ и Босфорѣ, чувствовалъ себя на своемъ посту, какъ дома. Онъ и помолодѣлъ и пріосанился.

Повидимому, ему и на умъ не приходило, что не сегодня, завтра, «улица», его уберетъ съ гамомъ и крикомъ, съ бряцаніемъ оружія, согласно вражеской директивѣ и ему ничего больше не останется, какъ находчиво скаламбурить: — «не я ушелъ, а меня *ушли*»!

Пришлось мнѣ проникнуть и въ кабинетъ предсѣдателя Временнаго Правительства, министра внутреннихъ дѣлъ, князя Львова. Очаровательное впечатлѣніе производила его личность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожныя опасенія, что онъ не на своемъ мѣстѣ, проникали въ сознаніе.

Самое помѣщеніе на площади Александринскаго театра казалось уютной, барской стариной, съ своими, аккуратно разставленными, пузатыми креслами, диванами и стульями. Оставаясь въ немъ не хотѣлось вѣрить, что за его стѣнами все уже безпорядочно, взбаламученно, запленавано и безнадежно растерзано.

Самъ князь Львовъ, на своемъ посту, отнюдь не имѣлъ вида ликующаго представителя новаго, побѣднаго режима. Какая-то сосредоточенно-покорная грусть, казалось, проникала уже все его существо. Движенія и слова его были медленны и какъ-то застѣнчиво-сдержанны, точно ихъ каждую секунду кто нибудь намѣревался грубо прервать.

Когда зашла рѣчь о Керенскомъ я высказалъ откровенно о немъ свое мнѣніе. Князь на это задумчиво промолвилъ:

— Вы хорошо его знаете, вѣдь онъ изъ вашего адвокатскаго круга... Вы вѣрно судите: онъ былъ на мѣстѣ, со своимъ истерическимъ пафосомъ, только пока нужно было разрушать. Теперь задача куда труднѣе... Одного истерическаго пафоса не на долго хватитъ. Теперь и безъ того кругомъ истерика, ее врачевать надо, а не разжигать!...

Когда, уѣхавъ временно, лѣтомъ 1917 г. въ скандинавскіе страны, для опроса нашихъ интернированныхъ здѣсь военноплѣнныхъ относительно ихъ пребыванія въ германскомъ плѣну, я былъ уже въ Копенгагенѣ и прочелъ извѣстіе о выходѣ князя Львова изъ состава Временнаго Правительства и о томъ, что замѣстителемъ его въ должности предсѣдателя является никто иной, какъ тотъ же

Керенскій, я почувствовалъ, какъ лучъ надежды на скорое возстановленіе Россіи окончательно погасъ.

Настоящей, необузданной «истерикѣ» теперь ничто не могло помѣшать разыграться во всю.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Но пока что, всевозможныя комиссіи засѣдали во всю, и утромъ и вечеромъ. По министерству юстиціи, кромѣ Чрезвычайной Слѣдственной (Муравьевской), я принималъ участіе почти во всѣхъ.

Н. К. Муравьевъ, прилетѣвъ изъ Москвы, создалъ, невѣроятно громоздкую и сложную по своей организаціи и составу коммиссію. Кого онъ только въ нее не привлекъ! Многіе безработные, по случаю истребленія пожаромъ судебныхъ дѣлопроизводствъ, адвокаты, товарищи прокуроровъ и слѣдователи нашли въ ней свой пріютъ, съ повышеннымъ содержаніемъ. Арестовывали направо и налѣво. Петропавловская крѣпость вмѣщала въ себѣ всѣхъ бывшихъ министровъ, сановниковъ, генераловъ и выдающихся, такъ или иначе, личностей. Изъ женщинъ здѣсь были Вырубова и жена бывшаго военнаго министра Сухомлинова. Здѣсь же содержался одно время, заслуженный боевой генералъ Н. І. Ивановъ, недавній галиційскій герой, повинный лишь въ своей преданности царю.

Остальныя тюрьмы и помѣщенія были до насыщенія полны чинами полиціи, городовыми и всякимъ служилымъ людомъ, не измѣнившимъ присягѣ до отреченія царя. Ко мнѣ немедленно потянулись скорбныя фигуры матерей, женъ и сестеръ арестованныхъ, ища содѣйствія и защиты.

Относительно менѣе замѣтныхъ слугъ царскаго правительства мнѣ удавалось сдѣлать многое.

Разбираться во всей этой массѣ арестованныхъ было предоставлено особому комитету подъ предсѣдательствомъ незлобиваго присяжнаго повѣреннаго М. Л. Гольдштейна. Онъ дѣлалъ все, отъ него зависящее, для освобожденія невинныхъ и облегченія участи привлеченныхъ къ слѣдствію. Я ежедневно переговаривался съ нимъ по телефону, онъ понималъ меня съ полуслова и, въ тотъ же день, я узнавалъ о результатахъ моего къ нему обращенія.

Въ бывшихъ полицейскихъ участкахъ засѣдали теперь въ качествѣ временныхъ комиссаровъ все больше молодые присяжные повѣренные и ихъ помощники.

Однажды я былъ крайне изумленъ такимъ пассажемъ: звонокъ по телефону изъ окраиннаго полицейскаго участка и чей голосъ называющій меня по имени и отчеству:

— Н. П., можно освободить нѣкоего Г. задержаннаго у трамвая по доносу его бывшаго повара, котораго онъ прогналъ за пьянство? Поваръ утверждаетъ что онъ «шпіонъ», а Г. ссылается на васъ, что вы его знаете.

Я отвѣтилъ на это сообщеніемъ всего, что мнѣ было извѣстно о личности Г. и высказалъ мнѣніе, что подозрѣвать его въ шпіонствѣ не имѣю основаній.

На слѣдующій день моя жена получила отъ Г. роскошный букетъ цвѣтовъ, а я визитную карточку съ сакраментальной помѣткой: (pour remercier).

Съ тѣми, кого уже успѣли засадить въ Петропавловскую крѣпость, дѣло обстояло гораздо хуже.

У меня перебывали, въ числѣ другихъ, супруги Танѣевы, родители Вырубовой, которую извлекли прямо изъ Царскосельскаго дворца и отправили въ крѣпость.

Г-жа Танѣева, особа симпатичная и въ высшей степени правдивая, глубоко страдала отъ унизительныхъ притѣсненій, которыя ея дочь претерпѣвала отъ караула крѣпости. Въ одно изъ своихъ послѣдующихъ посѣщеній, она сообщила мнѣ, что одинъ изъ караульныхъ заправилъ уже выманилъ у нея нѣсколько тысячъ рублей, подъ предлогомъ облегченія режима содержанія ея дочери. Онъ звонилъ ей по телефону и назначалъ ей сумму и мѣсто свиданія въ какомъ-нибудь саду или скверѣ. Онъ перебралъ у нея, такимъ образомъ, уже болѣе десяти тысячъ рублей, но для г-жи Вырубовой отъ этого не послѣдовало ни малѣйшаго облегченія.

При этомъ г-жа Танѣева умоляла «пока» никому не сообщать объ этомъ, такъ какъ опасалась, что если «поднять исторію» — ея дочери будетъ еще хуже.

Въ это время Переверзевъ былъ уже министромъ юстиціи, а должность прокурора Петроградской Судебной Палаты занялъ харьковскій присяжный повѣренный Н. С. Каринскій, симпатичный и толковый человѣкъ.

Я объяснился съ послѣднимъ, оговоривъ всѣ опасенія г-жи Танѣевой.

Каринскій мнѣ сказалъ:

— Къ сожалѣнію ея опасенія вполнѣ основательны. Не знаю, какъ это повелось, но я засталъ такую картину: караулъ крѣпости самовольничаетъ. Онъ считаетъ себя призваннымъ не только охранять заключенныхъ, но и контролировать распоряженія слѣд-

ственныхъ властей подъ предлогомъ опасенія контръ-революціи. Ваше сообщеніе я очень приму къ свѣдѣнію, но къ этому надо подойти очень осторожно. Какъ только удастся смѣнить караульный составъ, я тотчасъ же возбужу уголовное дѣло по поводу этого вымогательства и остальныхъ... Это будетъ отличнымъ козыремъ въ моихъ рукахъ. Вы переговорили-бы также съ предсѣдателемъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи, Н. К. Муравьевымъ.

Маленькая бытовая подробность.

Объяснялся я съ Карпинскимъ въ его служебномъ кабинетѣ Прокурора Судебной Палаты, на Фонтанкѣ, въ зданіи бывшаго департамента полиціи, куда, послѣ пожара на Литейной, перекочевали судебныя установленія.

Когда дѣловой нашъ разговоръ былъ конченъ, Карпинскій мнѣ сказалъ:

— Н. П., можно Васъ познакомить съ моей женой?... Она большая ваша поклонница... Вчера только пріѣхала ко мнѣ изъ Харькова. —

Я, само собою разумѣется, выразилъ готовность, и полагалъ, что намъ придётся проѣхать къ нему на квартиру. Но онъ тутъ-же распахнулъ дверь въ сосѣднюю комнату, которая оказалась не его канцеляріей, какъ я ожидалъ, а спальной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дамскимъ будуаромъ, довольно изящно гарнированнымъ.

Двуспальная кровать была покрыта по розовому кружевнымъ покрываломъ и въ углу дамскій туалетъ, въ такихъ же кружевахъ, блестѣлъ всѣми флаконами духовъ и туалетныхъ принадлежностей. Молодая, сухощавая, довольно элегантная, блондинка, въ изящномъ утреннемъ капотѣ, съ ондюлированной прической на головѣ, встрѣтила радушно насъ. Замѣтивъ мое изумленіе, при видѣ столькихъ дамскихъ аксессуаровъ въ «казенномъ» мѣстѣ, она поспѣшила мнѣ объяснить:

— Бѣдный Коля теперь такъ занятъ, его рвутъ на части... Если-бы я не основалась здѣсь, мы бы вовсе не видѣлись. Такъ, не правда-ли, удобнѣе?! Гостиницы у васъ въ Петроградѣ переполнены и, надо сказать, довольно плохія, хуже нашего Грандъ Отеля... знаете, Проспера въ Харьковѣ...

Визитъ мой былъ коротокъ, такъ какъ я спѣшилъ.

Съ Н. К. Муравьевымъ я видѣлся почти ежедневно, такъ какъ онъ посѣщалъ разныя законодательныя комиссіи, въ которыхъ принималъ участіе и я, и предсѣдательствовалъ въ нашей «адвокатской» комиссіи, которая собиралась у меня.

Когда я поближе узналъ его, раньше зная его только по

московской репутаціи неугомоннаго, въ сословныхъ вопросахъ, иниціатора, пришлось значительно разочароваться относительно дѣятельности его, какъ предсѣдателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. Отзывы были единогласны: крайняя безтолковость, при очень сложно затѣянной организаціи комиссіи, и безпредѣльности ея программы.

Люди томились въ заключеніи, а до предъявленія имъ формальныхъ обвиненій было еще очень далеко. Только слѣдствіе о Сухомлиновѣ считалось «готовымъ», но это было созданіе штюрмеровскаго періода, когда Штюрмеръ рѣшилъ, что въ качествѣ бывшаго военнаго министра, можно пожертвовать Сухомлиновымъ, какъ козломъ отпущенія общественному мнѣнію, и этимъ обосновать, быть можетъ, неотвратимость даже сепаратнаго мира.

Работы адвокатской комиссіи особенно горячо принималъ къ сердцу Муравьевъ. Онъ мечталъ объ организаціи всероссійскаго сословія адвокатовъ, безъ раздѣленія по округамъ, и хотѣлъ, не ожидая созыва Учредительнаго Собранія, провести это путемъ декрета Временнаго Правительства, чтобы, въ первую голову, имѣть готовую хартію адвокатскихъ вольностей.

Я въ этомъ послѣднемъ ему не сочувствовалъ, находя, что имѣются общегосударственныя нужды, болѣе неотложныя.

Но онъ очень мудрилъ съ этимъ проэктомъ, разбрасываясь въ мелочахъ и подробностяхъ, невольно, тормозилъ работу комиссіи сложной схемой своихъ пространныхъ ораторскихъ выступленій по поводу положеній, до очевидности, простыхъ и ясныхъ.

Ближе присмотрѣвшись къ тому, какъ неутомимо, взбудораженно, всегда работалъ его мозгъ, у меня получилось впечатлѣніе, что, подъ неизбѣжнымъ костянымъ черепомъ, мозгъ его заключенъ еще въ какую-то потайную, узловатую сѣтку, которая раздражаетъ и давитъ его. Простая и краткая логическая концепція никакъ не давалась ему. Мысль его всегда работала неожиданными скачками, зигзагами и обходами, какъ бы заранѣе отвергая математическій предразсудокъ, что ближайшее разстояніе между двумя точками есть прямая линія.

По поводу жалобъ лицъ, близкихъ къ заключеннымъ въ Петропавловской крѣпости, я имѣлъ неоднократные съ нимъ переговоры. Жены почти всѣхъ заключенныхъ перебывали у меня, прося защиты, при чемъ, справедливо жаловались на то, что ихъ мужей держатъ уже мѣсяцы безъ допроса и безъ предъявленія имъ какихъ-либо обвиненій. Всѣ указывали при этомъ на крайне дурное, во всѣхъ отношеніяхъ, содержаніе въ крѣпости, на грубость и своеволіе караульной команды.

Муравьевъ соглашался со мной, что это очень печально, но оправдывался ссылками на то, что еще не вполнѣ выработана самая программа слѣдственныхъ задачъ и пріемовъ комиссіи.

— Вы понимаете, понимаете..., пояснялъ онъ мнѣ. — Наша работа должна быть работой, такъ сказать, исторической... Я бы сказалъ даже: мы должны написать всю исторію прежняго режима, чтобы безошибочно выяснить отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ.

— Прекрасно, — возразилъ я, — а живые люди не въ счетъ, подождутъ пока вы напишете исторію...

Н. К. Муравьевъ, который всегда симпатично и дружески относился ко мнѣ, и тутъ не измѣнилъ себѣ.

Онъ участливо спросилъ меня.

— А какъ-бы вы считали правильнымъ?

— Объявить немедленно общую амнистію для всѣхъ повинныхъ лишь въ томъ, что они стараго режима и не сцѣпили измѣнить присягѣ. И немедленно судить тѣхъ, кто дѣйствительно повиненъ въ какомъ либо гибельномъ для Россіи преступленіи.

— Какъ, отпустить всѣхъ контръ-революціонеровъ?! — воскликнулъ Муравьевъ. — Что вы, что вы!... Да ихъ караулъ не выпуститъ...

Этимъ восклицаніемъ я воспользовался, чтобы вычитать ему все, что было у меня на душѣ.

— Контръ-революція, если откуда-нибудь и прійдетъ, то совсѣмъ не оттуда откуда вы ее ждете. Весь хламъ, который вы держите въ Петропавловской крѣпости, всегда былъ ничтожествомъ, и, больше того, чтобы сберечь свое добро и свою шкуру, ни о чемъ не думаетъ и не мечтаетъ... Что же касается сказаннаго вами относительно караула, который можетъ ихъ отпустить, или не отпустить, то лучше забудьте вашу обмолвку... Я бы секунды не оставался предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, которая не вправѣ распоряжаться судьбою заключенныхъ. Дѣйствуйте законно и не соображайтесь съ остальнымъ.

Муравьевъ пожалъ плечами.

— Что вы хотите!.. А въ Кронштадтѣ еще хуже!.. Тамъ и морятъ голодомъ и убиваютъ заключенныхъ офицеровъ, только за то, что они офицеры... Приходится, поневолѣ, дѣйствовать съ крайней осторожностью... Я, вѣдь, не одинъ въ комиссіи!..

Послѣднее его указаніе я принялъ къ свѣдѣнію, и, въ пространномъ письмѣ на имя комиссіи, излилъ всю горечь адвоката и юриста, по поводу ненормальнаго задержанія людей подъ стражей

и, при томъ въ тяжкихъ условіяхъ казематнаго содержанія, безъ предъявленія имъ въ теченіи мѣсяцевъ какого-либо обвиненія.

Кое-кого удалось освободить, или перевести въ больницы, но это была только капля въ морѣ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Въ одинъ изъ ближайшихъ послѣреволюціонныхъ дней у меня побывалъ адъютантъ великаго князя Бориса Владиміровича, задержаннаго по пути изъ Ставки и содержимаго подъ арестомъ въ своемъ собственномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ.

— Великій князь поручилъ мнѣ узнать: согласились-ли бы вы принять на себя его защиту?

— Въ чемъ же онъ обвиняется?

— Пока ни въ чемъ.. Кажется и не въ чемъ... Но онъ подъ строгимъ арестомъ. Я какъ нибудь сообщу ему вашъ отвѣтъ, меня уже не допускаютъ къ нему...

— Передайте великому князю, что охотно буду защищать его. Надо, однако, надѣяться, что дѣло до этого не дойдетъ. Я постараюсь разузнать въ чемъ дѣло.

Въ министерствѣ юстиціи, послѣ многихъ справокъ выяснилось, что арестовали его по «недоразумѣнію». Постарались какіе-то добровольцы, рѣшившіе, что великій князь, уже по самому своему званію, подлежитъ революціонной репрессіи.

Арестовывалъ въ эти дни всякій, кому только не лѣнь было, забѣгая впередъ, чтобы самому не быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи контръ-революціи.

Арестъ былъ вскорѣ снятъ. И я счастливъ знать, что и сейчасъ великій князь Борисъ Владиміровичъ гдѣ-то въ безопасномъ мѣстѣ, и что его не постигла участь многихъ другихъ великихъ князей, повинныхъ лишь въ томъ, что они родились въ этомъ званіи.

Къ нѣсколько болѣе позднему времени надо отнести усиленныя посѣщенія меня женами и матерями морскихъ офицеровъ, задержанныхъ въ Кронштадтѣ матросскими бандами, которые начали творить тамъ судъ и расправу самочинно.

Участь этихъ несчастныхъ офицеровъ скоро стала не только печальной, но, во истину, трагичной.

Послѣ многихъ звѣрскихъ убійствъ въ Кронштадтѣ, тамъ образовалась своя «Республика» и свой разнузданный, категорическій императивъ по части издѣвательской расправы надъ заключенными.

Я не могъ молчать и написалъ въ тамошній «совѣтъ» или «комиссаріатъ», вѣдавшій арестованными, письмо, въ которомъ, упомянувъ о своей политической безпартійности, просилъ допустить немедленно защиту для обвиняемыхъ морскихъ офицеровъ, безъ чего никакая расправа надъ ними не можетъ почитаться справедливою и законною, съ точки зрѣнія минимальныхъ требованій морали. Подобная расправа пятнитъ прежде всего тѣхъ, кто къ ней прибѣгаетъ. При этомъ я заявлялъ, что готовъ сорганизовать соотвѣтствующій составъ защиты, ставъ во главѣ ея.

На это я получилъ скоро, довольно вѣжливый отвѣтъ. Въ немъ говорилось, что защита при судѣ, конечно, будетъ допущена, но что пока это еще преждевременно, такъ какъ дѣла объ арестованныхъ морскихъ офицерахъ находятся либо въ стадіи дознанія, либо-предварительнаго слѣдствія.

Между тѣмъ, слухи о жестокихъ издѣвательствахъ и насиліяхъ надъ офицерами доходили до меня со всѣхъ сторонъ, и что-то, по истинѣ кошмарное творилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петрограда.

Въ это время еще Керенскій былъ министромъ юстиціи и я рѣшилъ объясниться съ нимъ по этому предмету. Его не такъ легко было уже заставать теперь и предстояло выбирать для этого подходящую минуту. Частыя засѣданія Временнаго Правительства, поѣздки въ Царское Село, выступленія на митинговыхъ собраніяхъ отнимали у него все время, а въ министерствѣ юстиціи принимали его товарищи, оба нерѣшительные тяжкодумы. Случай мнѣ, однако, помогъ вскорѣ съ нимъ увидѣться.

Объ эту пору уже прибыла въ Петроградъ и была торжественно встрѣчена «бабушка русской революціи» Е. К. Брешковская, бывшая моя подзащитная по процессу 193-хъ. Однажды вечеромъ мнѣ сообщили по телефону, что она проживаетъ въ квартирѣ министра юстиціи и была бы рада повидать меня.

На слѣдующій же день, въ условленное время, послѣ восьми часовъ вечера, я отправился къ ней. Черезъ подъѣздъ съ Итальянской улицы я безпрепятственно проникъ въ министерскую квартиру, несмотря на вооруженный караулъ въ прихожей. Министерскіе сторожа знали меня хорошо и покровительственно расчистили мнѣ путь.

— Вамъ кого? — Спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— Брешковскую.

— А, бабушку!.. Пройдите на верхъ, тамъ, черезъ бильіардную, прямо... ее и найдете.

Я поднялся по внутренней лѣстницѣ, ведущей одновременно и въ квартиру и въ министерскую домовую церковь, гдѣ случалось бывать.

Въ пустынной бильіардной комнатѣ два мальчика, лѣтъ 9—10 катали руками по бильіарду шары и щелкали ими во всю.

Я сообразилъ, что это дѣти Керенскаго и спросилъ: какъ найти «бабушку Брешковскую»? Они оба разомъ указали мнѣ на дверь, съ которой начиналась анфилада комнатъ и младшій сказалъ: «тамъ она и есть!»

Пришлось пройти три комнаты. Въ первой, проходной никого не было. Во второй, малой гостиной, на низкомъ диванчикѣ, у стѣны, полулежали двѣ женскія фигуры, откинувшись въ разныя стороны, по виду курсистки, не гладко причесанныя.

Я поклонился на ходу, но, кажется, онѣ мнѣ не отвѣтили.

Въ слѣдующей, обширной угловой гостиной, за большимъ круглымъ столомъ, стоявшимъ на самой серединѣ комнаты, сидѣли прямо другъ противъ друга, двое: молодой человѣкъ, котораго я увидѣлъ первымъ, и потомъ уже разглядѣлъ, по другую сторону стола, совершенно сѣдую, но съ черными живыми глазами, упитанную старуху, въ которой не сразу призналъ Брешковскую, когда-то сухощавую и очень подвижную.

Во истину, — бабушка!

«Бабушка» радушно поздоровалась со мною, потрясла крѣпко мою руку и сказала:

— Ну присядьте-же, вотъ гдѣ свидѣлись... Васъ я бы сразу узнала, правда, я вашъ портретъ въ послѣднемъ изданіи вашихъ рѣчей видѣла...

Указывая мнѣ на молодого человѣка, подлѣ котораго на столѣ были исписанные листы и письменныя принадлежности, она мнѣ отрекомендовала его:

— Мой секретарь, записки свои диктую, вѣдь многое перевидала...

Подъ низкимъ абажуромъ мягкой электрической лампы, освѣщающей только большой круглый столъ, въ то время, какъ всѣ углы большой комнаты оставались въ полутьмѣ, было уютно, и воспоминанія о прошломъ безхитростно, нескладно, поплелись въ перемежку.

Молодой секретарь внималъ имъ съ благоговѣніемъ. Насъ прервалъ только довольно шумный приходъ, съ той же стороны, от-

куда пришелъ и я, молодого человѣка, лѣтъ тридцати, въ военно-походной формѣ, жизнерадостнаго вида.

— Вы не знакомы? — спросила «бабушка». — Мой сынъ, писатель, Брешко-Брешковскій!..

Литературная физіономія писателя Брешко-Брешковскаго, мнѣ была только отчасти извѣстна, и какъ-то не вязалась въ моей головѣ съ революціонной карьерой «бабушки». Тѣмъ болѣе трогательнымъ показалось мнѣ ихъ дружеское, повидимому, уже не первое, свиданіе.

Материнская ласковость съ одной стороны, и почтительный сыновній тонъ съ другой.

Изъ несложной ихъ при этомъ бесѣды помню только, что онъ сообщилъ ей объ изготовленной имъ пьесѣ для синематографа, которая будетъ имѣть (или уже имѣла) большой успѣхъ, на что она замѣтила: «что-жъ, это очень хорошо!»

Онъ куда-то спѣшилъ и поцѣловалъ ей руку, а она поцѣловала его, при этомъ, въ лобъ.

Его приходъ вспугнулъ наши воспоминанія, и я готовился уже встать и откланяться.

Въ эту минуту въ боковыхъ, затемненныхъ дверяхъ, ведущихъ изъ внутреннихъ комнатъ, я замѣтилъ фигуру Керенскаго.

— Я не помѣшаю? — послышался его голосъ оттуда.

Я пошелъ ему навстрѣчу, и поздоровался, радуясь, что могу теперь-же условиться съ нимъ относительно дѣлового свиданія.

— Александръ Федоровичъ, мнѣ настоятельно необходимо видѣться и поговорить съ вами о кронштадтцахъ... Когда я могъ-бы?..

— Да, это вопросъ настоятельный Хотите завтра? Можетъ быть вы позавтракаете съ нами?.. — какъ-то нерѣшительно пригласилъ онъ, и тутъ-же прибавилъ: — потомъ и поговоримъ! —

— Охотно, въ которомъ часу?

— Такъ, въ часъ...

Обратившись къ «бабушкѣ», онъ сказалъ:

— Записки подвигаются? Хорошо вспоминается молодость...

Тутъ онъ и простился съ нами, сказавъ, что ѣдетъ на «малое совѣщаніе» Временнаго Правительства.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ съ «бабушкой» я приготовился ретироваться. Когда я уже всталъ и простился съ «бабушкой», изъ той-же внутренней двери, откуда появился Керенскій, неожиданно вошла его жена, Ольга Львовна Керенская.

Я познакомился съ нею въ одномъ изъ послѣ-революціонныхъ общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ она, съ

моего разрѣшенія, дѣлала сборъ въ пользу освобо[illegible]денныхъ «политическихъ», вернувшихся изъ ссылки. Сборъ этотъ имѣлъ успѣхъ, и сама она удостоилась шумныхъ овацій.

Очень моложавая на видъ, энергичная и подвижная, она производила впечатлѣніе плохо упитанной курсистки, нервно и повышенно воспринимающей жизненныя тяготы. Блѣдное лицо ея, обрамленное свѣтло-русыми, зачесанными къ низу волосами, было скорѣе пріятно.

— Александръ Федоровичъ, — сказалъ я ей на прощанье, — позвалъ меня завтра къ вамъ завтракать... Вы разрѣшаете?..

Она посмотрѣла на меня большими глазами, но тутъ-же какъ бы сообразивъ, что это съ моей стороны только «свѣтскій пріемъ», довольно тонно, протягивая мнѣ руку, сказала:

— Пожалуйста!..

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Ровно въ часъ, на другой день, я входилъ въ столовую министерской квартиры, гдѣ шелъ шумный говоръ и гдѣ всѣ уже сидѣли за длиннымъ обѣденнымъ столомъ.

Мѣсто подлѣ хозяйки, сидѣвшей на ближайшемъ отъ двери краѣ стола, прямо противъ мужа, было оставлено для меня.

— Я опоздалъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Керенскій. — Мы, по походному, собрались и сѣли, такъ удобнѣе говорить... Теперь всѣ на лицо, можно подавать...

Я поздоровался только съ хозяйкой, съ «бабушкой», сидѣвшей справа отъ нея, и съ Керенскимъ, и сдѣлалъ затѣмъ общій поклонъ.

Человѣкъ двадцать, а то и болѣе, сидѣло за столомъ, не считая еще двухъ сыновей Керенскаго, которые наканунѣ катали шары въ бильярдной и указали мнѣ, гдѣ я найду «бабушку». Я перекинулся съ ними привѣтствіемъ.

Ориентироваться въ томъ, въ какой я очутился компаніи и кто именно всѣ эти, мною дотолѣ, невидѣнныя лица, было не легко. Всѣ говорили разомъ и разслышать, что говорилъ каждый изъ нихъ не представлялось возможности. Но ихъ внѣшнему виду также мудрено было ориентироваться: очень разношерстными они мнѣ показались, хотя общая печать возбужденія и нервности была присуща имъ всѣмъ. Костюмы также не говорили ничего опредѣленна-

го, такъ они были разнообразны и случайны. Двое-трое были въ военно-походной формѣ, нѣкоторые въ рабочихъ тужуркахъ, на подобіе той, въ которой теперь всюду появлялся Керенскій, но были и обыкновенные пиджаки и даже одинъ черный сюртукъ, при бѣломъ галстукѣ, сидѣвшій очень мѣшковато на пожиломъ, сухощавомъ, въ очкахъ, господинѣ.

Не вступая въ общій разговоръ, или скорѣе въ перекрикиванія присутствующихъ отдѣльными, другъ къ другу, обращеніями и вопросами, такъ какъ это было бы совершенно невозможно, я ограничился бесѣдой съ хозяйкой и «бабушкой», подлѣ которыхъ чувствовалъ себя болѣе уютно.

Только съ ихъ словъ я понялъ, что большинство присутствующихъ «политическіе», частью только что возвращенные изъ ссылки, частью вернувшіеся изъ за границы, откуда въѣздъ въ Россію былъ для нихъ раньше не безопасенъ.

Блюда вполнѣ скромнаго завтрака подавались, довольно нескладно, двумя министерскими курьерами (теперь «товарищами»), одѣтыми въ лѣтнія коломянковыя тужурки. Вина на столѣ не было, но былъ квасъ и вода.

Пухлыя салфетки и вся сервировка напоминали буфетъ второстепенной желѣзнодорожной станціи, да и сами, завтракавшіе за однимъ столомъ, люди казались сборищемъ куда-то спѣшащихъ пассажировъ, случайно очутившихся за общей буфетной трапезой.

Послѣ завтрака Керенскій мнѣ кое-кого представилъ.

— Вотъ прапорщикъ Козьминъ, прямо съ каторги! Его мы назначимъ помощникомъ начальника петроградскаго гарнизона. Либо его убьютъ солдаты, либо онъ ихъ сломитъ и заставитъ идти на фронтъ, — сказалъ онъ полу-шутя, полу-серьезно, пока я здоровался съ сухощавымъ, съ темнымъ лицомъ, въ военной формѣ не совсѣмъ молодымъ прапорщикомъ.

Познакомилъ онъ меня и съ господиномъ, показавшимся мнѣ суетливо-возбужденнымъ, съ шевелюрой и бородой, не мало, повидимому, страдавшихъ отъ его легкой возбуждаемости, такъ какъ онъ часто хватался за голову, и не мало теребилъ свою бороду.

— Черновъ!

Стыжусь сознаться, но, въ то время, это имя мнѣ еще ровно ничего не сказало. Въ послѣднее время я мало зналъ составъ нашихъ революціонныхъ знаменитостей.

Съ Черновымъ мы прошлись нѣсколько разъ по залѣ, гдѣ всѣ разбились на группы. О чемъ была наша бесѣда не вспоминаю, да она какъ-то все обрывалась... Его бѣгающіе по сторонамъ глаза и нервныя безпокойныя движенія мало располагали къ откровен-

ности. Казалось, что его голова уже упорно чѣмъ-то занята и что весь онъ во власти какого-то нетерпѣливаго ожиданія.

По временамъ онъ, какъ будто, самодовольно потиралъ руки, на лицѣ его, довольно подвижномъ и выразительномъ, распускалось при этомъ что-то вродѣ затаенной торжествующей усмѣшки, какъ будто онъ мысленно говорилъ: «вотъ, вотъ, я здѣсь, я здѣсь!.. Мы все это узнаемъ, все устроимъ, мы тутъ, мы не даромъ тутъ!»

Я пробовалъ заинтересовать его моими сообщеніями относительно кронштадтскихъ звѣрствъ и относительно нежелательныхъ эксцессовъ революціи, но его, повидимому, все это мало интересовало и онъ никакъ на мои сообщенія не реагировалъ.

Какая-то своя доминирующая его мозгъ, идея не давала ему покоя...

Когда къ намъ подошелъ Керенскій, мнѣ не показалось чтобы они были дружны, или очень близки. Черновъ, заложивъ руки глубоко въ карманы своихъ брюкъ, также — загадочно-разсѣянно, слушалъ его, какъ раньше велъ бесѣду со мною.

Я спросилъ Керенскаго, когда же мы поговоримъ о кронштадтскихъ плѣнникахъ. Но онъ уже куда-то спѣшилъ и почти на ходу сказалъ мнѣ:

— Да, да, я объ этомъ подумалъ и скоро, очень скоро сообщу вамъ свой планъ... Простите, надо ѣхать... Автомобиль уже ждетъ.

Всѣ стали расходиться.

Я прошелъ внутреннимъ коридоромъ въ помѣщеніе министерства юстиціи, гдѣ, въ одномъ изъ большихъ кабинетовъ, должна была сейчасъ засѣдать комиссія по пересмотру и обновленію устава уголовнаго судопроизводства, членомъ которой состоялъ и я.

Ораторскій турниръ былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Вновь испеченный сенаторъ, Оскаръ Грузенбергъ, нервно и желчно что-то доказывалъ, а профессоръ (тоже возведенный въ сенаторы) Чубинскій сладко-пѣвно, елейно-тягуче ему возражалъ. Предсѣдательствующій, Зарудный, возражалъ имъ обоимъ, и предлагалъ свою собственную «конструкцію защиты на предварительномъ слѣдствіи».

Всѣ высказывались по этому вопросу, не зная какъ лучше оградить «права обвиняемаго», а во мнѣ, въ это время, все горѣло внутри. Хотѣлось бросить всѣмъ этимъ застольнымъ юристамъ жестокое слово негодованія по поводу безплодной траты времени, силъ и словъ... безконечнаго количества словъ. Обдумывать мельчайшіе оттѣнки и тонкости спасительныхъ благопожеланій, когда

кругомъ царитъ явное безправіе и грубѣйшее нарушеніе самыхъ примитивныхъ основъ правосудія.

Жалкимъ фарисействомъ, постыднымъ самообманомъ показалось мнѣ собственное мое участіе во всѣхъ этихъ безплодныхъ комиссіяхъ и когда поднялся еще профессоръ Люблинскій, чтобы «сказать и свое слово», я шумно отодвинулся отъ стола и поспѣшно ретировался.

Вѣдь потомъ будетъ еще краснорѣчиво говорить А. Ф. Кони, а тамъ и только что прибывшій изъ своей «чрезвычайки» Н. К. Муравьевъ; не утерпитъ и будущій обвинитель четы Сухомлиновыхъ оберъ-прокуроръ Носовичъ и, пожалуй, «прибудетъ» еще со своими директивами самъ «сенаторъ Соколовъ»...

А послѣ не утерпятъ и станутъ возражать и Грузенбергъ, и Чубинскій, и Люблинскій... и, въ заключеніе, товарищъ министра, Зарудный, не упуститъ случая «кратко резюмировать», т. е.: пространно перефразировать все сказанное... А сказано-то, сказано!.. Если-бы собрать всю эту энергію словъ, казалось-бы гору можно сдвинуть...

Но не только «гора» не сдвигалась, но и кронштадтская западня не распахивалась и, ежеминутно грозившая подслѣдственнымъ заключеннымъ, мученическая смерть, была единственной организованной для нихъ защитой, о которой велись всѣ эти тонкіе дебаты.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ самомъ Петроградѣ, тѣмъ временемъ, большевистская пропаганда, параллельно съ анархической, работала во всю.

Особнякъ балерины Кшесинской, дача Дурново и еще кое-гдѣ цѣлыя усадьбы, по окраинамъ, были къ услугамъ и въ безконтрольномъ распоряженіи носителей самыхъ черныхъ замысловъ. Отъ времени до времени оттуда направлялись по люднымъ улицамъ Петрограда «мирныя» демонстраціи вооруженнаго сброда. Надо было видѣть эти лица, съ тупымъ, звѣринымъ выраженіемъ, чтобы понять, что ихъ въ видѣ «пробы» выпускаютъ для устрашенія обывателя, съ увѣренностью безнаказанности вывѣшиванія такихъ плакатовъ, какъ «смерть буржуямъ»..., «штыкъ имъ въ животъ»..., «долой капиталистовъ, поповъ, офицеровъ», и. т. п.

Гуманныя власти не рѣшались имъ препятствовать, находя, что это лишь «выраженіе мнѣній», которыя въ свободной странѣ

должны быть свободны. Любопытно было-бы видѣть, что бы сказали тѣ-же «гуманныя» власти, если-бы по Невскому проспекту двинулась процессія съ пѣніемъ «Боже царя храни?» Или уже это была-бы контръ-революція!..

Такимъ образомъ, большевистская пропаганда велась совершенно открыто и никто не находилъ это явленіемъ антигосударственнаго характера, при которомъ переходъ отъ слова къ дѣлу, вполнѣ естественъ. То-же творилось и въ Царскомъ Селѣ и въ ближайшихъ къ Петрограду мѣстностяхъ.

Кто-то, кого-то разстрѣливалъ въ Шуваловѣ; гдѣ-то пьяные солдаты проткнули штыкомъ мирно возвращавшагося домой присяжнаго повѣреннаго; кого-то бросили живымъ въ прорубь и онъ утонулъ... Убійства, то здѣсь, то тамъ, совершались ежедневно, и при свѣтѣ дня, и въ ночную пору, и уже никого не удивляли, оставаясь безнаказанными. Всякій преступникъ могъ легко укрыться въ любомъ «анархическомъ» убѣжищѣ, особенно надежно на дачѣ Дурново, пріобрѣвшей славу совершенно неприступной крѣпости.

Кронштадтъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все, болѣе и болѣе, дичалъ своею безобразною обособленностью, являясь уже почти совершенно отрѣзаннымъ, отъ остальной Россіи, ломтемъ.

Судьба плѣнныхъ кронштадтскихъ офицеровъ, обреченныхъ на произволъ матроской черни, иллюстрировала наглядно, на всю Россію, безсиліе власти Временнаго Правительства.

Привѣтъ «углубленію революціи» и опасеніе «контръ-революціи» олицетворялись въ Керенскомъ съ перемежающимся упорствомъ, и, въ слѣпотѣ своей, онъ не замѣчалъ, что уподобляется игрушечному паяцу, котораго дергаетъ по произволу то, или другое, партійное настроеніе, согласно вражескимъ директивамъ.

Каждая новая брешь въ первоначальномъ составѣ Временнаго Правительства, обязавшагося довести страну до Учредительнаго Собранія, свидѣтельствовала о систематическомъ натискѣ на него разлагающихъ всякую государственность, элементовъ, преслѣдующихъ единственную конечную цѣль революціи — захватъ власти.

Мнѣ пришлось бесѣдовать однажды съ генераломъ Корниловымъ, бывшимъ тогда начальникомъ Петроградскаго гарнизона. Онъ былъ въ отчаяніи. Ему не давали сдѣлать шага, дискредитируя всякую его попытку навести порядокъ, дисциплинируя войска.

Лѣвые вполнѣ неосновательно подозрѣвали его въ тяготѣніи къ старому режиму, а «истинно» правые, черносотенцы въ томъ, что онъ клонитъ къ демократической республикѣ.

Обѣ стороны стремились къ временной анархіи, исключитель-

но во имя своихъ противуположенныхъ партійныхъ цѣлей. Одни слѣпо мечтали: черезъ анархію къ монархіи, другіе черезъ нее-же къ коммунизму и большевизму.

Корниловъ-же скромно мечталъ лишь о спасеніи Россіи.

Керенскій, съ легкомысленнымъ самомнѣніемъ, не хуже Протопопова, полагалъ однако, что такъ какъ онъ «у власти» то все, само собою, «образуется».

Послѣ довольно длительнаго раздумья относительно судьбы кронштадтцевъ онъ, наконецъ, откликнулся. Мнѣ позвонили по телефону изъ министерства юстиціи:

— А. Ф. Керенскій проситъ васъ принять товарища прокурора Палаты Х., которому поручено сообщить вамъ соображенія министра по поводу вашихъ хлопотъ объ арестованныхъ въ Кронштадтѣ офицерахъ.

Въ тотъ-же вечеръ былъ у меня Х., и мы побесѣдовали.

Моя личная поѣздка въ Кронштадтъ, въ весьма деликатныхъ оговоркахъ, какъ я понялъ, исключалась. Она не считалась министромъ, въ виду недостаточно окрашенной моей «лѣвизны», продуктивной и могла бы причинить мнѣ лично непріятности. Но онъ просилъ меня рекомендовать «подходящаго» присяжнаго повѣреннаго изъ молодыхъ, съ достаточно «лѣвой» репутаціей, который, по моему мнѣнію, могъ-бы представлять собою петроградскую адвокатуру въ той, посылаемой имъ, министромъ, въ Кронштадтъ, комиссіи, задача которой должна заключаться въ разслѣдованіи вины задержанныхъ моряковъ-офицеровъ.

Послѣ нѣкотораго раздумья я остановился на М. Е. Ѳеодосьевѣ. Онъ былъ довольно удачный уголовный защитникъ, и умѣлъ говорить съ толпой; по своему происхожденію изъ морской семьи, зналъ хорошо бытъ и нравы морской среды. Но главный его плюсъ заключался въ томъ, что, не будучи ярко партійнымъ, онъ побывалъ въ большой, судебно-политической передѣлкѣ. И онъ, и жена его фигурировали, при Столыпинѣ, въ процессѣ лейтенанта флота Б. Н. Никитенко, обвинявшагося въ организаціи покушенія на цареубійство.

Никитенко, бывшій (по первому моему браку) со мною въ свойствѣ, былъ повѣшенъ, а Ѳеодосьевъ и его жена (родственница Никитенко) были, за недостаточностью уликъ, оправданы. Тѣмъ не менѣе, еще до суда, Ѳеодосьевъ долго протомился въ Петропавловской крѣпости. Я и считалъ, что такой «послужной списокъ» въ глазахъ «лѣвыхъ», долженъ имѣть свою цѣну.

Мой выборъ оказался вполнѣ удовлетворяющимъ Керенскаго.

Слѣдственная комиссія, которую согласились допустить къ се-

бѣ кронштадтцы, должна была дѣйствовать подъ руководствомъ прокурора Петроградской Судебной Палаты, которымъ, въ то время, состоялъ еще Переверзевъ.

Работа комиссіи, которая засѣдала публично, на первыхъ порахъ, казалось, пошла весьма успѣшно. Нѣкоторыхъ офицеровъ удалось вовсе отпустить, иныхъ перевести, въ качествѣ подлежащихъ формальному слѣдствію и суду, въ Петроградъ.

Какъ мнѣ сообщилъ Ѳеодосьевъ, предъявленныя къ большинству арестованныхъ обвиненія, были явно нелѣпы. Одному ставилось въ вину, что онъ «фанфаронъ», другому, что онъ «глупъ, а воображаетъ себя умнымъ», третій подозрѣвался въ томъ, что онъ «контръ-революціонеръ», такъ какъ «всегда одѣвался франтомъ и носилъ перчатки» и еще многое въ такомъ родѣ.

Режимъ, которому подвергали этихъ несчастныхъ въ сырыхъ и холодныхъ помѣщеніяхъ, по словамъ того-же Ѳеодосьева, который побывалъ въ ихъ камерахъ, былъ самый ужасный. Ихъ систематически унижали, заставляли дѣлать самыя грязныя работы, нѣкоторыхъ били и за малѣйшій протестъ грозили смертью.

Не успѣла комиссія пересмотрѣть «дѣла» и десятой части арестованныхъ, какъ притязанія на самостоятельность «независимой Кронштадтской республики» вспыхнули съ новой силой.

Вооруженныя толпы матросовъ ринулись на площадь морского собранія, гдѣ происходили засѣданія комиссіи и заявили требованіе объ арестованіи самихъ членовъ слѣдственной комиссіи. Только находчивость, мягкость рѣчи и митинговый навыкъ Переверзева, дали ему самому, и всѣмъ членамъ комиссіи, возможность, уже поздней ночью, по добру, по здорову, выбраться изъ Кронштадта, чтобы болѣе туда не возвращаться.

Большая часть плѣнниковъ-офицеровъ, по прежнему, осталась во власти расходившихся, пуще прежняго, матроскихъ бандъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Участь отрекшагося царя и всей его семьи, арестованныхъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, не могла не интересовать всѣхъ честныхъ людей.

Я живо представлялъ себѣ печальный трагизмъ ихъ положенія и, естественно, интересовался ихъ судьбой.

Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ Керенскій впервые

посѣтилъ Царскосельскихъ узниковъ, мнѣ пришлось съ нимъ видѣться. Насъ было нѣсколько въ его кабинетѣ, все товарищей, присяжныхъ повѣренныхъ, когда онъ только-что вернулся изъ Царскаго Села. Мнѣ показалось, что Керенскій былъ нѣсколько взволнованъ; во всякомъ случаѣ, къ чести его, долженъ отмѣтить, что онъ не имѣлъ торжествующе-самодовольнаго вида.

По его словамъ, съ государемъ, или, какъ онъ называлъ его, Николаемъ II-мъ, онъ имѣлъ довольно продолжительную бесѣду. Царь представилъ ему и наслѣдника.

Кто-то спросилъ Керенскаго: правда-ли, что наслѣдникъ упорно допрашивалъ его: вправѣ-ли былъ отецъ отречься за него отъ престола? На это Керенскій, съ усмѣшкою, сказалъ: «не думаю, чтобы онъ меня принялъ за адвоката. Онъ со мною ни о чемъ не консультировалъ. Повидимому, онъ очень привязанъ къ отцу...»

Относительно государыни онъ обмолвился: «она во всей своей замкнутой гордынѣ. Едва показалась, и... приняла меня по-императорски...»

Я поинтересовался знать: какъ онъ Керенскій титуловалъ царя.

На это Керенскій живо, въ свою очередь, спросилъ меня:

— А какъ-бы вы, будучи на моемъ мѣстѣ, его величали?

— Разумѣется, «Вашимъ Величествомъ», — сказалъ я съ настойчивостью. — То, что онъ былъ царемъ и царствовалъ втеченіе 22 лѣтъ, отнять вы у него не можете.

— Я уже не помню, какъ обмолвился..., — не желая, видимо, отвѣтить прямо, оборвалъ Керенскій затронутую тему.

На самыхъ первыхъ порахъ, обстановка, въ которой содержался царь и его семья, еще носила слѣды почетнаго плѣна и не была слишкомъ стѣснительна. Охрана была только вокругъ дворца, внутри-же плѣнники могли видѣться не только между собою, но и съ своею небольшою свитою, оставшейся имъ вѣрной. Вырубова, до перевода ея въ Петропавловскую крѣпость, бывала неотступно при государынѣ.

Гучковъ, въ качествѣ военнаго министра, начальникомъ внутренняго караула дворца назначилъ бывшаго лейбъ-улана П. П. Коцебу, старшій братъ котораго долгое время состоялъ адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича.

Свѣтски-дисциплинированный, безпартійно-тактичный Коцебу, своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ положенію царственныхъ плѣнниковъ, былъ вполнѣ на мѣстѣ. Онъ исполнялъ свой долгъ, повинуясь данной ему инструкціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускалъ въ своихъ пріемахъ ни малѣйшей бравады дурного тона, или

непочтительности, чѣмъ снискалъ себѣ скоро расположеніе всей царской семьи.

Когда, съ уходомъ Гучкова, его замѣнили другимъ офицеромъ (Коровиченко), вся царская семья и самъ государь, съ нимъ трогательно простились, а Александра Феодоровна, подавъ ему руку на прощаніе, которую онъ почтительно поцѣловалъ, сказала ему.

— Nous Vous remercions et Vous souhaitons tout le bonheur. Quand à nous, c'est le dernier rayon de soleil qui s'en va avec Vous. Je le sens bien... Que la volonté de Dieu s'accomplisse!..

П. П. Коцебу, нашъ давній, хорошій знакомый, нерѣдко бывалъ у насъ. Послѣ оставленія имъ Царскаго Села онъ кое-чѣмъ подѣлился съ нами.

— Ужасно было тяжело! Я посѣдѣлъ за это время, — начиналъ онъ обыкновенно свое повѣствованіе.

Бывшій гвардейскій офицеръ полка Ея Величества, лично извѣстный царю и царицѣ, долженъ былъ, въ качествѣ ихъ тюремщика, чувствовать себя, дѣйствительно, убійственно. По его словамъ, онъ не отклонилъ возложенной на него миссіи только въ надеждѣ скрасить, своимъ присутствіемъ, сколько возможно, участь заключенныхъ.

На первыхъ порахъ это ему удавалось.

Государь, сваливъ съ своихъ плечъ бремя самодержавія, казался спокойнымъ. Онъ весь ушелъ въ тихій уютъ своей семейной обстановки. Дѣти его обожали, и онъ самъ боготворилъ ихъ. Со всѣми окружающими онъ былъ привѣтливъ и ласковъ и очаровывалъ всѣхъ своею заботливою предупредительностью.

Только одна царица оставалась, по прежнему, горделиво-неприступной и теперь уже казалась какою-то не отъ міра сего, ушедшею цѣликомъ въ свою затаенную, далекую отъ окружающаго, думу.

Когда еще Вырубова была при ней, онѣ вдвоемъ производили впечатлѣніе экзальтированныхъ духовидицъ. Вырубова крестилась передъ каждою дверью, передъ каждою встрѣчею.

За время Коцебу, т. е. почти на первыхъ порахъ царскаго плѣна, разыгрался слѣдующій эпизодъ:

Въ Царское прибылъ изъ Петрограда спѣшно по желѣзной дорогѣ небольшой отрядъ какихъ-то вооруженныхъ, не то солдатъ, не то добровольцевъ, предводительствуемый весьма, повидимому, энергичнымъ «полковникомъ». Въ ихъ распоряженіи было и три пулемета.

Оставивъ отрядъ на вокзалѣ, «полковникъ» отправился во дворецъ, гдѣ вызвалъ Коцебу для переговоровъ. Онъ залвилъ ему,

что, въ интересахъ «углубленія революціи», установившійся режимъ содержанія царя и его семьи недопустимъ. Не имѣется даже увѣренности, что царь уже не скрылся. Онъ съ «товарищами» уполномоченъ принять охрану царя, препроводивъ его въ Петропавловскую крѣпость. Коцебу попросилъ «полковника» подождать отвѣта, самъ-же отправился въ помѣщеніе своего караульнаго отряда. Здѣсь онъ объяснилъ солдатамъ о цѣли появленія самовольнаго, какъ онъ полагалъ, авантюриста, желающаго силой захватить царя и спросилъ ихъ, обѣщаютъ-ли они исполнить свой долгъ по охранѣ царя и готовы-ли, въ случаѣ надобности, оружіемъ отразить попытку захватить его.

Въ числѣ «товарищей» нашелся одинъ, который вызвался «уладить дѣло» съ «полковникомъ», переговоривъ съ нимъ наединѣ. Повидимому, личность «полковника» была хорошо извѣстна по какимъ-то партійнымъ отношеніямъ. Самъ вызвавшійся былъ призывной, изъ очень красныхъ-непримиримыхъ.

Его переговоры съ полковникомъ увѣнчались для всѣхъ неожиданнымъ успѣхомъ. Полковникъ какъ-то разомъ сдалъ, секунду задумался, а затѣмъ сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, долженъ убѣдиться, что слухи объ исчезновеніи Николая II-го ложны. Ему должны показать отрекшагося царя.

На это предложеніе Коцебу пошелъ. Вызвавъ графа Бенкендорфа, бывшаго при царѣ, онъ переговорилъ съ нимъ, и было рѣшено, что государь покажется пройдя коридоромъ, въ концѣ котораго будутъ находиться желающіе видѣть его.

Когда «полковника» провели въ условленное мѣсто, подъ охраной караульныхъ и самого Коцебу, и сообщили, что царь сейчасъ покажется, онъ, по словамъ Коцебу, очень заволновался. За нимъ зорко стали наблюдать, чтобы онъ не выхватилъ изъ кобура револьвера.

Государь показался въ дверяхъ, выходящихъ въ корридоръ и довольно долго постоялъ въ нихъ. Затѣмъ онъ медленно пересѣкъ корридоръ и скрылся въ противуположныхъ дверяхъ, кивнувъ на прощаніе головой.

Минута была полна жуткаго трагизма.

Какъ передавалъ намъ Коцебу, «полковникъ», при появленіи царя, и пока тотъ не скрылся, все время дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и весь измѣнился въ лицѣ. Когда царь скрылся, онъ молча вышелъ изъ дворца и, со своимъ отрядомъ и пулеметами, немедленно покинулъ Царское Село.

— Не была-ли это попытка преданныхъ царю лицъ захватить его съ цѣлью освобожденія и, быть можетъ, даже возстановленія

его царственныхъ правъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ препровожденія въ Петропавловскую крѣпость?

Коцебу на этотъ мой вопросъ отвѣтилъ отрицательно. Личность «полковника» была ему совершенно неизвѣстна и не отличалась симпатичностью. Было болѣе вѣроятно, что имѣлось въ виду убійство царя, во имя, все упорнѣе выдвигавшагося тогда, лозунга «углубленія революціи».

Я разспрашивалъ Коцебу о томъ, какъ переноситъ царь свое плѣненіе, что говоритъ о своемъ отреченіи, каково вообще его отношеніе ко всему случившемуся.

Коцебу весьма неохотно вдавался въ интимныя подробности, тѣмъ не менѣе, однажды обмолвился:

— Я не только преклонялся предъ достоинствомъ его поведенія, я завидовалъ ясности его духа и глубокому смиренію, съ которыми онъ переносилъ свои несчастія ... Отреченіе онъ считалъ актомъ необходимымъ для счастья своей страны... Когда я замѣтилъ ему, что были войсковыя части, которыя остались ему вѣрными до конца, государь тотчасъ-же перебилъ меня словами: «да, всѣ остались мнѣ вѣрными, но послѣ моего отреченія имъ только и оставалось присягнуть временному правительству. Кровь пролилась вопреки моей волѣ...»

Когда пошелъ слухъ о томъ, что армія готовится къ наступленію на нѣмцевъ и что въ Галиціи одержана крупная побѣда, царь, — по словамъ Коцебу, — истово перекрестился и сказалъ: «Благодареніе Богу! Лишь-бы эта несчастная война хорошо кончилась для Россіи, все остальное сейчасъ не важно...»

Однажды Коцебу рѣшился спросить государя: каковы его личные виды и желанія относительно его и семьи его дальнѣйшей судьбы?

Царь на это тотчасъ-же отвѣтилъ: «мое желаніе не покидать Россію, но, ради здоровья сына, я предпочелъ-бы поселиться на южномъ берегу Крыма... Если же мое присутствіе въ Россіи можетъ вредить государственному спокойствію, переселеніе заграницу я прійму, какъ изгнаніе...»

И съ царицей Коцебу однажды попробовалъ заговорить на туже щекотливую тему, онъ предложилъ ей: «Ваше Величество, Вы написали-бы королевѣ англійской, чтобы она позаботилась о Васъ и о дѣтяхъ Вашихъ».

Александра Феодоровна вся встрепенулась, окинула его быстрымъ взглядомъ и сказала: «мнѣ не къ кому обращаться съ мольбами, послѣ всего пережитаго нами, кромѣ Господа Бога. Англійской королевѣ мнѣ не о чемъ писать...»

Коцебу, подозрѣваемый въ слишкомъ большомъ мирволеніи царственнымъ плѣнникамъ, вскорѣ былъ смѣненъ. На его мѣсто, Керенскимъ былъ назначенъ Коровиченко, бывшій военный юристъ, потомъ присяжный повѣренный, во время войны призванный на военную службу. Я зналъ его довольно близко. Это былъ симпатичный и мягкій человѣкъ, впослѣдствіи растерзанный большевиками въ Казани, гдѣ онъ занялъ отвѣтственный военный постъ.

Когда я пошенялъ Керенскому за то, что онъ удалилъ отъ царской семьи Коцебу, который, благодаря своей воспитанности, былъ здѣсь на мѣстѣ, онъ мнѣ сказалъ: «ему перестали довѣрять, подозрѣвали, что онъ допускалъ сношенія царя съ внѣшнимъ міромъ. Коровиченко внѣ подозрѣній, но онъ человѣкъ мягкій и деликатный, ненужныхъ стѣсненій онъ не допуститъ».

Позднѣе, когда и Коровиченко кѣмъ-то замѣнили, Керенскій, какъ-то, посмѣиваясь, обмолвился: «бѣда мнѣ съ этимъ Николаемъ II-мъ, онъ всѣхъ очаровываетъ. Коровиченко, прямо таки, въ него влюбился. Пришлось убрать. А на этомъ многіе играютъ: требуютъ непремѣнно отправить его въ Петропавловскую...»

Я рѣзко замѣтилъ: «это была-бы гнусность...» — Керенскій не возразилъ, и я тутъ-же спросилъ его: «отчего временное правительство не препроводитъ немедленно его съ семьей заграницу, чтобы разъ навсегда оградить его отъ унизительныхъ мытарствъ»? Керенскій не сразу мнѣ отвѣтилъ. Помолчавъ, онъ какъ-то нехотя процѣдилъ: «это очень сложно, сложнѣе нежели вы думаете...»

Когда временное правительство, послѣ значительныхъ колебаній, установило своимъ декретомъ отмѣну «навсегда» смертной казни, я искренно желалъ, чтобы отрекшагося царя предали суду. Его защита могла-бы вскрыть въ его лицѣ психологическій феноменъ, передъ которымъ рушилось-бы всякое обвиненіе... А, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое правдивое освѣщеніе могъ-бы получить переживаемый историческій моментъ. Нерѣшительность государя именно въ нужные моменты, и, наряду съ этимъ, упрямая стойкость точно околдованнаго чей-то волей человѣка, были его характерными чертами. Будь царица при немъ въ моментъ его отреченія, отреченія бы не послѣдовало.

И, кто знаетъ, не было-ли бы это лучше и для него и для Россіи. Его вѣроятно убили-бы тогда-же, и онъ палъ-бы жертвою, въ сознаніи геройски исполненнаго долга. Но престижъ царя, въ народномъ сознаніи, остался-бы неприкосновеннымъ. Для огромной части населенія Россіи феерически быстрое отреченіе царя, съ

послѣдующимъ третированіемъ его, какъ послѣдняго узника, было сокрушительнымъ ударомъ по самому царизму.

Вся дальнѣйшая, глубоко печальная участь царя и семьи его, которою онъ дорожилъ превыше всего, возвышаетъ его въ моихъ глазахъ, какъ человѣка, почти до недосягаемой высоты.

Сколько смиренія и терпѣливой кротости, доходящихъ до аскетическаго самобичеванія!

Его прадѣдъ, Николай Павловичъ, не вынесъ простой неудачи Крымской компаніи, могущей принудить русскаго царя къ невыгодному для Россіи миру. Онъ считалъ это для себя позоромъ, и отравился.

Тутъ, наоборотъ, человѣкъ, способный, по отзыву всѣхъ къ нему приближавшихся, чаровать людей, человѣкъ сохранившій все свое царственное достоинство при всѣхъ неслыханныхъ испытаніяхъ, человѣкъ-мученикъ, мученикъ до конца, безпощадно убилъ царя.

Въ какомъ видѣ воскреснетъ когда-нибудь его образъ въ народномъ сознаніи, — трудно сказать. На могилу Павла I-го до сихъ поръ несутъ свои мольбы о затаенныхъ нуждахъ простые люди, и чтутъ его, какъ «царя-мученика».

Мученика, можетъ быть, даже святого, признаютъ и въ Николаѣ II-мъ. Въ русской душѣ ореолъ мученичества, есть уже ореолъ святости.

Но станутъ-ли въ немъ искать царя?...

И не навсегда-ли упала на землю, и по вѣтру покатилась, по «святой Руси», искони «тяжелая шапка Мономаха»?..

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Люди, не хотѣвшіе забыть о Россіи, примирившись съ фактомъ совершившимся, готовы были всѣми силами поддерживать Временное Правительство съ одной лишь оговоркой: «революція для Россіи, а не Россія для революціи»...

Поддержку Керенскому, въ этомъ направленіи оказали-бы, да и оказывали, всѣ широкіе общественные круги. Когда онъ, уже въ качествѣ военнаго министра и главнокомандующаго, проявлялъ на фронтѣ много энергіи и настойчивости для возбужденія энтузіазма въ войскѣ, всѣ честные люди были на его сторонѣ и готовы были вѣрить, что можетъ быть еще спасена Россія.

Но одного истерическаго словоизверженія, какъ на фронтѣ такъ и въ Петроградѣ, куда еще были устремлены всѣ взоры Россіи, было слишкомъ мало, особенно когда, на ряду съ этимъ, гораздо болѣе жгуче, насыщенное кровожадными инстинктами, краснорѣчіе заливало уже всѣ взбаламученные души бродячаго россійскаго воинства. Трагикомическое сопоставленіе напрашивалось само собой, когда приходилось побывать на «народныхъ митингахъ», организуемыхъ компаніей Ленина и затѣмъ перенестись въ театральную залу, гдѣ почти ежедневно устраивались «концерты-митинги», при участи нерѣдко самого Керенскаго, его сподвижниками.

Тамъ (у пролетаріевъ) все было классически ясно и просто: «надо только объединиться и двинуться на потопъ и раззореніе Россіи, ибо она еще во власти буржуевъ, въ отношеніи которыхъ «штыкъ въ животъ» единственный своевременный аргументъ. Только покончивъ съ своекорыстною буржуазіею, объединенные пролетарскіе элементы возсоздадутъ міръ на новыхъ началахъ всеобщаго коммунистическаго равенства и братства. Пока-же задача «товарищей» только расчистить мѣсто отъ обломковъ старыхъ пережитковъ. Стань сверхчеловѣкомъ: имущихъ грабь, упорствующихъ убивай безпощадно. Долой предразсудки морали и религіи, которыми буржуазія опутывала народъ, чтобы держать его въ рабствѣ».

Изо дня въ день все та же отрава, все та же прививка бѣшенства, брошенной на произволъ судьбы, утратившей, съ низложеніемъ царя, всякую идею о государственной дисциплинѣ, массы.

Въ театральныхъ же и концертныхъ залахъ идилія гастролирующихъ носителей предвѣчныхъ освободительныхъ идей, празднующихъ сверженіе «тирана».

Все тѣ-же, набившіе оскомину: Милюковъ, Родичевъ, Аджемовъ, французскій гость Альбертъ Тома и, иногда, истерическіе вопли самого Керенскаго, или шамканье «бабушки» Брешковской.

Бѣшенные аплодисменты, исходящіе, по преимуществу, отъ еврейской интелигенціи, заполнявшей всѣ первые ряды, смакующей свое молодое равноправіе. Но, по содержанію рѣчей и выступленій, и бѣдность мысли и бѣдность настроенія.

Милюковъ, вѣрный себѣ, съ видомъ и пріемами старшаго приказчика, торгующаго хорошимъ товаромъ... «Проливы и Босфоръ» по его мнѣнію, самое нужное сейчасъ для Россіи.

И говоря это, онъ съ надеждою взиралъ на ложу дипломатовъ, гдѣ въ окаменѣлыхъ позахъ, ожидая по своему адресу неминуемыхъ овацій, величественно возсѣдали «заступники» и «союзники» Россіи: Бьюкененъ и Палеологъ.

Маленькій Аджемовъ, играя брелоками на цѣпочкѣ своихъ

часовъ и притоптывая модно обутой ножкой, говорилъ, однотонно, но весело, о завоеваніи Россіей, путемъ революціи, почетнаго мѣста среди культурныхъ націй. Родичевъ, такъ какъ не приходилось больше злопыхать противъ царскаго правительства, изрекалъ только банальныя истины съ обычнымъ напряженнымъ подъемомъ. Альбертъ Тома, тотъ говорилъ умно, но половина залы его не понимала, хотя съ райка иногда ему кричали: «громче»!

Кстати: про Тома сложился анекдотъ: Увѣряли, что когда онъ покидалъ Россію, совершенно обезкураженный безплодностью своей миссіи, онъ обмолвился крылатыми словами: «я считаю Николая II-го геніемъ, разъ онъ умудрился править такимъ народомъ втеченіи 22-хъ лѣтъ».

Появленіе Керенскаго и «бабушки революціи», особенно на первыхъ порахъ, встрѣчались грандіозными овиціями. По въ самомъ характерѣ этихъ овацій чувствовалось не столько преклоненіе передъ ихъ престижемъ, сколько потребность созданія и поддержанія, во что бы то ни стало, какого либо престижа.

Отъ участія въ этихъ публичныхъ выступленіяхъ воздерживались, или, вѣрнѣе, деликатно были устраняемы, такіе несомнѣнно талантливые ораторы, какъ В. А. Маклаковъ, О. О. Грузенбергъ и другіе, слово которыхъ не подошло бы подъ общую мѣрку партійно-революціоннаго шаблона, но было бы умно и, можетъ быть, продуктивно.

Всѣ, кто продолжалъ еще здраво мыслить, оказались вдругъ недостаточно лѣвыми, и пугало контръ-революціи заставляло Керенскаго страшиться всякой умѣренности въ мысляхъ и выраженіяхъ

Мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по разслѣдованію непріятельскихъ звѣрствъ, практиковавшихся по отношенію къ нашимъ военноплѣннымъ, удалось дважды принять участіе въ подобныхъ концертахъ-митингахъ, устроенныхъ съ благотворительною цѣлью для нуждъ военноплѣнныхъ.

На одномъ, въ которомъ впервые появлялся передъ петроградской публикой незлобивый «анархистъ», престарѣлый князь Кропоткинъ, только-что прибывшій изъ Англіи, я даже предсѣдательствовалъ. Я и рекомендовалъ его, при громахъ рукоплесканій, переполнившей залъ Маріинскаго театра, публикѣ. Добродушно-старческая, милая рѣчь его, заключавшаяся въ восхваленіи дружнаго энтузіазма нашихъ союзниковъ, и въ особенности англичанъ, порадовала многихъ, такъ какъ иные не представляли себѣ ранѣе «анархиста» иначе, какъ въ образѣ звѣриномъ.

Моя рѣчь заключала въ себѣ рѣзкое осужденіе расплывчато-

эгоистическихъ групповыхъ вожделѣній въ такую минуту, когда Россіи нужна вся мощь единенія, чтобы спастись отъ позора и униженія. Всѣ ораторы имѣли одинаковый успѣхъ, и заполнявшіе всю сцену и кулисы солдаты подбодряли каждаго говорившаго тѣмиже словами: «правильно»! «вѣрно»!

Но что именно должно было обозначать и «правильно» и «вѣрно» оставалось уже не долго гадать.

Генералъ Корниловъ, съ которымъ я видѣлся именно вскорѣ послѣ этого моего публичнаго выступленія, сказалъ мнѣ:

— Какъ было-бы хорошо, если-бы вы согласились объѣхать со мною казармы, и тамъ сказали-бы свое слово.

Я охотно далъ согласіе.

Это не состоялось, потому что вскорѣ Корниловъ былъ смѣненъ.

Когда его мѣсто занялъ генералъ Половцевъ нужны были уже не слова, а дѣйствія. На его возлагались большія надежды. И въ нѣсколькихъ пробныхъ случаяхъ генералъ доказалъ полную свою пригодность. Но какъ раньше генералу Корнилову, такъ вскорѣ и генералу Половцеву, стали совать всѣ палки въ колеса. Ни «дворца» Кшесинской, ни «дачи» Дурново, главныхъ гнѣздъ все нараставшаго большевизма, ему не дали возможности своевременно ликвидировать, а именно отсюда-то, до перенесенія Ленинской штабъ-квартиры въ Смольный, и шли всѣ директивы по части углубленія революціи, маскируемыя опасеніемъ контръ-революціи, о которой тогда никто и не мечталъ.

Когда въ должность министра юстиціи, послѣ того какъ Керенскій преобразился въ верховнаго главнокомандующаго, вступилъ П. Н. Переверзевъ, онъ въ первый же день побывалъ у меня, какъ разъ въ то время, когда засѣдала наша адвокатская комиссія. Я пригласилъ его повидать товарищей и воспользовался случаемъ, чтобы привѣтствовать его напутственнымъ словомъ.

Я напомнилъ ему, что, провожая его на фронтъ, въ качествѣ завѣдующаго адвокатскимъ санитарнымъ отрядомъ я назвалъ его «сердцемъ нашего сословія».

Теперь я хотѣлъ въ немъ привѣтствовать волю его, твердую волю утвердить право на смѣну гибельнаго произвола, уже всюду безнаказанно царящаго. Въ этомъ долгъ министра юстиціи. Кто не проникся сознаніемъ этого, тотъ не вправѣ руководить судьбами страны.

Отвѣтное слово Переверзева было туманно и расплывчато. Никакой руководящей идеи относительно своей будущей дѣятельности онъ не обнаружилъ. Общія фразы осужденія павшаго режима и провидѣніе лучшаго будущаго какъ-то вяло, безъ малѣйшаго отно-

шенія къ текущей тревожной и ответственной минутѣ, были единственнымъ содержаніемъ его ответной рѣчи.

Когда онъ оставилъ насъ, мы всѣ глубоко задумались.

Вѣроятно мы думали одно и то же: «и кого только угораздило въ такую ответственную минуту сдѣлать его министромъ юстиціи?»

Нерѣшительные, робкіе шаги Переверзева, его безпрерывныя мирныя негоціи то съ «дворцомъ Кшесинской», то съ «дачей Дурново», не только безповоротно подорвали престижъ всякой власти, но стерли и самую разграничительную черту между правомъ и произволомъ.

Не болѣе на мѣстѣ оказался на должности министра юстиціи, С. А. Зарудный. Основнымъ грѣхомъ перваго была его природная мягкость и прекраснодушіе. У второго-же, на ряду съ крѣпостью заднимъ умомъ, было не мало и безтолковой самоувѣренности.

Послѣднимъ, на постъ министра юстиціи былъ выдвинутъ П. Н. Малянтовичъ, съ котораго можно было-бы начать. Но онъ пришелъ слишкомъ поздно, когда всѣ устои закона и морали были уже расшатаны.

Директивы Смольнаго диктовались уже властно.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Не было уже угла въ столицѣ, куда-бы эти директивы не проникали.

Затѣянный повѣреннымъ балерины Кшесинской, присяжнымъ повѣреннымъ В. С. Хесинымъ гражданскій процессъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія ея особнякомъ, далъ поводъ къ публичной пропагандѣ, въ самой камерѣ мирового судьи, идей беззаконія и правовой анархіи.

Со стороны захватчиковъ выступило двое повѣренныхъ: присяжный повѣренный М. Ю. Козловскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Богатьевъ. Ихъ рѣчи были явнымъ вызовомъ самой идеѣ правосудія.

Первый, ловкій и талантливый эрудистъ, софистическимъ туманомъ окуталъ свою, явно большевистскую, пропаганду; второй, болѣе робко и осторожно подпѣвалъ ему.

По заявленію Хесина, Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ возбудилъ о нихъ дисциплинарное производство. Они оба аккуратно

являясь въ засѣданіи совѣта, и Козловскій ловко изворачивался во время допроса свидѣтелей и въ своихъ личныхъ объясненіяхъ.

Дѣло не получило, до моего отъѣзда въ Норвегію и Данію, своего окончательнаго разрѣшенія, такъ какъ предстояло еще, по ссылкѣ сторонъ, допросить свидѣтелей, въ томъ числѣ мирового судью.

Нѣсколько ранѣе этого процесса, въ одномъ изъ сословныхъ общихъ собраній, мнѣ, въ качествѣ председателя совѣта, пришлось высказаться по поводу большевистской пропаганды, силившейся овладѣть, все еще неспокойнымъ, революціоннымъ настроеніемъ адвокатской молодежи.

Моментъ былъ характеренъ: только что принятый въ сословіе стажеръ рѣшилъ низвергнуть присяжную адвокатуру въ пучину небытія.

Общее собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, было созвано для разрѣшенія вопроса «о совмѣстительствѣ». Многіе адвокаты устремились на различныя государственныя должности, считая такое ихъ «сотрудничество» Временному Правительству, временнымъ и желали сохранить свое адвокатское званіе. Другіе заявляли противъ этого энергичный протестъ и я, чтобы положить конецъ безсистемному произволу, внесъ вопросъ о предѣлахъ совмѣстительства на разрѣшеніе общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ. Въ это собраніе, безъ права рѣшающаго голоса, были допущены и помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Собраніе было очень людное, и проходило при повышенно возбужденномъ настроеніи. Юристы не могли не чувствовать, что почва закона, не говоря уже дисциплины и порядка, начинаетъ уходить изъ подъ ногъ, благодаря бездѣйствію и безсилію власти.

Правительство, выбросившее изъ своей среды, въ угоду Ленину и Ко., наиболѣе надежныхъ своихъ представителей, доминировалось теперь на все готовыми авантюристами и интриганами вродѣ Чернова, Некрасова и имъ подобныхъ. Чувствовалось отчетливо, что моментъ близокъ для вооруженной анархіи, если будетъ упущенъ и послѣдній моментъ для обузданія вполнѣ безнаказанной большевистской пропаганды.

Молодой стажеръ появился не одинъ, его сопровождала группа его соумышленниковъ. Вырвался онъ со своею страстною и запальчивою рѣчью неожиданно-стремительно. Пробовали ему шикать и заставить замолчать. Но я настоялъ на сохраненіи порядка, и далъ ему договорить до конца при абсолютной, хотя и черезъ силу сдерживаемой, тишинѣ собранія.

Я радъ былъ случаю разобраться публично въ его искромет-

ныхъ, бравурныхъ призывахъ къ спасительному большевизму, который надвигался уже ото всюду и не получалъ ни откуда отпора.

Рѣчь моя, по постановленію Общаго Собранія Присяжныхъ Повѣренныхъ была отпечатана и разослана всѣмъ совѣтамъ другихъ судебныхъ округовъ. Раздавалась она также и молодымъ стажёрамъ при ихъ пріемѣ.

Въ одной изъ ходкихъ столичныхъ газетъ она появилась вскорѣ цѣликомъ, въ другихъ были приведены выдержки изъ нея.

Множество сочувственныхъ и благодарственныхъ писемъ, которые я получилъ при появленіи этой рѣчи въ печати, было показателемъ тревожныхъ переживаній среди общей мути опьянѣлаго, до потери разсудка, настроенія улицы.

Рѣчь эта не прошла не отмѣченною и зоркими цензорами отъ большевизма. Дня черезъ два, послѣ того, какъ она была оглашена въ печати, бывшій сенаторъ Кривцовъ, котораго я вполнѣ мирно смѣнилъ въ должности предсѣдателя комиссіи, участливо сообщилъ мнѣ по телефону:

— Н. П., считаю долгомъ васъ предупредить. Кто предупрежденъ тотъ отчасти уже огражденъ... ваша прекрасная рѣчь, которую я читалъ съ наслажденіемъ, угрожаетъ вамъ непріятностями..

Моя прислуга бѣгаетъ на всѣ митинги и дежуритъ по часамъ въ очередяхъ и мясныхъ и булочныхъ. Сейчасъ она принесла новость: большевики пускаютъ директивы разгромить вашъ домъ за публичное выступленіе противъ большевизма. Примите мѣры!..

Но какія мѣры можно было тогда принимать. Я только по ночамъ возможно позднѣе караулилъ чтобы, въ случаѣ нападенія, успѣть во время поднять жену и дѣтей и выпроводить ихъ въ безопасное мѣсто.

Не подалеку отъ насъ проживалъ нашъ большой, давній другъ персидскій посланникъ Исаакъ-Ханъ. Къ нему въ посольство, «сѣсть въ бестъ», т. е. укрыться и могла бы моя семья.

Нападенія, однако, въ ближайшіе дни и даже въ теченіе двухъ недѣлъ не послѣдовало.

Наша прислуга «Маріна», ставшая окончательно большевичкой, и отъ которой, до временнаго отъѣзда нашего невозможно было-бы отдѣлаться, однажды таинственно сказала мнѣ:

— Что вы не ѣдете за границу? Въ газетахъ было давно пропечатано, что васъ посылаютъ къ нашимъ военноплѣннымъ... Ѣхали-бы, что-ли!..

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Былъ моментъ, когда «безкровная» (Sic!) революція, казалось, смела всѣ преграды, открыла всѣ пути ко благу страны, но — увы! — она не сдѣлала зрячими тѣхъ, кого вскинула на вершину революціонной волны.

Они оказались слѣпорожденными.

— Ахъ, какъ дышется легко! — восклицали восторженно, на первыхъ порахъ, женскія интеллигентныя уста въ предвкушеніи политическаго и всякаго иного равноправія, тѣ самыя уста, которые сейчасъ искривлены трагическими складками при зрѣлищѣ мрущихъ отъ голода дѣтей и разстрѣливаемыхъ отцовъ, мужей и братьевъ.

Мнѣ и тогда не дышалось легко.

Съ первыхъ же дней революціи и послѣ феерическаго отреченія я не предавался иллюзіямъ. Я ясно видѣлъ, что это, въ сущности, даже не революція, идущая, какъ неудержимый потокъ, изъ глубины народной совѣсти, а только безпорядочная свалка между представителями старой, позорно капитулировавшей власти и случайными захватчиками ея.

Кульминаціонный пунктъ давнихъ счетовъ между царскимъ правительствомъ и апологетами революціи. Свалка двухъ довольно поверхностныхъ, хотя и бурныхъ теченій. Борьба за власть, и только за власть, двухъ почти равносильно, безпочвенныхъ элементовъ: одного изжившаго, другого нежизнеспособнаго.

Заполнявшая Петроградъ и его окрестности войсковая недисциплинированная масса была элементомъ готовымъ къ воспріятію какихъ угодно директивъ, лишь бы ее не заставляли идти на фронтъ, въ окопы, а распустили по домамъ. Парадированіе войсковыхъ частей передъ Государственной Думой весьма скоро превратилось въ простую забаву и даровое развлеченіе, а не серьезное преклоненіе передъ престижемъ новой, какъ всѣ на первыхъ порахъ расчитывали, «Думской власти».

Составъ «Временнаго Правительства» опредѣлился отнюдь не внутреннею потребностью созданія, на смѣну поверженнаго трона, морально-сильнаго, пріемлемаго для всей страны, правительства, а случайнымъ подборомъ эгоистически настроенныхъ политикановъ, при чемъ въ него попали, какими-то неисповѣдимыми судьбами и такіе ненадежные элементы, какъ бывшій театральный чиновникъ, милліонеръ Терещенко (любопытно было-бы знать его заслуги въ кулисахъ революціи!) и смѣлый, но не крѣпкій въ сѣдлѣ, политическій наѣздникъ и бретеръ А. И. Гучковъ, только-что использо-

вавшій удобный случай свести свои личные счеты съ, потерпѣвшимъ его духа, царемъ и поучительный на профессорской кафедрѣ и думской трибунѣ, но въ высокой степени безтактный и близорукій кадетскій лидеръ Милюковъ.

Въ составѣ новаго правительства только двѣ личности, по своему моральному цензу, были безъ упрека — князь Львовъ и Шингаревъ. Но оба они годились-бы въ министры только въ условіяхъ чуждыхъ тревожной, переходной стадіи нашей государственности. Поглощеніе всѣхъ «завоеваній революціи» большевизмомъ не могло быть неожиданностью для наблюдательнаго свидѣтеля всего того, что, вслѣдъ за царскимъ отреченіемъ, имѣло мѣсто въ тотъ восьмимѣсячный періодъ, который будетъ занесенъ на скрыжали исторіи неразрывно съ именемъ Керенскаго.

Энергіи пресловутой Государственной Думы хватило весьма не на долго. Ровно настолько, чтобы, сваливъ весь грузъ государственной власти на Временное Правительство, тотчасъ-же опочить на лаврахъ.

И даже не опочить, а просто распылиться, стать ничѣмъ.

Внѣшне представительный и съ зычнымъ голосомъ, предсѣдатель Думы, Родзянко, не только не съумѣлъ использовать упавшей на него съ неба популярности, но просто струсилъ, поспѣшивъ тотчасъ-же нырнуть въ сторону отъ естественно образовавшагося революціоннаго водоворота.

Теперь, лишь «почетно» предсѣдательствуя на благотворительныхъ концертахъ-митингахъ, онъ не прочь былъ объявить каждому, кто хотѣлъ его слушать, что онъ уже «не у дѣлъ», и не отвѣтственъ за имѣющія разыграться послѣдствія.

Какъ Пилатъ, онъ уже умывалъ руки.

Утверждали, что въ свое время онъ, «съ полною откровенностью» предупреждалъ государя относительно неотложности измѣненія государственнаго курса.

Но, если и въ Царскомъ Селѣ его откровенность имѣла доминирующей нотой своей, лишь ноту свойственную чистоплотноупитаннымъ Понтіямъ Пилатамъ, спѣшащимъ умыть свои холенныя руки при первыхъ признакахъ осложненій, требующихъ напряженной высоты духовнаго подъема, я не удивляюсь, что слова его не дошли ни до разума, ни до сердца недовѣрчиваго и подозрительнаго отъ природы Николая II-го.

А, вѣдь, именно такимъ Понтіемъ Пилатомъ проявилъ себя Родзянко и въ самый острый отвѣтственный моментъ, когда всѣ взоры были еще устремлены на него.

Керенскимъ, составъ Временнаго Правительства, какъ непроницаемымъ щитомъ, думалъ отгородиться отъ натиска болѣе настойчивыхъ вожделѣній честолюбивыхъ «углубителей революціи».

Не тутъ-то было! Щитъ оказался только жалкой ширмой, поверхъ которой Ленинъ уже лукаво подмигивалъ, строя свои хитрые гримасы.

Ему, какъ гораздо болѣе умному и талантливому, не стоило большого труда посчитаться съ Керенскимъ. Но, пока, онъ былъ ему еще нуженъ.

Кто-же, какъ не Керенскій, могъ-бы лучше сослужить ему службу?..

Когда генералъ Корниловъ, а послѣ него генералъ Половцевъ проявили попытки привести бродячую петроградскую армію въ нѣкоторый порядокъ, Керенскій, внушаемый «углубителями», систематически ставилъ имъ препоны, не давая использовать, на первыхъ-же порахъ, ихъ несомнѣнной популярности даже среди уже развращенной, разнузданной арміи.

Угналъ страхъ контръ-революціи.

Но послѣ поголовной измѣны царю опасенія эти на долго могли быть забыты. Всѣ прежніе царевы слуги были, до жалости, ничтожны и безсильны. Они помышляли теперь только о собственномъ своемъ спасеніи.

А, на ряду съ этимъ, на половину уже «распропагандированную» армію поощряли встрѣчать съ помпой, съ музыкой и съ кликами «ура» не только освобождаемыхъ изъ тюремъ и каторги бывшихъ террористовъ, но и самого Ленина, съ его свитой, прибывшаго черезъ Берлинъ въ запломбированномъ вагонѣ. Не мудрено, послѣ этого, что авторитетъ Ленина, Троцкаго и Ко., хлынувшихъ волною на Петроградъ, былъ заранѣе обезпеченъ. Распладившіеся въ то-же время и совершенно обнаглѣвшіе вражескіе агенты также не дремали. Они, почти открыто, гнули свою линію.

Не говоря уже о совершенно открыто функціонировавшей каоедрѣ «дворца» балерины Кшесинской, на всѣхъ перекресткахъ столицы группы праздношатающихся солдатъ и рабочихъ днемъ и ночью просвѣщались въ духѣ большевизма и анархіи.

«Свобода» при Керенскомъ торжествовала во всю и онъ очень гордился этимъ.

Соблазненный тѣмъ, что именно ленинцы на первыхъ порахъ не только не препятствовали ему забираться на вершину власти, но даже всячески этому способствовали, онъ самоувѣренно лѣзъ все выше по стволу вновь насажденнаго «государственнаго древа». При этомъ онъ еще спѣшилъ тщательно обрубать за собою всѣ попут-

ныя вѣтки, по которымъ взбирался, чтобы не вздумалъ съ нимъ кто-нибудь конкурировать.

Со слѣпымъ рвеніемъ честолюбивой бѣлки, взрощенной въ партійно-замкнутомъ колесѣ, Керенскій карабкался все выше и выше.

Вотъ онъ уже не министръ юстиціи, гдѣ еще могъ разбираться кое-какъ; онъ уже и военный и морской министръ; онъ и главнокомандующій и предсѣдатель Временнаго Правительства (князь Львовъ отъ Черновскаго угара едва не задохнулся и дольше выдержать не могъ) онъ уже въ Зимнемъ дворцѣ и, не сегодня, завтра, — всемогущій диктаторъ.

Говорятъ, что на предпарламентскомъ собраніи въ Москвѣ онъ уже сталъ заговариваться: хотѣлъ сказать «Россія», а сказалъ — «Держава Наша».

Не мудрено, вышка державы россійской на головокружительной надъ землею высотѣ, а онъ уцѣпился уже за самую ея вершину. Съ этой вышки полчища преданныя незамѣнимому Корнилову, надѣявшемуся еще спасти Россію, привидѣлись ему лишь кошмарной угрозой его бредовому величію. Партійному ставленнику слышкомъ сладко спалось на царской кровати.

А въ то время Ленинъ, лишь своею мефистофельскою усмѣшкою считался съ платоническимъ приказомъ о своемъ арестѣ, благополучно отсиживаясь въ Кронштадтѣ. Онъ продолжалъ дѣлать свои шахматные, замысловатые ходы и они были вѣрны. Арестовали не его Ленина, а генерала Корнилова, котораго онъ только и могъ опасаться.

Этого момента ленинцы только и ждали.

Теперь они могли дѣйствовать открыто.

Имъ оставалось только тряхнуть «державное древо», стараніями самого Керенскаго превратившееся въ голую мачту, чтобы честолюбивый лилипутъ, уцѣпившійся за ея вершину, шлепнулся на землю, распластавшись на ней, со всего размаха, какъ тряпичная кукла.

Тряпичная, къ личному своему благополучію.

Изъ болѣе цѣннаго матеріала и кукла разбилась-бы въ дребезги, безъ остатка.

Характерно, что не одинъ Керенскій, обладавшій лишь ограниченнымъ, узко-партійнымъ кругозоромъ, но и болѣе его образованные главари и лидеры кадетской партіи такъ попались въ просакъ, и уже только послѣ большевистской экзекуціи поняли то, что обязаны были понимать ранѣе, чѣмъ устремляться на публичную политическую арену и революціонированіе страны.

Я имѣю въ виду, какъ примѣръ, лекцію, читанную Родичевымъ въ Кіевѣ (пока еще туда не добрались большевики) на тему о томъ, что народъ нашъ еще не дозрѣлъ до вершинъ идеаловъ россійской интелигенціи, почему и получился въ итогѣ безсмысленный и жестокій бунтъ, а не планомѣрное освободительное движеніе.

Уже одна, почти повальная, крѣпость заднимъ умомъ, характерный признакъ для сужденія о той интелигенціи, которая устремилась созидать новую Россію. Заоблачныя высоты ея идеаловъ всегда мѣшали ей наблюдать дѣйствительность.

Она считала ретроградомъ каждаго, кто, отличаясь большею вдумчивостью, не хотѣлъ слѣпо слѣдовать за нею искать спасенія въ революціи...

И вотъ она дождалась ее.

И очутилась тотчасъ-же въ положеніи гоголевской унтеръ-офицерской вдовы, которая «сама себя высѣкла».

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Но большевистское засилье доказало только одно: что твердая, абсолютно твердая власть необходима Россіи, и что наша интелигенція, весьма талантливая въ качествѣ «оппозиціи», никуда не годится въ качествѣ творческой, правящей силы.

Поглядите хотя-бы на нашу «буржуазную» (безспорно талантливую) печать послѣ февральскаго переворота. Всѣ, или почти всѣ, превратились разомъ въ демократическихъ республиканцевъ, да и какихъ ярыхъ, непреклонныхъ. Ни малѣйшаго соображенія о томъ, что въ сознаніи народа пустое мѣсто царя означало вообще пустоту, изъ которой вполнѣ естественно выскочилъ дьяволъ большевизма.

А всѣ эти Родзянко, Гучковы, Милюковы, потерявшіе голову и не усадившіе, хотя-бы насильно, Михаила на престолъ.

Тогда была-бы еще борьба, можетъ быть, также кровопролитіе, но гораздо менѣе для Россіи позора, страданій и униженія, чѣмъ выпало на ея долю теперь.

Я убѣжденъ, что кличъ новаго царя съ реальной, немедленно осуществленной, программой настоятельныхъ аграрныхъ реформъ сплотилъ-бы сильную партію и въ войскѣ и въ простомъ людѣ, въ глазахъ котораго, съ паденіемъ царя, рухнуло все земное и небесное, и воцарилось одно дьявольское.

Но всѣ умывали руки, спасая только себя, выставляя на общественный показъ жалкаго дергуна Керенскаго, въ качествѣ спасительной революціонной эмблемы.

Ему-же рѣшили взвалить на плечи тогу «диктатора», когда уже безсиліе спасительной революціи ярко обозначилось.

А у будущаго диктатора уже давно кружилась голова отъ упоенія властью и собственнаго безсилія.

Въ концѣ концовъ, на протяженіи всѣхъ восьми мѣсяцевъ ни одного вѣрнаго, смѣлаго шага, ни проблеска такта и властнаго чутья.

Онъ не потерпѣлъ подлѣ себя ни одного выдающагося, энергичнаго человѣка. Собралъ со всего свѣта оторванныхъ отъ Россіи и ея интересовъ безпочвенныхъ революціонеровъ, насытилъ партійными друзьями всѣ щели правительственныхъ комиссій и канцелярій, стяжалъ громовыя рукоплесканія на подмосткахъ всѣхъ столичныхъ театровъ и лопнулъ, какъ мыльный пузырь, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности.

И эта-то, потѣшная «государственная» фигура стоила Россіи столько крови и униженія, столько бѣдствій.

Отъ него реально остались Россіи въ видѣ плодовъ «безкровной» революціи только потоки горячей невинной крови и «отмѣна смертной казни» на бумагѣ, да «еврейское равноправіе» съ послѣдующимъ «штыкомъ въ животъ» для всей россійской, въ томъ числѣ и еврейской, буржуазіи.

Не въ счетъ программы, общее разграбленіе, униженіе и параличъ моральныхъ цѣнностей Россіи.

И этотъ человѣкъ не расправился съ самимъ собой въ сознаніи всей глубины своей заслуги передъ родиной. Нѣтъ онъ благополучно улизнулъ изъ большевистскихъ лапъ, которыя душили всѣхъ невинныхъ направо и налѣво, улизнулъ мастерски, какъ умѣютъ укрываться только преступники, либо входя въ стачку съ блюстителями порядка, либо переодѣтые, проживающіе по подложнымъ паспортамъ.

Костюмироваться по маскарадному Керенскій вообще любилъ, и былъ на это мастеръ.

Какъ мнѣ въ свое время передавали, онъ однажды въ масляницу явился въ квартиру одного думца, гдѣ собрались гости, въ облаченіи древняго римлянина временъ республики, съ мечомъ въ рукахъ. Всѣ нашли, что въ шлемѣ, изъ подъ котораго торчали его характерно-растопыренные уши, и съ мечомъ въ рукахъ, на

своихъ тонкихъ ногахъ, онъ весьма удачно выразилъ стойкую храбрость русскаго революціонера.

Позднѣе ему пришлось маскироваться уже не по случаю масляницы.

Поцарствовавъ недолго въ рабочей куркѣ, во имя углубленія революціи, и затѣмъ въ походной формѣ потѣшнаго «главно-командующаго», онъ бѣжалъ изъ Зимняго дворца, какъ утверждали, въ платьѣ и въ головной косынкѣ сестры милосердія, что при его брито-безцвѣтной физіономіи, дало ему возможность благополучно скрыться. Въ какомъ костюмѣ онъ впослѣдствіи удиралъ отъ большевиковъ заграницу мнѣ въ точности не извѣстно. Лишь-бы это удачное бѣгство не выпало ему въ награду за своевременное благополучіе самого Ленина, когда послѣдній долженъ былъ быть безотлагательно арестованъ, чтобы предстать на судъ въ качествѣ непріятельскаго агента.

Былъ моментъ когда я всѣми силами былъ готовъ поддерживать Керенскаго. Послѣ отреченія Михаила Александровича и распыленія Государственной Думы, поневолѣ, приходилось всѣ надежды возлагать на него одного.

Въ бытность его министромъ юстиціи я старался не колебать его авторитета, въ надеждѣ, что онъ постарается справиться съ своей нелегкой задачей, а когда онъ ѣздилъ на фронтъ, бодрить войска, выражалъ ему свое сочувствіе. Я еще хотѣлъ вѣрить, что онъ найдетъ моментъ, забывъ узкую партійность, подумать о Россіи и поставить ее на ноги.

На первыхъ порахъ и вплоть до ареста Корнилова, ему представлялось для этого нѣсколько прекрасныхъ случаевъ.

Но тупая недальновидность революціоннаго послушника, какимъ онъ былъ во всю свою предъидущую карьеру, дала ему возможность уподобить свою участь лишь участи самозванца, выброшеннаго изъ Кремлевскаго дворца, также стремительно, какъ былъ выброшенъ онъ изъ Зимняго дворца, куда забрался не по праву, не проявивъ ни черточки, приличнаго для такой обстановки, величія.

Уже въ качествѣ министра юстиціи онъ повиненъ въ тяжкомъ бездѣйствіи власти, когда піонеры большевизма еще сами давались ему въ руки, какъ наемные агенты и ставленники воюющей съ нами Германіи. Когда-же, добравшись до главнокомандующаго и предсѣдателя Временнаго Правительства, онъ помѣшалъ генералу Корнилову исполнить свой патріотическій долгъ, съ рѣшительнымъ ударомъ по анархіи, онъ прочиталъ себѣ отходную.

Сейчасъ для Россіи Керенскій только зловѣщій призракъ ея

страдальческаго горячечнаго бреда. Для будущаго историка Россіи яркая эмблема безсилія и растерянности въ трагическую минуту ея отвѣтственнаго историческаго бытія.

Но одинъ онъ этого еще до сихъ поръ не понимаетъ, и «съ легкостью въ мысляхъ» пытается еще что-то говорить внѣ Россіи о Россіи и отъ имени Россіи.

Какою моральною тупостью нужно обладать; чтобы не понимать, что имъ навсегда утрачено на это право!

Безформенные призраки больше не нужны Россіи. Право отдѣлаться отъ нихъ навсегда она купила слишкомъ дорогою цѣною. Чѣмъ энергичнѣе воскреснутъ ея силы для разумнаго государственнаго строительства, тѣмъ скорѣе имя Керенскаго будетъ предано забвенію.

Для меня (да я думаю и не для меня одного) остается еще только вопросъ былъ-ли Керенскій только честолюбивымъ ничтожествомъ, голова котораго пошла кругомъ отъ первыхъ же глотковъ власти, или онъ былъ похуже этого?

Какъ ни постыдно признаться въ этомъ, но приходится признать, что разыгравшаяся не во время, антипатріотическая революція наша, явившаяся результатомъ многосторонникъ своекорыстныхъ побужденій, къ тому-же и нечистоплотная.

И Керенскій, въ этомъ отношеніи стоитъ передо мною мучительной загадкой.

Думаю, однако, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, онъ чистъ.

Деньги на революцію плыли не отъ однихъ противниковъ и, во всякомъ случаѣ, не къ нему лично. «Собрать революціонныя силы», т. е. организовать планомѣрный подкупъ или даже наладить интенсивную пропаганду среди темныхъ элементовъ въ войскѣ Керенскій едва-ли бы могъ уже въ силу того, что его «политическая неблагонадежность» была слишкомъ на виду, и его подпольная миссія была-бы обнаружена. И революціонировалъ онъ, главнымъ образомъ, интеллигентные круги и Государственную Думу, слѣпую, но не продажную, и не былъ продаженъ самъ.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Заканчивая эти бѣглые наброски «о революціи и о Россіи», не претендующія отнюдь на исчерпывающую законченность и не отличающіеся, по понятнымъ причинамъ, объективнымъ спокой-

ствіемъ, мнѣ хотѣлось-бы установить лишь ту точку зрѣнія, съ которой прошедшіе передъ моими глазами событія получили свое освѣщеніе.

Форма правленія для меня была всегда, отчасти, безразлична. И не видѣлъ и не вижу панацеи отъ всѣхъ золъ ни въ конституціи, ни въ республикѣ.

Какъ никакъ, наше самодержавіе, на протяженіи вѣковъ, умудрилось какимъ-то чудомъ (разъ форма общежитія должна быть, пока что, государственная) имѣть въ своемъ распоряженіи огромную территорію, могущую съ лихвой обезпечить благосостояніе всего русскаго народа.

Это — плюсъ!

Распредѣленіе этого богатства было неравномѣрно-уродливо, но, едва-ли, болѣе уродливо, чѣмъ въ соотвѣтственные времена въ другихъ странахъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости прошло мирно, и такъ-же мирно могло-бы пройти и надѣленіе крестьянъ дополнительно землею, и урегулированіе (легче чѣмъ въ другихъ странахъ), на вполнѣ справедливыхъ основаніяхъ, рабочаго вопроса.

При истинномъ самодержавіи, какимъ оно рисуется въ моемъ идеалѣ, это всего успѣшнѣе и безболѣзненнѣе могло бы быть выполнено.

Само по себѣ самодержавіе, какъ форма правленія, не хуже и не лучше другихъ громоздкихъ и сложныхъ государственныхъ аппаратовъ, расположающихъ въ видѣ тормозящей накипи, не мало низменнѣйшихъ явленій, въ видѣ подкупа, случайнаго партійнаго засилія и того цеха политикантовъ, который вбираетъ въ себя, отнюдь не самыхъ чистыхъ и честныхъ, а, по преимуществу, ловкихъ и юркихъ честолюбцевъ.

«Всеобщая, тайная, равная», при низкомъ уровнѣ народнаго развитія, ни мало не обезпечиваетъ ни хорошаго правленія, ни мирно-поступательнаго развитія страны.

Но, само собою разумѣется, что монархическій образъ правленія, чтобы приблизиться къ своему идеалу, требуетъ гигантскихъ, почти сверхчеловѣческихъ, силъ отъ правителя.

А гиганты, а тѣмъ паче сверхчеловѣки, весьма рѣдки.

Это огромный минусъ монархизма.

Въ Россіи (какъ это было достигнуто — безразлично) очень, очень долгое и еще въ недавнее, сравнительно, время въ глазахъ народа царь былъ именно олицетвореніемъ такого сверхчеловѣка.

Онъ могъ многое, онъ могъ все.

Втихомолку царей (Петра III, Павла I, Александра II), убивали, вступалъ на престолъ новый, но народъ оставался чуждъ преступному посягательству, оно не исходило отъ народа, царь, въ глазахъ народа оставался священнымъ и неприкосновеннымъ.

Этого не только не учла распложавшаяся именно подъ сѣнью монархизма, и достигавшая, за счетъ народа, всѣхъ жизненныхъ вершинъ, интелигенція, но, изъ поколѣнія въ поколѣніе, легкомысленно вбивала себѣ въ голову, что царь для народа уже ничто, а она истинная государственная сила, и что стоитъ лишь убрать царя, какъ наступитъ благоденствіе для народа, а для нея слава спасенія отечества.

Царей, благодаря безпрерывнымъ бунтарскимъ покушеніямъ и травлямъ, озлобившихся, отупѣвшихъ, оторвавшихся отъ общенія съ народомъ, извѣрившихся въ цѣлесообразность поступательныхъ реформъ, загнали въ ихъ мрачныя берлоги обскурантизма, гдѣ имъ не оставалось больше ни о чемъ помышлять, какъ только о самосохраненіи до слѣдующаго дня.

Къ великому горю Россіи среди нихъ не нашлось ни одного, героически скроеннаго типа, который пошелъ бы самъ властно къ народу, минуя, честолюбиво злопыхавшую на всякую власть, интелигенцію, въ тайной жаждѣ присвоенія власти себѣ.

Власти не нравственнаго авторитета, которая одна ей должна быть присуща, а реальной власти, съ военнымъ карауломъ для своей охраны, со всею помпою и атрибутами царственнаго величія.

Вслѣдъ за февральской революціей, противно было глядѣть, какъ всѣ бывшіе «революціонеры» стремительно, тотчасъ-же разсѣлись по придворнымъ экипажамъ и автомобилямъ, какъ они жадно устремились ко всевозможнымъ экстреннымъ ассигновкамъ имъ государственной казны.

Ни тѣни величія и простоты самопожертвованія, которыя одни, въ глазахъ народа, могли бы найти откликъ и оправданія за свершенное.

Вся эта партійная клика, уже съ мѣста, производила впечатлѣніе группы авантюристовъ, забравшихся въ Зимній дворецъ, чтобы подѣлить ризы царевы.

Немудрено, что престижъ ихъ, даже внѣшне, также быстро палъ какъ, по недоразумѣнію, возникъ, и достаточно было «вражескобольшевистскаго» щелчка, чтобы все ихъ величіе низвергнулось въ пропасть анархіи.

Какой-же итогъ для Россіи отъ февральской революціи, проведенной на подпольныя деньги, и вправѣ-ли Россія именовать ее «великой»?

Если-бы, по ходу исторической эволюціи, настала уже пора внѣгосударственнаго людского общежитія, о Россіи не стоило-бы больше говорить.

Но думаю, что идея родины еще надолго будетъ присуща людямъ, и государственная форма охраны ея еще не изжила свой вѣкъ. Искалѣченной Россіи долго придется еще собирать свои силы, чтобы вылиться въ здоровый и сильный государственный организмъ.

Не разразись наша «великая» во время и безъ того, великаго напряженія народныхъ силъ, я убѣжденъ, что, съ окончаніемъ войны, ей открылся бы широкій путь къ свободѣ вполнѣ нормально. Въ союзѣ съ Англіей, Франціей, Италіей и Америкой, вслѣдъ за окончаніемъ войны, Россія не могла бы оставаться позади. Истинная конституціонная монархія на твердыхъ законныхъ и, по возможности, не сложныхъ началахъ, была бы вполнѣ нормальной формой правленія для Россіи.

Но, теперь большой вопросъ: что станется съ Россіей?

Опрокинувъ въ грязь и оросивъ кровью престижъ царя, до толѣ неслыханной, въ глазахъ народа, силы, Россія разомъ очутилась въ положеніи разсыпавшейся храмины.

Въ доброй мѣрѣ мы этимъ обязаны самому царизму, въ томъ его видѣ, какъ его использовали приближанные къ престолу.

Все, что было революціоннаго въ зародышѣ въ Россіи, революціонировалось ими, по тупому неразумѣнію до конца, до высшаго напряженія, при чемъ для широкихъ народныхъ круговъ лишь въ таинственномъ, дымчатомъ ореолѣ выдѣлялись, случайно отдѣльныя фигуры, какихъ-то легендарныхъ мучениковъ, жертвующихъ жизнью и свободой «за народъ».

Не будь тупой цензуры и упрямаго запрета, въ народное сознаніе теперь не влилось-бы революціонное движеніе, какъ нѣчто, упавшее къ намъ съ неба, нѣчто невѣдомое, и потому обаятельное, уже самой новизной своей. Развѣ до революціи широкіе круги разбирались во всѣхъ этихъ: соціалъ-революціонерахъ, террористахъ, соціалъ-демократахъ, трудовикахъ, меньшевикахъ и большевикахъ!

Отъ нихъ правительство отдѣлывалось, безъ разбора, только висѣлицей, ссылками, каторгой и тюрьмами, и официально диктуемымъ молчаніемъ въ печати.

А слѣдовало поступать, какъ разъ, наоборотъ.

Изъ цикла фрондирующихъ, либеральствующихъ, сколько ни-будь выдающихся общественныхъ силъ, правительство должно было вбирать въ себя систематически все самое энергичное, жизнеспособное. Сколько нѣтчиковъ въ дѣлателяхъ революціи оказалось-бы тогда. И сколько развѣнчанныхъ заблаговременно именъ, возсіявшихъ на революціонномъ горизонтѣ, не привидѣлись бы ошеломленному народу ни богатырями, ни спасителями отечества.

Вѣдь надо-же правду сказать: сколько жалкаго ничтожества рядило наше правительство въ тогу мучениковъ и будущихъ вѣстниковъ свободы. Вмѣсто того, чтобы отдѣлываться отъ комариной стаи хлопушками, оно замахивалось на нее не иначе, какъ дубиной, превращая ее въ нѣчто, заранѣе, обаятельно-грозное.

А много ли дѣйствительно обаятельнаго и грознаго проявили наши, заранѣе къ этому готовившіеся, «политическіе дѣятели», — это показала намъ «великая революція» на первыхъ же порахъ.

Грознымъ оказался, въ концѣ концовъ, одинъ большевизмъ, вобравшій въ себя все безсознательное, взбаламученное разочарованіемъ въ силѣ и престижѣ царской власти. Не будь этой психологической черты въ успѣхѣ большевизма, однимъ теоритическими своими построеніями, онъ не завоевалъ-бы себѣ много адептовъ въ Россіи.

Но, схема: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»! — всегда одуряющей отравой, любовно льнула къ русской душѣ въ минуты отчаянія и безпомощной растерянности.

Что-же вызвало и это отчаяніе и эту растерянность? Откуда кровавая дисциплина власти у большевиковъ? Откуда ихъ сила двигать свои полчища тогда, когда ихъ не могли сдвинуть съ мѣста никакія потуги первыхъ дѣятелей революціи? Откуда явное безсиліе революціи въ томъ видѣ, какъ она всегда снилась русской интеллигенціи, и какъ она планировалась осуществиться?

Отвѣтъ ясенъ: потому, что она была не только не нужна, но вредна и въ высшей степени опасна для Россіи, въ ту минуту, когда разыгралась.

Она явилась сочетаніемъ внѣшнихъ вражескихъ усилій и слѣпорожденнаго самомнѣнія нашей интеллигенціи. Большевизмъ, со всѣми своими бурными излишествами, логическій выводъ ихъ нея, и жестокій, кровавый урокъ исторіи.

Россіи предстоитъ долгій, тернистый путь новаго строительства.

Но отпѣвать и хоронить ее рано.

Жестоко ошибается тотъ, кто уже, злорадно, теперь именуетъ ее: «бывшей»...

Она еще: «будетъ»!

Но пока еще руки у нея связаны...

Кто ихъ развяжетъ и дастъ ей очнуться отъ только что пережитаго кроваваго угара, тотъ явится истиннымъ народнымъ героемъ.

Да сбудется!

Кишиневъ
1918 г.